

❧ В. П. Степаненко ❧

**ВИЗАНТИЯ
В
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ
НА
БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
(1071— 1176)**

СВЕРДЛОВСК ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1988

ТЗ(0)44
С 794

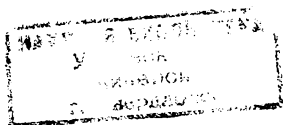
Печатается по постановлению
редакционно-издательского совета
Издательства Уральского университета

Степаненко В. П. Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке (1071—1176). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 240 с.

В монографии показана эволюция политики Византии на Ближнем Востоке в изучаемый период. Рассмотрены отношения Византии с сельджукскими эмиратами Малой Азии, с государствами крестоносцев и арабскими эмиратами Сирии, Месопотамии и Палестины. Использован большой фактический материал, извлеченный из источников как документального, так и нарративного характера.

Для специалистов по истории древнего мира и средних веков, студентов исторических факультетов.

Рецензенты:
доктор исторических наук
К. Н. Юзбашян;
кафедра истории средних веков
Ленинградского
государственного университета

1093329

С 0504020000-10
182 (02)-88

© Издательство Уральского университета, 1988

ВВЕДЕНИЕ

Внешняя политика любого государства при всей ее специфике остается тесно связанной с его внутренней политикой, являясь ее продолжением. Определенное влияние на нее оказывают и традиционные, веками формировавшиеся внешнеполитические доктрины, являющиеся органичной частью государственной идеологии данного общества. В свою очередь внешняя политика вместе с обслуживающей ее дипломатией обладает известной самостоятельностью по отношению к социальному базису, оказывая существенное влияние на экономику, идеологию и другие сферы жизни общества. Это и делает необходимым и оправданным изучение внутренних закономерностей внешней политики и дипломатии, выявление присущей им специфики, их эволюции в различные исторические эпохи.

Предмет нашего исследования — ближневосточная политика Византийской империи 1071—1176 гг., в тот бурный и насыщенный событиями период, когда, по словам К. Маркса, «появление сельджуков меняет все отношения в Передней Азии» [1, 109].

Хронологические рамки эпохи определяют две даты. 1071 г. — год поражения византийских войск в битве с армией султаната Великих Сельджукидов при Манцикерте, поражения, вследствие которого империя утратила не только контроль над системой вассальных государств вдоль своих границ от Сирии до Закавказья, но и входившие в ее состав территории Малой Азии, Северной Сирии и Месопотамии, где после распада султаната Великих Сельджукидов (1092) и первого кресто-

вого похода (1096—1100) образуются сельджукские эмираты и султанаты, а также государства крестоносцев. Вторая дата — 1176 г., год разгрома византийской армии при Мириокефале войсками малоазийского Румского султаната Сельджукидов, разгрома, положившего конец активной политике Византии на Ближнем Востоке.

Столетие, прошедшее между этими датами, было эпохой интенсивной и многоплановой внешнеполитической деятельности империи на всех фронтах — от Балкан до Египта и от Закавказья до Италии. Конечной целью ее было возвращение Византии статуса мировой державы сообразно с унаследованной ею имперской ойкуменической доктриной, по которой лишь василевс ромеев являлся вершителем судеб ойкумены, цивилизованного мира, с пределами которого должны были совпасть политические границы Византии.

Утрата ближневосточных территорий и возникновение здесь сельджукских эмиратов и государств крестоносцев усложнили задачи имперской дипломатии в данном районе, задачи, заключавшиеся в восстановлении, «насколько это возможно, претензий на универсальный суверенитет», возвращении утраченных территорий и «распространении имперской гегемонии посредством формирования системы союзов для того, чтобы воссоздать вокруг границ империи цепь лояльных государств сателлитов» [247, 431]. При этом во внешней политике Византии трезвая оценка своих реальных возможностей, основанная на анализе быстро менявшейся международной ситуации на Ближнем Востоке, сочеталась с догмами, унаследованными от X в., с представлениями о Византии как о единственной наследнице Рима. Но внешнеполитические доктрины, при всех их претензиях на универсализм, не могут быть неизменны, ибо зависят от множества объективных и субъективных факторов, которые могут привести к распаду целостной внешнеполитической системы, к утрате ею гибкости. Нечто подобное и произошло в Византии после 1071 г., когда под ударами сельджуков рухнули имперское ойкуменическое сообщество, созданная ею на протяжении X—I-й четверти XI в. система международных отношений. Бывшие вассалы Византии или считавшиеся таковыми в Константинополе либо погибают, как эмират X—I-й четверти XI в. система международных отношений султаната Великих Сельджукидов, как Грузия и армян-

ское Ташир-Дзорагетское царство [106, 40]. Ойкуменическая доктрина, которой руководствовалась в своей внешней политике империя, в данный период явно вступила в противоречие с реальностью, с той внешнеполитической ситуацией, в которой оказалась Византия в 70—90-е годы XI в. Малоазийские, сирийские и месопотамские фемы были утрачены, на Балканах хозяйничали норманны и печенеги, система вассальных государств, начало разрушению которых положила сама Византия, аннексировавшая в 1-й половине XI в. Болгарию и армянские и грузинские государства Закавказья, окончательно рухнула под ударами сельджуков. Наиболее наглядно крах ойкуменической доктрины проявился в «девальвации» системы византийской титулатуры, которая функционировала в сфере внешней политики. Дарование византийского сана с точки зрения империи автоматически влекло за собой признание получившим его, кем-либо из соседних владетелей, сюзеренных прав василевса ромеев. Но в 70—90-е годы по мере ослабления Византии растут византийские саны, даруемые владетелям соседних государств. Но свидетельствует это не о признании ими сюзеренитета императора, а о его заинтересованности в их военной и дипломатической помощи для борьбы с сельджуками. В конечном счете явное несоответствие претензий на роль главы ойкумены, которые сохранила Византия и после Манцикерта и которые в духе ойкуменической доктрины по-прежнему определяли принципы и методы ее внешней политики, с реальными возможностями империи во внешнеполитическом плане привело к известным изменениям в средствах и методах этой политики, но не к отказу от ее глобальных целей.

Анализ международных отношений на Ближнем Востоке на протяжении 1071—1176 гг. убеждает в том, что хотя колоссальные этнические, политические и социальные изменения в данный период были обусловлены рядом как внутри-, так и внешнеполитических факторов (сельджукское завоевание, крестовые походы), но темп, масштабы и последствия этих изменений зависели от конкретного хода борьбы между государствами региона, от соотношения сил на международной арене. Как следствие, при изучении ближневосточной политики империи и ее соседей необходимо учитывать не только постоянно менявшийся баланс сил между ними, но и

процесс развития оказывавших на него прямое или косвенное воздействие международных отношений в регионе в целом. В этой связи основополагающим принципом подхода к исследованию проблемы является принцип марксистско-ленинской методологии: «Брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов без единого исключения» [2, 351].

Комплексный подход к ближневосточной политике Византии опирается на состояние источников и историографии. Источники эти многочисленны и разнообразны. Традиционна и группировка их по этнокультурному признаку.

Из византийских источников единственным трудом, освещающим внешнюю политику Византии 80-х годов XI—20-х годов XII в., является «Алексиада» Анны Комниной. Дочь основателя династии Комнинов, будучи в опале в период правления своего брата Иоанна II (1118—1143), написала жизнеописание отца — Алексея I (1081—1118). Хронологические рамки работы принцессы несколько шире, так как она описала и сельджукское завоевание Малой Азии в 50—70-е годы XI в. Широко используя информацию участников событий (Иоанна Дуки), записки своего мужа Никифора Вриенния [см. 3], документы императорского архива (текст договора императора с князем Антиохии Боэмундом Тарентским, переписка Алексея I), Анна подробно описывает войны императора в Малой Азии и на Балканах, его взаимоотношения с участниками первого крестового похода, образование государств крестоносцев и последующую политику Византии в их отношении. При богатстве информации данных разделов «Алексиады» их хронология временами предельно запутана и сбивчива, особенно в разделах, посвященных истории Румского султаната, а также событиям рубежа XI—XII вв. [см. 95, 45—56]. Тем не менее византийско-румские отношения до 1118 г. известны нам лишь по труду Анны Комниной, так как параллельные источники румского происхождения отсутствуют, а сирийские освещают лишь события на восточных границах султаната.

Труду Анны Комниной присуща известная тенденциозность, связанная с самим его характером — панегирическим описанием деятельности императора как спасителя и восстановителя империи ромеев. В то же время, даже учитывая, что «Алексиада» писалась в 30—40-е

годы XII в., когда Анна находилась в опале, точка зрения византийской принцессы на те или иные события во многом совпадает с официальными воззрениями правящих кругов Византии [97, 152—172].

Труды Иоанна Киннама и Никиты Хониата посвящены войнам Иоанна и Мануила Комнинов на Ближнем Востоке, в Италии и на Балканах. Исследователями отмечено, что работа Киннама, сохранившаяся в единственной рукописи, была использована Хониатом при написании своего труда [81, 5—6]. В то же время он обращался к иным источникам, создав оригинальное произведение, в котором оценка деятельности императоров (особенно Мануила) не совпадала с мнением его предшественника. Хотя оба источника более или менее последовательно освещают ближневосточную политику Византии, использование их затруднено тем, что датировка событий здесь является скорее исключением, нежели правилом. Это вынуждает, при отсутствии параллельных источников, для отдельных этапов ближневосточной, и в частности малоазийской, политики империи реконструировать их хронологию лишь гипотетически (даты малоазийских походов Иоанна II в 30-е годы). Известную помощь в этом могут оказать документальные источники, не только византийские, но их количество невелико [см. 10, 42—43; 40, 77; 188, 298—303]. Ряд деталей, отсутствующих у Киннама и Хониата, содержится в произведениях Прокдрама [см. 4; 11; 12; 13].

Из сирийских источников наибольшее значение имеет «Хроника» Михаила Сирийца, яковитского патриарха в 1166—1199 гг., свидетеля и участника многих описываемых событий второй половины XII в. Михаил писал «всемирную историю», ранние части которой компилятивны. Наибольшую ценность имеют 15—17-я книги его труда, в которых описаны сельджукское завоевание Малой Азии, первый крестовый поход, история государств Сирии и Месопотамии XII в. [41]. Сведения хрониста по истории восточных районов Малой Азии, главным образом эмирата Данышмендов (он был уроженец Мелитены), уникальны и не отражены более ни в каких источниках. По истории Византии XI—XII вв. Михаил широко использует труды старших современников, в основном сирийцев митрополита Эдессы Василия Бар Шумна, пережившего захват города Имад ад дином Зен-

ги (1144), Дионисия Бар Салиби, Иоанна Кишумского и других [66, 85—105; 68, 120—122].

Продолжателями, а во многом и компиляторами Михаила Сирийца были второе лицо в яковитской церкви Григорий Абул Фарадж Бар Эбрей (1226—1286), тоже уроженец Мелитены, и неизвестный сирийский монах, так называемый Аноним 1234 г. Бар Эбрей, человек энциклопедически образованный, написал «Всеобщую историю», в составе которой наиболее значительной является «Светская история» — изложение событий всемирной истории. Период XI—XII вв. описан автором с широким привлечением хроники Михаила Сирийца. В то же время им были привлечены и иные, не дошедшие до нас источники, значительно дополнившие сведения Михаила Сирийца. В частности, судьбы Приевфратья во второй половине XII в. описаны Бар Эбреем несравненно полнее, нежели Михаилом [38; 68, 123].

«Анонимная хроника» 1234 г., при написании которой автор ориентировался на труд Михаила Сирийца, относится к жанру всемирных хроник и сохранилась в единственной дефектной рукописи. По-видимому, хронист мог пользоваться библиотекой монастыря Мар Бар Самумы, где ранее подвизались Михаил Сириец и Бар Эбрей, оставившие здесь рукописи своих хроник. Аноним находился в Иерусалиме во время взятия города Салах ад дином в 1187 г. Источники, которыми пользовался он при написании своей фрагментарно сохранившейся хроники «от сотворения мира», неизвестны. Но относительно событий второй половины XII в. его труд дополняет те сведения, которые содержат хроники Михаила Сирийца и Бар Эбрея. Труд Анонима доведен до событий 1234 г. Отсюда и общепринятое название его [см. 39; 69, 146—150].

Важнейшим из армянских источников конца XI — начала XII в. является «Хронография» армянского монаха из столицы Месопотамии Эдессы (арм. Урха) Маттэоса. Являясь, как показал Л. Хачикян, продолжением, если не переложением труда известного церковного деятеля Армении (Анийского царства) Акопа Санаинца, умершего в Эдессе в 1085 г. [124, 22—48], «Хронография» посвящена событиям 80-х годов XI—30-х годов XII в., происходившим в Месопотамии и, в меньшей степени, в Сирии, Малой Азии и Палестине. Труд Маттэоса был продолжен до 1164 г. Григорием Иереем

(Ереци). Труд Урхайеци — Ереци содержит уникальную информацию о международных отношениях на Ближнем Востоке, в частности, о внешней политике графства Эдесского. Византия для Маттэоса — нечто малознакомое, чуждое и очень далекое. В центре внимания хрониста судьбы графства Эдесского и Приевфратья в целом. Поэтому труд Маттэоса ценен для реконструкции обстановки, фона, на котором развивалась внешняя политика Византии на Ближнем Востоке [см. 42; 43, 152—201].

Продолжателем и компилятором труда Урхайеци, по-видимому, был Смбат Спарапет, один из ведущих политических деятелей Киликийского армянского царства, полководец, широко образованный человек. Значение приписываемой ему хроники для исследуемого нами периода заключается в том, что наряду с «Хронографией» Урхайеци при описании событий второй половины XII в. он использовал не дошедшие до нас источники, содержавшие ряд уникальных деталей восточного похода Мануила Комнина в 1159—1160 гг., о которых по тем или иным причинам умолчали византийские и латинские хронисты. Все ранее опубликованные тексты и переводы труда Смбата (?) восходили к его краткой редакции. И лишь недавно Ж. Дедеян по единственной рукописи пространной редакции издал французский перевод той части ее текста, который с большей или меньшей уверенностью может быть приписан Смбату (см. 46; 64, 40—47].

Наконец, самостоятельную ценность имеет сделанный в 1248 г. армянский перевод «Хроники» Михаила Сирийца, который скорее может быть назван сокращенной армянской версией этого труда. Но по событиям второй половины XII в. он сообщает ряд дополнительных сведений, в частности о политической ситуации в Малой Азии [44, 309—409; 101].

Арабские источники XII—XIII вв. с французскими переводами были изданы в монументальном «Собрании историков крестовых походов» еще в середине XIX в. Наиболее значительными из них являются труды Ибн аль Асира, Камал ад дина и изданная отдельно работа Ибн аль Каланиси.

«Камал аль таварих» Ибн аль Асира — огромный свод хроник, освещающий историю Ближнего Востока на протяжении значительного периода времени, для XI—XII вв. дает уникальные, в силу утраты источников,

сведения о взаимоотношениях атабеков Мосула, Алеппо и Дамаска с Румским султанатом, эмиратами Артукидов, государствами крестоносцев, армянскими княжествами и, в меньшей степени, Византией [49]. Ему же принадлежит труд, посвященный истории атабеков Мосула с конца XI в. вплоть до начала XII в. [50]. Судьбы эмирата Алеппо и его внешнюю политику на протяжении 70-х годов XI — 70-х годов XII в. подробно описывает Камал ад дин, давая подробную характеристику взаимоотношений эмирата с Антиохийским княжеством, атабеками Мосула и Дамаска, Артукидами Дияр Бакра [51]. Взаимоотношениям атабеков Дамаска Буридов с королями Иерусалима и атабеками Мосула посвящены опубликованные Г. Гиббом в английском переводе разделы «Истории Дамаска» Ибн аль Каланиси [52]: В целом труды арабских хронистов дают возможность реконструировать международные отношения на Ближнем Востоке (кроме малоазийского региона) с предельной полнотой, превосходя в информативности произведения сирийских, армянских и, естественно, латинских хронистов.

Латинские хроники по истории крестовых походов написаны авторами, различными по этносу, социальному происхождению, культурному уровню. Они много примитивнее по языку, уровню осмысления материала, кругозору авторов, нежели хроники ближневосточного культурного круга. Тем не менее это единственные источники, освещающие отношения крестоносцев, а затем и созданных ими государств с Византией и с теми из государств Ближнего Востока, которые оказались соседями этих новых образований.

Наиболее ранней из латинских хроник первого крестового похода являются «Деяния франков и прочих иерусалимцев» неизвестного рыцаря из окружения предводителя норманнского ополчения Боэмунда Тарентского [25]. Он находился в отряде князя во время осады Антиохии, затем воевал в составе южнофранцузского ополчения графа Тулузы Раймунда Сен-Жилля. Хроника написана на основании дневниковых записей и представляет собой последовательное описание первого крестового похода, охватывая события 1096—1099 гг. Его сведения в дальнейшем широко использовали поздние авторы, в частности Гвиберт Ножанский и Бодри Дольский [18; 26; 75, 137].

В последнее время благодаря исследованию Р. Кноха детально доказана высказанная еще Б. Куглером гипотеза о том, что автор широко известной, но пользовавшейся сомнительной репутацией у исследователей «Иерусалимской истории» Альберт Ахенский переработал утраченную хронику лотарингского рыцаря, участника похода в составе ополчения Бодуэна Фландрского, совершившего с графом поход в Киликию, а затем к Евфрату [212, 41]. Там, где Альберт воспроизводит сведения, почерпнутые у лотарингского анонима, изложение отличается предельной точностью и достоверностью (описание переворота в Эдессе в марте 1098 г., последующая история графства Эдесского) [см. 138, 101—138]. В то же время многочисленные рассказы весьма сомнительного характера принадлежат самому лотарингскому канонику, черпавшему сведения у купцов и паломников, проходивших через Ахен. По мнению Р. Кноха, материал анонима соответствует шести первым книгам «Истории» Альберта [212, 69]. Последний лишь переработал почерпнутую здесь информацию в прогерманском духе, характеризуя поход как чисто немецкое предприятие, а герцога Готфрида Бульонского — как идеал немецкого рыцаря-крестоносца [17, 271—713].

Французскому клирику, отправившемуся в поход в составе ополчения герцога Роберта Норманнского, Фульхерию Шартрскому принадлежат «Деяния франкских пилигримов, отправившихся на завоевание Иерусалима» [23, 319—585], охватывающие события первого крестового похода и историю Иерусалимского королевства до 1127 г. Автор довольно рано присоединился к ополчению Бодуэна Фландрского, будущего короля Иерусалима, участвовал в его киликийском походе, затем в эдесской экспедиции, будучи капелланом графа. После смерти Готфрида Бульонского, когда Бодуэн стал его преемником в Иерусалиме, Фульхерий с графом покинул Эдессу и в дальнейшем жил при дворе Бодуэна I, а затем Бодуэна II, став официальным историографом Иерусалимского королевства. Он писал свой труд частями в 1101, 1106, 1124 и 1127 гг. По-видимому, события, в которых участвовал хронист до своего появления в Иерусалиме, описывались по памяти. Поэтому многое из того, свидетелем и участником чего он был, например заговор в Эдессе в ноябре 1098 г., опущено. В изложении Фульхерием событий проявился своеобразный «иерусалимо-

центризм». Так, описывая события после 1100 г., он лишь перечисляет те из них, которые не имели прямого отношения к судьбам королевства, ограничиваясь лишь констатацией факта византийско-антиохийской войны 1107—1108 гг. на балканском театре военных действий, не упоминая операций Танкреда в Киликии. Лишь для истории крестового похода и первого этапа существования Иерусалимского королевства «Деяния...» Фульхерия имеет существенное значение.

«История франков, которые взяли Иерусалим» Раймунда Ажильского — апология предводителя южно-французского ополчения Раймунда Тулузского, духовником которого был хронист [30, 231—305]. Близость Раймунда к графу и папскому легату Адемару де Пуи давала ему возможность получать информацию о планах предводителей крестоносных ополчений и об итогах их совещаний. Впрочем, зачастую, подобно автору «Деяний франков», хронист излагает слухи, ходившие в лагере крестоносцев. Хроника Раймунда была написана в 1098 — конце 1099 г. и хронологически охватывает события первого крестового похода вплоть до взятия Иерусалима.

Столь же тенденциозна, уже в силу жанра повествования, и биография племянника Боэмунда Тарентского, в будущем — регента Антиохийского княжества Танкреда, написанная норманнским рыцарем Раулем Каэнским [29, 593—726]. В основе труда — записи самого автора, участника похода, свидетельства Танкреда и рыцарей из его окружения. Хронист дает ряд ценных сведений о византийско-антиохийских отношениях, о чем умалчивают остальные латинские хронисты, в частности о византийско-антиохийской борьбе за Равнинную Киликию.

К труду Рауля примыкает небольшая хроника Готье Канцлера «Антиохийские войны», посвященная борьбе преемника Танкреда князя Антиохии Рожера (1112—1119) с владельцем Мардина, а затем Алеппо Иль Гази Артукидом [24]. Будучи канцлером княжества, автор непосредственно участвовал в походах Рожера, в 1119 г., попав в плен к Артукиду. Наряду с фактами внешнеполитического плана хроника сообщает ряд сведений о структуре Антиохийского княжества, о феодах и вассалах князя.

Наконец, лишь в одном из позднейших источников,

во многом вторичном с точки зрения используемого материала, сохранился рассказ о византийском посольстве к Рожеру в 1118—1119 гг., несомненно, восходящий к свидетельствам современников, хотя и несколько стилизованный Ордериком Виталисом, мало знакомым с византийскими реалиями [27, 262].

Единственным сочинением, претендовавшим на полное описание как первого и второго крестовых походов, так и истории всех государств крестоносцев на Ближнем Востоке, является «История деяний в заморских землях» Гийома Тирского, охватившая почти столетний период с 1095 по 1184 г. [31]. Автор, по-видимому, уроженец Иерусалимского королевства, принадлежавший к его верхушке, получил образование в Европе, возвратившись на восток в 1162 г. Период 1095—1144 гг. описан им на основании трудов лотарингского анонима, известного и Альберту Ахенскому (но не труда Альберта, как считали ранее), отчасти — Раймунда Ажилльского, Фульхерия Шартрского, Бодри Дольского; период 1144—1163 гг. — на основе анонимных «Деяний Бодуэна III». Часть информации почерпнута у старших современников — участников событий 1127—1144 гг., архивных данных. Так, рассказывая о разводе Амори I с Агнессой де Куртенэ, официальной причиной которого явилось их родство в четвертом колене, хронист обращается за справкой к аббатисе монастыря св. Марии Старшей в Иерусалиме, дочери графа Эдессы Жослена I и Марии Антиохийской (сестры Рожера), которая была теткой Агнессы [31, 889]. Лишь с событий 1144 г. начинается самостоятельно написанная Гийомом часть хроники. Источниками ее послужили как собственные записи автора, так и официальные документы королевского и патриаршего архивов Иерусалима. При Амори I Гийом становится дипломатом, выполняя поручения короля. В 1168 г. он едет с миссией в Византию для ведения переговоров о походе на Египет, в 1174 г. становится канцлером королевства и воспитателем юного Бодуэна IV, в 1175 г. — архиепископом Тира. В 1175 г. он едет в Рим на Латеранский собор, по возвращении с которого останавливается в Константинополе, по-видимому, выполняя дипломатическое поручение, связанное с предполагавшимся браком Алексея II Комнина и Агнессы Французской. К концу 70-х годов Гийом полностью отходит от политической деятельности, всецело

посвятив себя завершению своего труда. Была тому и внешняя причина — ожесточенная внутривосточная борьба за власть в королевстве, которую вели группировки королевы — матери Агнессы и коннетабля, графа Триполи Раймунда III. В этих условиях Гийом предпочел устраниваться от борьбы [см. 213, 149—166; 236, 182—201].

Труд Гийома был задуман как «Деяния Амори I», лишь в ходе работы переросшие в историю Иерусалимского королевства. При описании второго крестового похода им был использован источник, легший в основу и «Деяний Людовика VII», короля Франции. Гийом тенденциозен, как тенденциозны все средневековые хронисты. Дискуссия по данному вопросу между М. А. Заборовым и Г. Дмитриевым не выявила «нейтральных» источников по истории крестовых походов, ибо все авторы, будь то византийцы, сирийцы, армяне, арабы, франки, рассматривали походы субъективно, с точки зрения той этнической общности и социальной группы, к которой они принадлежали. А так как в средневековье в условиях нестабильности народностей этническое самосознание, особенно на Ближнем Востоке, частично совпадало с религиозным и этническая принадлежность отождествлялась с принадлежностью к «национальной» церкви, то конфессиональный аспект наложил яркий отпечаток на описания средневековых хронистов, зачастую и принадлежавших к числу клириков [78, 153—160; 72, 138—148].

Тенденциозность Гийома наиболее ярко проявилась в том, что при описании византийско-иерусалимских отношений, творцом которых как канцлер королевства он отчасти и был, хронист старательно избегает щекотливых вопросов: считались ли короли Иерусалима вассалами императоров Византии в Константинополе и признавались ли имперские претензии на сюзеренитет в Иерусалиме? Тенденциозность проявляется автором и при описании борьбы внутри и между государствами крестоносцев. Это по возможности замалчивается, что характерно для всех латиноязычных источников данного периода.

В начале XIII в. во Франции был сделан перевод «Деяний» Гийома Тирского, получивший название «История императора Иракла» — по первой фразе его. В дальнейшем текст «Истории» неоднократно дополнялся

описанием событий до 1234, 1261 гг. и далее. Одной из версий продолжения является сочинение Эрнуля, вассала Бальяна де Ибелина, участника событий 1187 г., в частности, битвы при Хаттине и сдачи Иерусалима, описавшего второй и третий крестовые походы. Хроника Эрнуля была написана после 1187 г. в замке его сюзерена Лакемон около Акры, полученном Бальяном от Салах ад дина. Труд Эрнуля содержит уникальные сведения об отношениях государств крестоносцев с княжеством Рубенидов Киликии в 50—60-е годы XII в., в частности, о переговорах князя Тороса II с Амори I. Хроника в дальнейшем была дополнена казначеем монастыря Корби Бернаром, доведшим изложение событий до 1228—1229 гг. [21; см. также: 20].

Из источников по истории второго крестового похода отношения Византии с участниками его — императором «Священной Римской империи» Конрадом III и королем Франции Людовиком VII — освещают, хотя и достаточно кратко, хроники Оттона Фрейзингенского и Одо Дельского [22; 28].

Кроме нарративных источников существенное значение для истории Ближневосточной политики Византии имеют документальные, сфрагистические и эпиграфические. Еще в XIX в. были опубликованы хартии князей Антиохии, графов Эдессы и Триполи, королей Иерусалима монастырям и церквям «святого града», орденам тамплиеров, госпитальеров, дающие возможность осветить судьбы бывшей объектом борьбы между Византией и Антиохийским княжеством Равнинной Киликии, роль орденов в организации защиты границы Антиохийского княжества и в его отношениях с княжеством Рубенидов [32; 33, 109—222; 34; 35].

Г. Шлюмбержье опубликовал сфрагистические материалы по истории Византии и государств крестоносцев [16]. Ряд уникальных мотивов был опубликован в последнее время Г. Заком, В. С. Шандровской [15, № 368 а, б; 122, 173—182; 123, 36—42].

Наконец, неоднократно публиковалась имеющая значение для оценки характера византийско-иерусалимских отношений надпись Мануила Комнина в храме Рождества в Вифлееме [37, 99—103; 36].

В целом исследуемый период освещен источниками крайне неравномерно. Так, из государств крестоносцев латинские хронисты менее всего осведомлены об истории

графства Эдесского. Судьбы графства Триполи и Антиохийского княжества освещены ими постольку, поскольку они были достаточно тесно связаны с Иерусалимским королевством и географически не столь отдалены от него. История последнего и его взаимоотношения с Византией детально описаны в трудах современников событий, в частности Гийома Тирского, хотя тенденциозность его и очевидна.

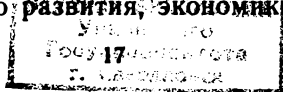
Для арабских, сирийских и армянских хронистов XII в. история Византии явно отходит на второй план. Внешняя политика империи привлекает их внимание лишь в экстраординарных случаях, таких, как появление византийских войск на территории Киликии и Сирии. Малоазийские походы императоров известны лишь Михаилу Сирийцу, явно использовавшему ранние источники. К сожалению, малоинформативны и собственно византийские хроники, быть может, за исключением «Алексиады» Анны Комниной. Значительные трудности до сих пор представляет и датировка тех или иных событий, известных по трудам Киннама и Хониата, как правило, не датировавших своих сообщений. И если хронологические сбои в «Алексиаде» достаточно убедительно исправлены Я. Н. Любарским [95, 56—59], то датировка событий, особенно применительно к малоазийской политике Византии, в трудах Киннама и Хониата все еще в ряде случаев остается гипотетичной, несмотря на значительную работу, проделанную исследователями — от Ф. Шаландона и В. Стефенсона до Р. Браунинга и А. П. Каждана [158; 160; 142, 229—236; 271; 81, 3—31].

Историография темы предельно пестра, так как входящие в нее вопросы исследованы крайне неравномерно. Собственно проблематике исследования посвящен единственный, уже поэтому не утративший своего значения труд известного французского исследователя Ф. Шаландона, в котором освещена вся внешняя политика Византии с 1081 по 1180 г. Изданный в двух томах в 1900 и 1912 гг., он был основан на гигантском фактическом материале [158; 160]. И если фактологическая база истории отношений Византии с Западом и государствами крестоносцев к этому времени была достаточно полно разработана, то огромная работа по воссозданию фактологии малоазийской политики — всецело заслуга Ф. Шаландона, использовавшего весь круг доступных ему источников. В то же время полная неисследован-

ность истории малоазийских эмиратов и Румского султаната (частично в том, что касается истории эмирата Данышмендов, сохраняющаяся до наших дней [см. 228, 167—173; 59, 181—182]), создала определенные трудности для исследователя при анализе внешней политики Рума. Сохраняются они поныне, даже после блестящих работ Ж. Лорана, В. А. Гордлевского, К. Казна [224; 226, 175—180; 65, 21—218; 147, 5—67; 148, 14—27; 150; 154, 118—125; 280, 285—319].

1093329
Лишь после публикации труда Ф. Шаландона началось исследование ойкуменической доктрины как идеологии внешней политики Византии, предопределившей ее цели, принципы и методы. Работы Ф. Дельгера, Д. Оболенского, Г. Острогорского, Н. Арвейлер во многом вскрыли специфику внешнеполитической доктрины империи, без учета которой многие акции византийской дипломатии оставались непонятными и труднообъяснимыми [170, 183—196; 171, 34—69; 172, 159—182; 245, 45—61; 246; 247, 37—44; 248, 1—14; 132; 134]. Проблема создания и функционирования системы вассальных государств вдоль границ Византии была поставлена в коллективном докладе советских исследователей [113, 21—26]. В дальнейшем разработка проблематики внешней политики Византии пошла по пути как углубленного исследования отдельных эпизодов, уточнения их датировок [см. 54, 117—119; 81, 3—31; 83, 235—236; 94, 260—272; 106, 34—44; 111, 53—63; 112, 139—147; 142, 229—236; 187, 215—227; 188, 298—303; 250; 274; 279, 68—73], так и изучения отношений империи с Западом и государствами, образовавшимися на территории Ближнего Востока вследствие сельджукской экспансии и первого крестового похода [55, 78—88; 57, 5—13; 60; 61, 1—176; 149, 10—15; 151, 84—90]. Следует подчеркнуть, что исследовались данные отношения преимущественно в рамках изучения проблематики крестовых походов. И лишь монументальный труд Р. Ламмы был посвящен взаимоотношениям Византии с государствами Западной Европы на протяжении столетия от 80-х годов XI до 80-х годов XII вв. [216].

В византиноведении проблемы внешней политики империи в силу объективных причин надолго отошли на второй план, уступив место более актуальным в послевоенный период — 50-е — 70-е годы XX в. — проблемам внутривосточного развития, экономики и социальной

структуры Византии. Исследование истории империи XI в., начатое в 50-е годы Г. Острогорским, Р. Дженкинсом, П. Харанисом, Г. Гийяном [249; 208; 163, 196—240; 164, 140—154; 194, 168—194], Р. Лемерлем, позднее было продолжено в 60—70-е годы рядом исследователей, в частности Х. Арвейлер, С. Врионисом [131; 133, 124—137; 276, 157—175; 277]. В русской историографии наиболее фундаментальной, в известной степени до сих пор не утратившей своего значения является монография Н. Скабалановича [102]. В советское время проблемы византийской истории X—XI вв. стали предметом исследования Г. Г. Литаврина, А. П. Каждана, применительно к восточным фемам империи и ее отношениям с государствами Закавказья — Р. М. Бартикяна, К. Н. Юзбашяна, В. А. Арутюновой (см. 92; 93; 87; 88; 137; 54; 125, 36—45; 126, 104—113; 127]. В то же время вплоть до настоящего времени как в советской, так и в зарубежной историографии остаются слабо изученными социально-экономические отношения в Византии в XII в., их эволюция, социально-экономические причины краха «клана Комнинов», а затем и самой империи в 1204 г. Многие вопросы, поставленные в советской историографии еще в 60-е годы, такие, как социальная база «клана Комнинов», его военная и налоговая политика, отношения с различными группировками правящей верхушки, отношение провинциальных городов к политике центрального правительства, процесс закабаления крестьянства и его последствия, не получили сколь-нибудь убедительного разрешения [см. 80; 82, 53—98; 87]. Все это создает определенные трудности и при анализе внешней политики Византии XII в., так как пока нет возможности четко определить, как относилась та или иная группировка правящей верхушки к внешней политике «клана Комнинов» и как это отношение влияло на данную политику.

В русской историографии отдельные вопросы восточной политики Византии, в основном периода крестовых походов, рассматривали А. А. Васильев, Ф. И. Успенский, В. Г. Васильевский [60; 61, 1—176; 62, 18—105; 63, 106—138; 114, 229—268; 116; 117, 111—138; 118]. Особенно значительны работы последнего, посвященные союзу «двух империй» и итальянской кампании Мануила Комнина. В советской историографии эта проблематика не исследовалась и соответствующая глава коллективной

монографии «История Византии» во многом основывалась на труде Ф. Шаландона, будучи вторичной как по использованному материалу, так и по общей концепции. Так, была воспроизведена оптимистическая оценка внешнеполитического положения Византии накануне Мириокефала, присущая французскому исследователю, но мало обоснованная в его работе [80, 329].

В западноевропейской историографии внешняя политика Византии конца XI—XII вв. также исследовалась преимущественно в связи с крестовыми походами. История изучения последних насчитывает уже второе столетие, начиная с работ М. Мишо и Э.Дюлорье и кончая трудами Р. Груссе, К. Каэна, С. Рэнсимена и Г. Майера [191; 146; 151, 84—90; 153, 6—30; 154, 118—125; 173; 237, 717—733; 238, 93—184; 263, 3—12; 264]. Для западноевропейской и американской историографии XIX — первой половины XX в. характерен апологетический подход к движению крестоносцев. Для Э. Дюлорье крестоносцы — «мстители униженного креста». Их освободительная миссия в отношении закабаленного «неверными» сельджуками христианского населения Ближнего Востока, в недавнем прошлом подвластного Византии, неоспорима, а благородные цели, как, например, оказание помощи империи и освобождение Иерусалима из рук «неверных», делают их носителями и выразителями общехристианских чаяний и идеалов [173, 226]. Как следствие, христианское население Ближнего Востока рассматривается Э. Дюлорье в качестве естественного союзника западных «освободителей», а Византия, не столь уж безоговорочно воспринявшая «благородные» цели похода и пытавшаяся использовать «мистический порыв» крестоносцев в своих интересах, объявляется изменницей «общехристианскому делу». Элементы данной трактовки крестовых походов, не имевшей ничего общего с реальностью и в дальнейшем неоднократно использовавшейся в интересах империалистических государств новейшего времени, ныне сохранились в трудах лишь отдельных исследователей. Ярчайший пример апологетики походов — трехтомная монография французского исследователя Р. Груссе, кстати, все еще являющаяся лучшей в плане фактологии [191]. Лишь здесь дано подробное описание и анализ Константинопольского соглашения Алексея I с крестоносцами, предопределившего характер дальнейших отношений двух сторон. В то же

время при анализе отношений королей Иерусалима с императорами Византии исследователь пытался доказать, что они были основаны не на признании первыми сюзеренитета вторых, но на общехристианской солидарности в борьбе с «неверными», будучи братскими по характеру и равноправными по форме [191, 2, 407]. Для доказательств данного тезиса Р. Груссе либо игнорирует известные факты, его опровергающие, либо отменяет свидетельства византийских хронистов как тенденциозные. Даже борьба между Византией и Иерусалимским королевством за влияние в Антиохийском княжестве, о которой сообщают латинские хронисты, замалчивается, а попытки королей установить свой контроль над Антиохией объясняются некими высшими интересами, общехристианскими, кои и выражали владельцы «святого града». Лишь недавно данный вопрос был четко поставлен и разрешен Г. Э. Майером [237, 717—733].

Вышедшая в свет позже столь же монументальная монография английского исследователя С. Рэнсимена при значительно меньшей информативности была свободна от многих догм апологетики крестовых походов. В частности, анализируя отношения Византии с крестоносцами, автор убедительно опроверг традиционные обвинения империи в измене «общехристианскому» делу. В то же время С. Рэнсимен развил теорию об освободительном характере походов в отношении христианского населения Ближнего Востока, квинтэссенция которой была дана им в докладе на X конгрессе историков в Риме (1955). Исследователь заявил, что «армяне оставались единственным народом византийской сферы влияния, который рассматривал крестовый поход как святую войну, а крестоносцев, как таковых, по крайней мере во время их первой экспедиции, как ведомых и вдохновляемых богом [265, 624]. Как следствие, дабы обосновать теорию освободительной миссии крестоносцев, были сделаны попытки доказать, что первый крестовый поход был предпринят по просьбе Византии, что и предопределило его характер акта помощи Западу Востоку. Обусловленность похода призывом Византии о помощи доказывал П. Харанис [162, 17—36]. В. Хольцман, Д. Мунро и Дж. Хилл на основании свидетельств западных хронистов о присутствии византийских послов на соборах католической церкви в 80—90-х годах XI в. сделали вывод о том, что поход прямо связан с оказанием воен-

ной помощи Запада Византии [205, 38—67; 240, 731—733; 199, 222—227]. Против столь односторонней трактовки причин похода выступил Р. Лемерль [229, 595—620]. К. Каэн убедительно показал, что легенды о насилиях «неверных» над христианским населением Ближнего Востока и над западными паломниками к «святым местам» были сфабрикованы католической церковью и не явились поводом для начала движения крестоносцев [163, 6—30; 154, 118—125]. Анализ положения на Ближнем Востоке накануне похода содержат труды Ж. Лорана и К. Каэна [224; 225; 147, 1—67].

В круг вопросов, связанных с ближневосточной политикой Византии, входит и история государств, граничивших с нею и образовавшихся на принадлежавших ей ранее территориях вследствие сельджукской экспансии и первого крестового похода. Так, достаточно полно исследована политическая история Иерусалимского королевства. Лучшей здесь, несмотря на появление в 60-е годы монографии Дж. Правера, остается работа Груссе [251; 191]. Внутриполитическую борьбу в период правления Фулько Анжу и регентства Мелисенды детально исследовал Г. Э. Майер [238, 93—184]. Из трудов, посвященных истории Антиохийского княжества и графства Триполи или судьбам их правителей, основными являются труды К. Каэна [146] и Ж. Ришара [258; 259, 103—108]. Ранний период истории Антиохийского княжества полно освещен американским исследователем Р. Никольсоном в его монографии о регентстве Танкреда [242], тогда как образованию графства Триполи и отношениям Раймунда Сен Жилля с Алексеем Комнином посвящен ряд работ Дж. и Л. Хилл [199, 222—227; 200; 201]. Меньше «повезло» графству Эдесскому, возможно, потому, что его судьбы прослеживаются преимущественно по армянским и сирийским источникам достаточно отрывочно. Обобщающих работ по его истории нет. Наиболее значительной из существующих является монография Р. Никольсона, посвященная третьему графу Эдессы Жослену I де Куртенэ (1102—1131) [243]. Практически нет работ по истории графства Марашского. Единственным монографическим исследованием истории Киликийского армянского государства является работа Г. Г. Микаеляна, несколько устаревшая в разделах, посвященных первому периоду существования княжества Рубенидов [98]. Монументальные труды К. Ка-

эна посвящены истории Румского султаната и эмиратов Артукидов Диар Бакра [150; 145, 219—276]. Столь же значительна и работа Н. Елисеева, освещающая внутреннюю и внешнюю политику атабека Алеппо Нур ад дина (1146—1174), противника Рума и государств крестоносцев, объединившего под своей властью Сирию, Месопотамию и часть Малой Азии [176]. В целом данные исследования затрагивают отдельные аспекты международных отношений на Ближнем Востоке, в рамках которых развивались и отношения Византии с государствами региона. В известной степени это дает возможность реконструировать международные отношения здесь на протяжении исследуемого периода с достаточной полнотой.

Подводя итог рассмотрению историографии темы, следует отметить, что после работы Ф. Шаландона она не являлась предметом исследования, тогда как в западноевропейской историографии продолжалось изучение ряда частных вопросов, например, внешней политики государств крестоносцев, в том числе и их отношений с Византией.

Лишь в последнее время была издана работа Р. Лили, посвященная отношениям Византии с крестоносцами в период трех крестовых походов, во многом свободная от апологетики [230]. Несомненной заслугой автора является то, что он четко выделил и проанализировал (впервые после Р. Груссе) Константинопольское соглашение, видя в нем основу будущих отношений Византии с государствами крестоносцев, а также, не располагая всей совокупностью данных источников, подчеркнул значение киликийского вопроса в международных отношениях в регионе в целом и византийско-антиохийских в частности после войны 1107—1108 гг. [230, 99]. Последняя проблема, поставленная еще в XIX в. Р. Рерихтом и Ш. Кехлером [32; 33], все еще по меньшей мере игнорируется советскими исследователями [например, 56; 57, 5—13].

Таким образом, целью нашей работы является анализ ближневосточной политики Византии на протяжении столетия в общем контексте как международных отношений в регионе, так и в системе внешней политики самой империи. В качестве задач можно выделить следующие: насколько при сохранении, на наш взгляд, глобальных целей восстановления ойкуменического сооб-

щества как системы международных отношений во главе с Византией и возвращения утраченных после 1071 г. территорий, целей, во многом predeterminedных как доктринами предшествующей эпохи, так и политическими реалиями исследуемого периода, была возможна эволюция форм и методов данной политики? Не сыграл ли внешнеполитический фактор — крайне напряженная и многоцелевая внешняя политика империи — свою роль в резком ослаблении и гибели Византии к концу XII в.? И наконец, реальны ли все еще господствующие в историографии представления о стабильности и, как следствие, результативности ближневосточной политики Византии?

Поскольку большинство рассматриваемых вопросов не разрабатывалось в советской историографии, а в западноевропейской сложились устойчивые стереотипы их трактовки (например, в отношениях Византии и крестоносцев), при написании данной работы мы столкнулись с множеством дополнительных трудностей как фактологического, так и концептуального характера. Многие частные проблемы заслуживают специального рассмотрения. В этой связи возможно, что результаты целенаправленного исследования их внесут коррективы или даже опровергнут некоторые наши трактовки и выводы, в чем мы отдаем себе полный отчет.

До 70-х годов XI в. в Азии Византии принадлежали территории Малой Азии, Северной Сирии и Месопотамии, часть Закавказья, в Европе — значительная часть Балканского полуострова после завоевания Болгарии (1018). Утрата империей после Манцикерта ближневосточных фем привела к тому, что под контролем центрального правительства остались лишь Константинополь и прилегающие к нему территории, Эллада, Пелопоннес, острова Эгейды. Но если восстановление власти Византии на Балканах в целом завершилось к концу 90-х годов XI в. вследствие изгнания норманнов и разгрома печенегов, то отвоевание утраченных восточных фем стало основной ее целью вплоть до 70-х годов XII в. К этому времени империя смогла вернуть под свой контроль почти все малоазийское побережье Черного и Средиземного морей от Трапезунда до границ Антиохийского княжества и установить сюзеренно-вассальные отношения с государствами крестоносцев, в той или иной степени включив их в состав ойкумены.

Идеологической базой внешней политики Византии в данный период оставалась ойкуменическая доктрина, согласно которой потенциальные границы империи отождествлялись с пределами цивилизованного мира — ойкумены. Только император был законным главой последней, тогда как остальные правители — лишь архонтами, правящими постольку, поскольку василевс ромеев временно уступил им часть своего верховного суверенитета над какой-то частью ойкумены. Существование в рамках ее государств, не признававших сюзеренитет императора, оправдывалось в Константинополе тем, что

«сегодня они могут быть вне имперской гегемонии или в мятеже против нее. Но идеально и потенциально они остаются подданными василевса и когда-нибудь склонятся перед своим законным сюзереном» [245, 56]. В X в. оформляется представление об ойкуменическом сообществе как «упорядоченной иерархии подчиненных государств сателлитов, вовлеченных в послушную гармонию вокруг престола всеобщего автократора в Константинополе» [245, 54]. Возглавлявшие данные государства правители-архонты входили в состав идеальной семьи народов во главе с василевсом. Термины родства «брат», «сын», «друг» имели титулярный характер и определяли место правителя и возглавляемого им народа в рамках ойкуменического сообщества. До некоторой степени место определялось также и византийским саном, который давался правителю пожизненно. Обе системы имели международно-правовой характер и определяли как нормы отношений Византии с соседними государствами, так и формы и методы ее внешней политики в данный период. Пожалование сана, с византийской точки зрения, неопровержимо свидетельствовало о вассальной зависимости его носителя от императора и признание первым неких верховных прав второго в рамках ойкумены. Такова была теория. Но действительный характер зависимости каждый раз определялся не наличием сана, а реальным соотношением сил между империей и данным государством, т. е. способностью Византии навязать последнему статус члена ойкуменического сообщества. Для нашей темы существенно, что василевс считался потенциальным владельцем всей территории ойкумены и тем более империи и рассматривался как сюзерен владельцев образовавшихся на ее территории государств независимо от того, в каких отношениях находились Византия и данное государство и поддерживали ли они их вообще. Отсюда прокламирование прав василевса на возвращение под его прямой контроль тех частей ойкумены, которые в данный период отпали от империи, оправдывало экспансию Византии против соседних государств [169, 183—196; 170, 34—69; 171, 159—182]. Действенность ойкуменической доктрины в отношениях Византии с соседями наиболее ярко проявилась в ее политике в Закавказье в первой половине XI в. Воспользовавшись процессом феодальной раздробленности Армении и временным ослаблением находившейся в стадии

объединения Грузии, империя смогла завоевать значительную часть Закавказья (1000—1064). В Константинополе акты аннексии оформлялись как возвращение василевсу его верховных прав на данные части ойкумены, некогда временно уступленные императором местным властям, а ныне добровольно возвращаемые ими, переходящими в имперское подданство и входящими в состав византийской аристократии. Так, в 966 г. был аннексирован Тарон, в 1001 г. — Тао-Кларджети, в 1021 г. — Васпуракан. Признал сюзеренитет Византии шаханшах Анийского царства Иовханнэс-Смбат, завещавший свой удел империи, а в 1044 г. все царство было аннексировано ею. Наконец, в 1065 г., уже в обстановке сельджукского завоевания Закавказья, в состав Византии ненадолго вошел Вананд, переданный ей царем Гагиком¹.

Все армянские правители получили византийские саны и земельные владения в Малой Азии, где к 1065 г. образуется группа армянских княжеств во главе с экс-царями из династий Багратуни и Арцруни [105, 128—148; 166, 41—117]. Сюда переносится армянский патриарший престол. Менее известны масштабы переселения в империю армянских феодалов. Так, в 1044 г. передал свои владения Византии Григор Пахлавун, получивший земли в Месопотамии, сан и пост в византийской провинциальной администрации. Григор был дукой Месопотамии, затем — Васпуракана и Тарона, позже Манцикерта [126, 104—113]. Один из его сыновей занял армянский патриарший престол, второй в 1077 г. был дукой Антиохии. Подобные примеры можно умножить. Естественно, что сведения о масштабах переселения в Византию населения аннексированных ею армянских государств отрывочны. Но только с царем Васпуракана Сенекеримом Арцруни в его новые владения в Малой Азии ушли четырнадцать тысяч воинов-азатов. Общая численность переселившихся определяется исследователями по-разному — от 90 до 400 тысяч человек [166, 69]. Велико было число ушедших в Малую Азию и с шаханшахом Ани Гагиком II. В 1065 г. в обстановке сельджукского завоевания Закавказья бегство армян на территории восточных фем Византии принимает катастрофические масштабы. Они оседают на территориях Малой Азии, Сирии и Месопотамии, где армянское население было уже значительно к началу XI в. вследствие пере-

селенческой политики Византии в ходе отвоевания ею данных территорий у арабов [164, 140—154]. А так как в интересах единства империи византийская администрация стремилась нивелировать культурную специфику различных народов, населявших ее территорию, то рост армянского населения ее восточных фем, продолжавшийся вплоть до сельджукского завоевания данных районов, сопровождался усиленными попытками его эллинизации, в первую очередь в религиозном и более широком культурном плане. И чем более росла сельджукская угроза, тем настойчивее становились попытки империи уничтожить армянские княжества Малой Азии, становившиеся все более автономными по мере ослабления позиций центрального правительства на местах в связи с усиливавшимся натиском сельджуков. В условиях растущих внешнеполитических неудач Византии данная политика была обречена на провал и лишь усилила напряженность в отношениях правительства с армянскими владетелями, хотя окончательный разрыв наступил в 1071 г., когда византийские войска были наголову разгромлены сельджуками при Манцикерте и империя утратила реальный контроль над своими восточными фемами.

Внутриполитический кризис в Византии сыграл существенную роль в утрате ею ближневосточных фем. Борьба за власть двух группировок феодалов, традиционно определяемая как борьба столичной чиновной бюрократии и военной провинциальной землевладельческой знати за феодальную ренту и способ ее присвоения, особенно обострилась во второй половине XI в., когда с 1056 по 1081 г. на престоле сменилось шесть императоров. Между тем внешнеполитическое положение Византии непрерывно ухудшалось. В 50-е годы сельджукские отряды грабили уже глубинные районы Малой Азии. В 1056/57 г. они разграбили Тарон, летом 1057 г. — Месопотамию, осенью — Колонию, сожгли Мелитену, в июне 1059 г. разграбили Севастию — центр владений Арцруни [277, 166]. Развал обороны восточной границы начался еще раньше, когда в 1057 г. Катакалон Кекавмен увел на помощь мятежному Исааку Комнину фемные контингенты Халдии и Колонии. В 1064 г. сельджуки штурмом взяли Ани — центр византийских владений в Закавказье. В 1065 г. они сожгли Кесарию Каппадокийскую. Разграбив город, хаджиб Гюмюш-тегин про-

шел через территорию Киликии в Сирию, где совместно с Мирдасидами Алеппо разграбил территории фем Телух и Антиохия. Приход к власти в Византии ставленника провинциальной аристократии известного полководца Романа Диогена не смог изменить ситуации, так как развал армии был необратим. К этому времени имущественная и социальная дифференциация стратиотов, замена военной службы уплатой налогов, шедших на наемников, неуклонно вели к замене фемных войск наемными контингентами. Комплектование тагм наемников по этническому признаку довольно скоро привело к тому, что основная тяжесть борьбы с сельджуками все более ложилась на плечи депортантов из Закавказья, все менее отождествлявших свои интересы с византийскими. Все это вынудило Диогена провести ряд мер по укреплению армии, не давших существенных результатов. Император пришел к власти, несмотря на яростное сопротивление придворных кругов, объединившихся вокруг сыновей его предшественника Константина X Дуки и пытавшихся использовать внешнеполитические трудности Романа IV для его свержения. С 1068 г. театром военных действий стала Месопотамия, где происходило постепенное укрепление позиций султаната Великих Сельджукидов, сюзеренитет которого признали эмираты Укайлидов Мосула, Мерванидов Дияр Бакра и Мирдасидов Алеппо. Первый поход императора в Месопотамию (1069) завершился захватом Мембиджа и Артаха. Однако в 1070 г. армия, возглавляемая будущим претендентом на престол Никифором Мелисеном и отцом будущего императора Алексея Мануилом Комниным, была наголову разгромлена сельджуками при Севастии. Здесь сказались последствия политики империи в отношении армянского населения данного района, безразлично отнесшегося к происшедшему. Сельджуки разграбили Анатолик и сожгли г. Хоны. Направляясь в третий поход против сельджуков, император весной 1071 г. прибыл в Севастию. Здесь придворные обвинили сыновей Сенекерима Арцруни в том, что они отнеслись к грекам разгромленной армии Мелиссы и Комнина «более враждебно и безжалостно, чем сами турки» [42, 198]. По приказу Диогена город был разграблен, а попытка прибывшего в Севастию экс-шаханша Гагика II примирить враждующие стороны была безуспешна. События в Севастии знаменовали со-

бой окончательный разрыв армянских владетелей Малой Азии с имперским правительством, что не способствовало упрочению внутривосточных позиций императора накануне решающей схватки с сельджуками. 17 июля 1071 г. в сражении при Манцикерте около оз. Ван византийская армия потерпела сокрушительное поражение. Сам Диоген попал в плен к Великому Сельджукиду Алп Арслану [144, 613—642; 165, 410—438]. Известную роль в поражении императора сыграла внутренняя оппозиция. Дуки первыми бежали с поля боя, принеся в столицу весть о пленении ненавистного Диогена. Тотчас же был произведен государственный переворот. Роман IV был объявлен вне закона. На престол был возведен сын Константина X Михаил VII Дука. Между тем условия подписанного Диогеном мирного договора с сельджуками были достаточно мягкими. Византия теряла лишь Манцикерт, Эдессу, Мембидж и Антиохию, т. е. Армению, Месопотамию и Северную Сирию, и обязалась уплачивать дань. Таким образом, само по себе поражение при Манцикерте не имело для империи тех катастрофических последствий, которые имела гражданская война 1071—1072 гг. Против вышедшего из плена Романа IV были посланы войска во главе с новым домашним сходом Востока Андроником Дукой. В ходе военных действий Диогена поддержала лишь часть его сторонников. Он был осажден в Адане, сдал крепость и был ослеплен. Показательно, что ставленники императора в администрации восточных фем, оставленные им там перед Манцикертом, за исключением дуки Антиохии Хачатура, предпочли сохранить нейтралитет в этой борьбе или же перейти на сторону Дук. Уже на пути от границы к Колонии вышедшего из плена императора покинул катепан Эдессы Павел. Доместик сход Востока Филарет Врахамий, по-видимому, оставленный с частью армии на востоке и в битве при Манцикерте не участвовавший, также не поддержал Диогена. Тем не менее, смещенный со своего поста победителями, он отказался признать власть Михаила VII, сохранив под своим контролем часть восточных фем империи.

Между тем правительство Михаила VII не ратифицировало договор Диогена с Алп Арсланом, хотя Византия не могла противостоять все более учащавшимся набегам сельджуков на свою территорию. Начались волнения и внутри империи. В Антиохии население восста-

ло против дуки Исаака Комнина, стремясь сдать город Врахамию. В Малой Азии начался мятеж наемников во главе с Русселем. Посланная против него армия была разбита. В этих условиях правительство Михаила VII решилось на шаг, сыгравший колоссальную роль в последующих судьбах Византии: обратилось за помощью к сельджукам. Около Никомидии последние разбили армию Русселя. Но в 1077 г. начался мятеж македонской провинциальной знати во главе с Никифором Вриеннием. Одновременно в Малой Азии восстал Никифор Вотаниат. Опираясь на наемные сельджукские отряды, он двинулся на Константинополь, занимая города и вводя в них сельджукские гарнизоны. В начале 1078 г. он занял Никею и заключил соглашение с сыновьями Кутлумиша, младшего брата Великого Сельджукида Алп Арслана, которые от имени Вотаниата заняли города Пропонтиды в непосредственной близости от Константинополя [226, 175—180]. Таким образом, сельджуки стали арбитрами внутривизантийской борьбы в Византии. Правительство Михаила VII безуспешно пыталось перетянуть их на свою сторону. Между тем Вриенний занял Адрианополь и готовился к походу на столицу. В марте 1078 г. Михаил VII отрекся от престола в пользу Вотаниата, краткое правление которого прошло в подавлении бесконечных мятежей провинциальной знати. Восстал наместник Диррахия Никифор Васибеки, разбитый лишь при Фессалонике. Затем с трудом был подавлен мятеж Константина Дуки. В Малой Азии, опираясь на сельджуков, восстал Никифор Мелисен. Разбив посланную против него армию, он занял Никею, намереваясь идти на столицу. Но его опередили Комнины. Собрав войска во Фракии, Алексей Комнин в марте 1081 г. появился у стен Константинополя. Город был сдан, Вотаниат отрекся от престола, и в апреле 1081 г. Алексей Комнин был провозглашен императором. Мелисен согласился прекратить борьбу, получив Фессалонику и сан кесаря. Сулейман ибн Кутлумиш воспользовался усобицей и свержением Вотаниата для того, чтобы укрепиться в городах Малой Азии. Никифор Вриенний обвиняет в этом Мелисена, который «привлек на свою сторону турецкие войска и турецких военачальников, обходил с ними азиатские города в красных туфлях, и горожане передавали ему как василевсу и себя, и свои города. Этим он невольно передавал их туркам. Отсюда и слу-

чилося, что турки в краткое время стали хозяевами всех городов Азии, Фригии и Галатии» [3, 149]. Однако начало этому было положено много ранее. Уже в 1077 г. Сулейман ибн Кутлумиш заключил союз с Михаилом VII против Вотаниата, а затем перешел на сторону последнего. После воцарения Вотаниата Сулейман как его союзник остался в Никее, а в 1081 г., по-видимому, заключил союз с Мелиссеном. Анна Комнина констатирует переход Вифинии и Фригии в руки сельджуков, отмечая, что после свержения Вотаниата «безбожные турки обосновались у Пропонтиды, а захвативший весь восток Сулейман расположился лагерем в Никее... и постоянно посылал разбойничьи экспедиции, грабившие все области, лежавшие до Вифинии и Финии. Конные и пешие отряды Сулеймана доходили до самого Босфора и только что не пытались переправиться через море» [7, 136—137].

Используя сельджукскую тактику внезапных набегов и опираясь на укрепленные «городки и поместья», Алексей Комнин постепенно вытеснил сельджуков из части Вифинии, Дамалиса и «из всех прибрежных земель», после чего он «задобрил врагов дарами, принудил их заключить мир и установил для них границу по реке Дракон» (май 1081 г.) [7, 138]. Фактически это означало признание империей утраты ею центральных районов Малой Азии, где образуются сельджукский Румский султанат и восточнее — эмират Данышмендов Севастии. Южнее, на территории Киликийского Тавра, Северной Сирии и Месопотамии, в данный период существовал удел Филарета Врахамия (1071—1086). На территории Южной Сирии к 1077 г. образуется сельджукский Сирийский султанат во главе с братом Великого Сельджукида Мелик-шаха Тутушем. Наконец, в Верхней Месопотамии (Джазира) расширил свои пределы эмират Укайлидов Мосула². Не ранее 1077 г. восстановил свои отношения с Византией Филарет Врахамий. Признав сюзеренитет Вотаниата, он получил сан севаста и, по-видимому, статус автономного вассала империи [107, 86—103]. К этому времени его войска овладели теоретически византийскими Антиохией и Эдессой, после 1071 г. постепенно утрачивавшими контакты с империей. Столь же быстро прервались контакты с Константинополем и самого Врахамия. Раздираемая междоусобицами Византия была вынуждена выводить войска из восточных

фем для борьбы с внутренними мятежами, а позже — с печенегами и норманнами на Балканах. Образование Румского султаната и утрата империей северо-запада Малой Азии, закрепленная соглашением на р. Дракон, окончательно отрезали от нее владения Врахамия.

Обеспечив безопасность границы с Византией, султан Рума начал экспансию в юго-западном направлении, где первой его жертвой стал удел Филарета. В 1084 г. Сулейман захватил Киликию и Антиохию. Но его попытка закрепиться в Сирии и овладеть Алеппо привела к столкновению с эмиратом Укайлидов Мосула. В битве при Алеппо мосульские войска были разбиты. Укайлид Муслим ибн Курайш погиб. Сулейман не успел занять город, так как в борьбу вмешался султан Сирии Тутуш, бросивший к нему войска. У стен Алеппо румская армия потерпела поражение. Сулейман погиб. Румский султанат распался, что облегчило Алексею Комнину отвоевание прибрежных районов Кизика и Аполлонии. Достаточно скромные успехи императора в Малой Азии во многом были связаны с тем, что основные силы Византии в это время были брошены на борьбу с норманнами на Балканах, где летом 1085 г. был отвоеван Диррахий. Когда после смерти Мелик-шаха (1092) в Малую Азию возвратился находившийся у него в плену наследник Сулеймана Килич Арслан I, начался процесс возрождения Румского султаната, которому занятая борьбой с печенегами на Балканах Византия оказалась не в состоянии помешать.

Борьба за гегемонию в Сирии не завершилась с гибелью Сулеймана ибн Кутлумиша. Сирийский султанат не смог реализовать плоды своей победы, так как осада Тутушем цитадели Алеппо, которую защищал Укайлид Салем ибн Малик ибн Бадран, ускорила давно готовившийся сирийский поход Великого Сельджукида Мелик-шаха. При известии о выступлении султана в направлении Алеппо Тутуш снял осаду цитадели и ушел в Дамаск. Салем ибн Малик сдал Алеппо Мелик-шаху, получив крепость Кала Джабар на Евфрате, которой его потомки владели до 1168 г. Мункидит Наср аль Кинани сдал султану Лаодикею, Апамею и Кафртаб, ранее принадлежавшие Византии, сохранив Цезарею-Шейзар, которым его потомки владели до 1157 г. Алеппо, Хама, Мембидж и Лаодикея были даны в удел полководцу султана Ак Сонкору, Антиохия — Яги Сиану, Эдесса, Хомс

и Харран — Бузану [50, 26—27]. Филарет Врахамий попытался сохранить под своей властью остатки своих владений с Эдессой и Марашем. Лично явившись в лагерь Мелик-шаха, он принес султану дары, но не получил инвеституру на Эдессу (хотя и перешел в ислам), где его власть была свергнута в результате мятежа городской верхушки. Более повезло его наместнику в Мелитене армянину-халкедониту Гавриилу, который получил инвеституру на город и правил им до 1103 г. Тогда же сохранил свои владения, перейдя в ислам, и армянин Богусак, владетель Сававерака в Приевфратье. По-видимому, в это время начинается процесс формирования приевфратских армянских княжеств на территориях, ранее принадлежавших Византии, а позже входивших в состав удела Врахамия. К концу 80-х годов XI в. Византия утрачивает как остатки своих владений на Ближнем Востоке, так и какое-либо влияние на судьбы данного района. Дальнейшая история принадлежавших ей ранее территорий Малой Азии, Северной Сирии и Месопотамии была связана уже с судьбами султаната Великих Сельджукидов. В то же время в 80—90-е годы XI в. империя предпринимает первые попытки возвращения утраченных территорий, воспользовавшись рядом благоприятных внешнеполитических факторов, и в первую очередь распадом Румского султаната. Тем не менее в целом ситуация на границах империи, особенно на Балканах, оставалась крайне напряженной. Это препятствовало активизации византийской реконкисты в Малой Азии, так как воевать на два фронта в это время империя была уже не в состоянии.

Смерть Мелик-шаха (1092) и уособицы его наследников привели к тому, что начавшийся ранее распад султаната Великих Сельджукидов принял необратимый характер. Против сына и наследника султана, Беркийарука, выступили сторонники его младшего брата Мухаммеда Тапара и дядя — султан Сирии Тутуш. На сторону последнего перешли наместники Мелик-шаха в Эдессе, Антиохии, Алеппо и Хомсе. Бежавший из заключения Укайлид Ибрахим ибн Курайш возвратился в Мосул и сделал попытку восстановления эмирата Укайлидов. К этому времени Тутуш вторгся в Месопотамию и захватил Майяфарикин. В ходе последующего столкновения с Укайлидом он разгромил его войска и занял Мосул. Но здесь среди сторонников султана Сирии произошел раскол. Часть их во главе с бывшими наместниками Мелик-шаха в Эдессе и Алеппо Бузаном и Ак Сонкором перешла на сторону Беркийарука. Тутуш был вынужден оставить Джазиру. В Мосул вернулся сын Муслима ибн Курайша Али, в Малую Азию — Килич Арслан. Летом 1094 г. при Тель ас Султане Тутуш наголову разгромил войска Ак Сонкора, Бузана и полководца Беркийарука Кербуги. Бузан и Ак Сонкор были убиты, Кербуга заключен в Хомс. Эдесса была сдана султану. Наместником города по соглашению Тутуша с контролировавшим Эдессу «советом двенадцати ишханов» был назначен наместник Врахамия в Мелитене армянин-халкедонит Торос [225, 405—410; 109, 91]. Но не ему был подчинен сельджукский гарнизон, введенный в цитадель города.

Возобновив экспансию в Сирии и Месопотамии, Тутуш захватил Джезират ибн Омар, Харран, Хлат и Манцикерт, выйдя на границы Ирана. К осени 1096 г. он

вторгся во владения Беркийярука и овладел Исфаханом. Но в решающем сражении при Дахибу около Рея в феврале 1096 г. армия Тутуша была наголову разгромлена. Сам он погиб. Его сын Ридван и союзник, правитель Антиохии Яги-Сиан бежали и укрылись в цитадели Эдессы. Сирийский султанат распался на уделы сыновей Тутуша — Ридвана с центром в Алеппо и его непримиримого врага Дукака с центром в Дамаске. В Месопотамии Дукак удержал лишь Майяфарикин, постепенно утрачивая реальный контроль над ним. Стали независимыми Яги-Сиан в Антиохии и Джанах ад даула, наместник Тутуша в Хомсе. В Диар Бакре начинается процесс формирования владений Артукидов, сыновей наместника Мелик-шаха, а затем Тутуша в Иерусалиме Артука ибн Эйсеба, вытесненных из города Фатимидами [53; 462; 145, 228—229]. Мункидиты удержали Шейзар, некий Балдук захватил Самосату на Евфрате. Вышедший из плена Кербуга захватил Харран, Нисибин, Мардин и Мосул, изгнав из него последнего Укайлида. Тем самым было положено начало мосульскому атабекству, быстро эволюционизировавшему от наместничества, а затем удела в рамках Иракского султаната Сельджукидов к независимому государству, владельцы которого лишь номинально признавали власть своих сюзеренов.

Борьба наследников Тутуша, в которой активное участие принял Яги-Сиан, а позже Джанах ад даула, значительно ослабила оба удела. Приобрела автономию Эдесса, изгнавшая из цитадели сельджукский гарнизон, а также Мелитена, где сохранял власть бывший наместник Врэхамия Гавриил [88, 129—131]. В Приевфратье образовались армянские княжества: Василя Гоха с центром в Кесуне, Константина — в Каркаре, Аплгариба Пахлавуня (?) в Пире. В горной Киликии в то же время существовали армянские княжества Рубенидов и Ошинидов с центрами, соответственно, в Вахке и Ламброне. Равнинная Киликия к 1097 г. входила в состав Румского султаната. К началу первого крестового похода политическая карта Ближнего Востока, таким образом, вновь подверглась коренной перекройке. На территориях, ранее входивших в состав Византии, а позже — султаната Великих Сельджукидов, возник конгломерат крайне неустойчивых государственных образований [см. 147, 65—67; 150; 228, 129—147].

Внешнеполитическое положение Византии в 90-е годы в целом стабилизировалось. Соглашение 1081 г. с Румом и последующий распад султаната дали возможность Алексею Комнину возвратить ряд малоазийских территорий. Заключив мирный договор с эмиром Nikei Абул Касимом, император освободил Никомидию, начав тем самым отвоевание Вифинии. В то же время не оставлял попыток поставить под свой контроль Малую Азию в 80-е годы и Мелик-шах. Он дважды посылал армии во главе с полководцами Бурсуку и Бузаном с целью захвата Nikei. Но и первая, и вторая осада города были безуспешны. Анна Комнина, характеризуя политику отца в Малой Азии, пишет, что когда Абул Касим обратился к императору за помощью, Алексей собрал армию «не для того, чтобы помочь Абул Касиму... напротив, по его замыслу эта «помощь» должна была обратиться гибелью для него. Ибо в то время как два врага Ромейской державы боролись друг с другом, нужно было оказать помощь более слабому не с целью увеличить его силы, а чтобы дать возможность отразить врага. И тогда Алексей получил бы город (Nikei. — *В. С.*), который до этого ему не принадлежал. Затем император, мало-помалу захватывая один за другим города, расширил бы пределы Ромейского государства, которое совсем сузилось, особенно с тех пор, как усилилось турецкое оружие» [7, 194]. Здесь достаточно четко охарактеризованы методы внешней политики империи, унаследованные ею от Рима и существовавшие вплоть до ее гибели. Показательно также, что Анна, возможно постфактум (учитывая, что «Алексиада» писалась уже в период правления ее брата Иоанна II), формулирует цели ближневосточной политики Византии, приписывая Алексею восстановление ее в границах, существовавших до 1071 г. «Западной границей он сделал Адриатическое море, восточной — Евфрат и Тигр» [7, 196]. Необходимость выхода к Евфрату формулируется и в предсмертной речи самого Иоанна II (1143), которую вкладывает в его уста Никита Хониат, излагая внешнеполитическую программу империи на последующий период. Но программа эта была выработана уже в первые годы правления Алексея I, и реализация ее стала основной задачей сменявших друг друга на престоле Комнинов вплоть до 1180 г. Уже Алексею I пришлось бороться с противниками одновременно на двух фрон-

тах — малоазийском и балканском. Но так как воевать на два фронта Византия была уже не в состоянии, то при активизации военных действий на одном из них они закономерно прекращались на другом. В 80-е годы основные усилия империи были сосредоточены на борьбе с норманнами и печенегами на Балканах. Поражение от войск Роберта Гвискара при Диррахии в октябре 1081 г. вынудило Алексея I искать союзников против норманнов, и в мае 1082 г. был заключен союзный договор с Венецией [103; 232, 19—23; 185, 17—23]. К лету 1085 г. норманны были вытеснены из Эпира и Фессалии, но уже в 1086 г. византийская армия потерпела поражение от печенегов. Погиб один из соратников императора domestик Запада Григорий Пакуриан. И вновь потерпев поражение, Алексей I был вынужден прибегнуть к помощи «варваров» и привлечь на свою сторону половцев. В решающем сражении при Харине в апреле 1091 г. половцы разгромили печенежскую орду и, получив дары, ушли за Дунай. Пленные печенеги были расселены в Македонии и позже служили в византийских гарнизонах на Ближнем Востоке.

В ходе борьбы с печенегами в конце 1089—начале 1090 г. в г. Боруе императора посетил возвращавшийся из паломничества в Иерусалим граф Фландрии Роберт I Фризский. У графа были все основания желать отпущения грехов. Отняв у племянников, сыновей своего старшего брата, Фландрию, граф отказался возвратить ее даже по требованию своего сюзерена — короля Франции Филиппа I. В ходе усабицы был убит законный наследник Фландрии Арнульф, взят в плен его брат Евстафий, потерпел поражение третий брат — Готфруа Бульонский. Четвертый, Бодуэн, в будущем вместе со старшим братом участвовавший в крестовом походе, сохранил лишь наследие матери. Таким образом, Роберт удержал Фландрию и, передав управление сыну, отправился в паломничество в Иерусалим. Встретившись с Алексеем I, граф дал ему «принятую у латинян клятву» [7, 214], признав его сюзеренитет [151, 84—90; 186]. Граф обещал прислать на помощь императору пятьсот рыцарей, которые прибыли в Константинополь к концу года и были направлены для охраны отвоеванной у Абул Касима Никомидии. Позже они приняли участие в сражении при Харине [7, 232]. Возможно, в это время (1090) Алексей I направил в Рим к папе Урбану II по-

сольство, которое должно было добиться содействия папы в найме на Западе рыцарей в византийскую армию. О самом посольстве почти ничего не известно. Но Анна Комнина сообщает, что при Харине император ожидал, что «к нему должно подойти наемное войско из Рима» [7, 235; 169, 1146]. Позже, в 1096 г. византийские послы, возможно, присутствовали на церковном соборе в Пьяченце¹. Примерно 1088 г. датируется знаменитое послание Алексея I Роберту I Фландрскому с призывом о помощи, до сих пор остающееся предметом дискуссий². На наш взгляд, в основе двух версий, сохранившихся в латинских хрониках, лежало подлинное послание императора, до неузнаваемости переработанное хронистами.

Византия имела многовековой опыт использования франкских наемников. В X в. их отряды служили в византийской армии, воюя на восточных и западных границах империи. После краха ее власти в юго-восточных фемах только у Врахамия в Месопотамии оставался семитысячный корпус наемников франков. По-видимому, на переговорах в Риме и Пьяченце речь шла именно об оказании Византии помощи наемниками, которые вошли бы в состав имперской армии и находились бы на жаловании Алексея I, как это уже имело место в данный период [см. 267, 294—296; 207, 61—72; 181, 153—165]. Просьбы и призывы императора остались без ответа во многом потому, что он вел переговоры с папским престолом, требовавшим взамен военной помощи уступок в вопросе об унии церквей. Таким образом, военная помощь Запада стала предметом спекуляций папства в 80—90-е годы XI в. Более успешны были акции Алексея I, когда он действовал в обход Рима, примером чего могут служить его контакты с Робертом I, Венецией. В целом же Алексей I стремился получить с запада именно наемные отряды, о чем свидетельствует его письмо Роберту I, независимо от того, признавали бы мы аутентичность дошедшего до нас текста или нет.

Внешнеполитическое положение Византии во второй половине 90-х годов XI в. в известной степени стабилизировалось, хотя предшествующие события ясно показали, что возвратить собственными силами утраченные после 1071 г. ближневосточные территории она была уже не в состоянии. Именно в этой связи следует рассматривать последующую политику Алексея I в отно-

шении крестоносцев, в частности стремление направить их военные силы на отвоевание Малой Азии, Северной Сирии и Месопотамии. Тем не менее начало первого крестового похода было воспринято в Константинополе с нескрываемой тревогой. Появление у стен столицы империи участников похода (это были крестьянские отряды, вскоре разгромленные сельджуками при Никее) лишь усугубило данные настроения. Не рассеяло их и свидание императора с идейным вдохновителем крестьян Пьером Амьенским. Сообщая о появлении на территории Византии рыцарских отрядов, Анна Комнина пишет, что Алексей I «боялся их прихода, зная неустойчивость натиска, неустойчивость и непостоянство нрава и все прочее, что свойственно природе кельтов и неизбежно из нее вытекает: алчные до денег, они под любым предлогом нарушают свои же договоры... Однако действительность оказалась гораздо серьезнее и страшнее передаваемых слухов» [7, 275].

К концу 1096 г. к Константинополю стали стекаться рыцарские отряды³. Первым 29 декабря появилось лотарингское ополчение во главе с Готфруа Бульонским и его братом Бодуэном Фландрским. Позже, 9 апреля 1097 г., прибыл старый враг Византии еще со времен балканской кампании — предводитель южноитальянского ополчения, сын Роберта Гвискара Боэмунд Тарентский. Отношения императора с Готфруа Бульонским довольно скоро приобрели враждебный характер, так как Алексей I пытался принудить герцога принести ему вассальную присягу. Проходя через территорию Византии и направляясь в Иерусалим с целью освобождения «гроба господня» из рук «неверных» мусульман, Готфруа, естественно, не желал обременять себя какими-либо обязательствами перед императором. Это привело к вооруженному столкновению между лотарингскими рыцарями и византийскими воинами у стен Константинополя. Оправдывая отца, Анна Комнина сообщает, что лотарингский лагерь был окружен наемными войсками, после чего император стал уговаривать сподвижников герцога убедить его принести вассальную присягу. Решив, что, приглашенные для переговоров, они задержаны во дворце как заложники, лотарингцы начали штурм стен Константинополя у Влахернского дворца, вызвав в городе панику. Лишь введя в бой дворцовую гвардию, Алексей I смог отеснить рыцарей в их лагерь. В каче-

стве посредника к Готфруа был послан Гуго Вермандуа, брат короля Франции Филиппа I, с предложением принести вассальную присягу василевсу. Он получил отказ, после чего военные действия возобновились. Лишь 2—4 апреля герцог был вынужден согласиться дать присягу. Анна Комнина объясняет усиление нажима императора на Готфруа тем, что стало известно о приближении к столице ополчения Боэмунда Тарентского. У Алексея I не было иллюзий относительно целей крестоносцев. «Все остальные графы, и особенно Боэмунд, питали старинную вражду к самодержцу, искали только удобного случая отомстить за ту блестящую победу, которую он одержал над Боэмундом при Лариссе; их объединяла одна цель, им и во сне снилось, как они захватывают столицу... Лишь для вида все они отправились в Иерусалим. На деле же они хотели лишить самодержца власти и овладеть столицей» [7, 283]. Действительно, Готфруа получил послание от Боэмунда Тарентского, предлагавшего ему отступить к Адрианополю или Филиппополю, с тем чтобы весной совместно выступить против «безбожного владетеля греков». По словам Гийома Тирского, «император находился в величайшем страхе, ибо до него дошло известие о посольстве государя Боэмунда и о его скором прибытии. Вследствие этого он вновь старался договориться о встрече с герцогом, ибо опасался, что если он не сойдется с ним, а ожидаемые князья придут позже, чем он склонит герцога на свою сторону, то все они соединятся на его погибель» [31, 87]. Готфруа появился у Алексея лишь после того, как получил в заложники наследника престола Иоанна. Хронист утверждает, что император «облачил его с известными обрядами, свойственными той стране, в императорские одежды и усыновил его» [31, 88; см. также 171, 49, п. 39]. Акт усыновления интерпретирован Гийомом как «пожелание императора передать герцогу империю», что неправдоподобно. Ближе к истине Анна Комнина, сообщая, что «герцог дал ту клятву, которую от него требовали: все города и земли, а также крепости, которыми он владеет и которые ранее принадлежали Ромейской империи, он передаст под начало того, кто будет назначен с этой целью императором» [7, 287]. Вслед за герцогом вассальную присягу принесли и его сподвижники. Принесение ее предводителями лотарингского ополчения создало пре-

цедент, использованный византийской дипломатией для того, чтобы в дальнейшем навязать подобные же условия соглашения постепенно прибывавшим в Константинополь предводителям крестоносных ополчений.

9 апреля 1097 г. в столицу империи прибыл Боэмунд Тарентский [см. 262, 215—217]. Лотарингцы к этому времени были уже переправлены в Малую Азию, в Пелекен. Предводителя норманнов не пришлось принуждать дать вассальную присягу. Рауль Каэнский пишет, что «Боэмунд отправился за богатствами, обольщенный и увлеченный именем сына (так называл его в своем письме Алексей), чтобы броситься в объятия отца. Представившись императору, он подчинил себя игу, называемому обычно вассалитетом... Ему это было неприятно, но он в то же время получал в дар обширную землю в Романии в длину — сколько может пробежать лошадь за пятнадцать дней и в ширину — в восемь дней» [29, 612; ср. 17, 312]. Последняя фраза должна была создать впечатление о том, что последующее образование норманнского княжества с центром в Антиохии якобы произошло с санкции Византии. Но анонимный автор «Деяний франков» сообщает, что речь шла о землях «за Антиохией», «которые император даст Боэмунду, если тот принесет ему клятву верности» [25, 12]. Данная информация до сих пор является предметом оживленной дискуссии между исследователями, хотя большинство приняло точку зрения А. Крея, согласно которой данная фраза является позднейшей интерполяцией, призванной оправдать притязания Боэмунда на Антиохию в нарушение условий Константинопольского соглашения⁴. Гийом Тирский пишет, что «Боэмунд сделался вассалом императора, протянув руку в знак верности и дав клятву, как это делают вассалы по отношению к своему сюзерену» [31, 94].

На наш взгляд, Боэмунду могли быть обещаны земли «за Антиохией», т. е. фактически принадлежавшие империи еще до арабского завоевания VII в. и с тех пор утраченные. По имперским воззрениям, они продолжали «идеально и потенциально» входить в состав Византии. Возможно, свои права на них и передал Боэмунду Алексей I. В пользу этого свидетельствуют и последующие договоры империи с князьями Антиохии (1108, 1137), по условиям которых последние перемещались на территории, которые еще предстояло отвоевать в Южной

Сирии и Месопотамии, тогда как Северная Сирия с Антиохией должна была войти в состав Византии. Возможно, таким образом империя стремилась окружить отвоеванные у сельджуков территории кольцом вассальных государств, что стало одной из целей ее дальнейшей политики на Ближнем Востоке.

Прибывшие вслед за Боэмундом Тарентским герцоги Роберт Фландрский и Роберт Норманнский, граф Тулузский Раймунд Сен Жилль также принесли вассальную клятву Алексею I, хотя автор «Деяний франков» и утверждает, что 26 апреля граф дал лишь обязательство не наносить ущерба жизни и чести императора [25, 13]. Фактически Алексей I стремился связать всех предводителей крестоносных ополчений договорными отношениями, условия которых были тождественны. Признавая себя вассалами василевса, они брали на себя обязательства, вытекающие из их нового статуса. А так как позже, после взятия Никеи, предводители ополчений еще раз подтвердили вассальную клятву Алексею, можно говорить о едином Константинопольском соглашении, навязанном императором. В пользу этого свидетельствует и тот факт, что в дальнейшем Византия руководствовалась им в своих отношениях с государствами крестоносцев, например, отменив его в 1108 г. для Боэмунда Тарентского.

К сожалению, текст Константинопольского соглашения известен лишь в отрывках⁵. В изложении Гийома Тирского, воспроизводящего несохранившуюся хронику лотарингского рыцаря, участника событий, и Анны Комниной известна лишь та его часть, где были зафиксированы обязательства крестоносцев. Гийом пишет: «Среди прочих статей стояло следующее условие: если удастся с божьей помощью овладеть одним из городов, принадлежавших прежде империи, по всей их дороге до Сирии, то такой город с прилегающей областью должен быть возвращен императору, а вся добыча и прочее имущество жителей отданы без всяких препятствий войску в виде награды за труды и как уплата за издержки» [31, 127—128]. Об этом многократно пишет и Анна Комнина [7, 287, 317]. Обязательства императора известны лишь в изложении Маттэоса Урхайеци. Он также пишет, что по соглашению «все гавары, которые принадлежали грекам и которые франки отвоюют у персов, будут возвращены Алексею. Но завоевания, сделанные

в стране персов или арабов, будут предоставлены франкам» [42, 255]. Это в известной степени перекликается с сообщениями анонима «Деяний франков» и Рауля Каэнского о передаче императором Бозмунду Тарентскому земель за Антиохией. Таким образом, возможно, что Константинопольское соглашение предусматривало и передачу некоторым вождям крестоносцев «прав» Византии на те территории Ближнего Востока, которые некогда входили в ее состав и согласно ойкуменической доктрине «идеально и потенциально» оставались в составе ойкумены [см. 60, 34].

Используя подкуп (предводителям крестоносцев были розданы значительные суммы) и военную силу, Алексей I навязал им свой сюзеренитет и вырвал у них обещание возвратить империи все те из утраченных ею ранее территорий, которые будут отвоеваны крестоносцами у сельджуков. Предводители похода дали императору «обычную у латинян клятву» [7, 280]. Но латинские хронисты отмечают, что по меньшей мере Готфруа Бульонский и Бозмунд Тарентский были признаны «сыновьями» императора. Так что, возможно, со стороны Византии параллелью установлению сюзеренно-вассальных отношений западноевропейского типа между Алексеем I и вождями крестоносцев было «усыновление» их императором в рамках той идеальной «семьи архонтов» во главе с василевсом ромеев, которая оставалась основной ойкуменического сообщества. Если это так, то с точки зрения Византии предводители крестоносцев брали на себя односторонние обязательства в отношении василевса как главы ойкумены, получая взамен выплаты из казны и захваченную в походе добычу. Латинские хронисты и Анна Комнина расходятся в том, что же обещал император крестоносцам. Нет единства и среди первых. Так, Раймунд Ажилский пишет, что Сен Жиллю не удалось склонить Алексея I к участию в походе. Он отказался возглавить крестоносцев, «говоря, что ему предстоит защищать свое государство от жестоких врагов болгаров, куманов и печенегов» [30, 246]. Автор «Деяний франков» отмечает, однако: «...император также поклялся пойти с нами, взяв армию и флот» [25, 12].

Предводители похода нуждались если не в военной, то по меньшей мере в дипломатической поддержке Византии, закономерно полагая, что это облегчит реализацию их планов в отношении районов, которые ранее

входили в состав Византии. Так, Боэмунд Тарентский «хотел получить восточный доместикат», т. е. давно уже утративший свое значение пост главнокомандующего византийских войск восточной части империи. Он получил отказ, так как Алексей I боялся, что, «обретя власть и подчинив себе таким образом всех графов, он в будущем легко сможет склонить их ко всему, что задумает» [7, 292]. Показательно, что уже современники ясно видели истинные цели крестоносцев. Так, Анна Комнина пишет, что, «не владея никакими землями, он (Боэмунд. — В. С.) покинул родину для вида ради поклонения гробу Господню, на самом же деле — чтобы добыть себе владения и, если удастся, то даже захватить трон Ромейской державы» [7, 291]. Рауль Каэнский также сообщает, что Боэмунд «отправился за богатствами» [29, 612]. Поэтому отношение Алексея Комнина к крестоносцам было двойственным. С одной стороны, после подписания Константинопольского соглашения они стали вассалами василевса, с другой — византийская дипломатия не строила иллюзий относительно результативности самого похода. Император явно не доверял крестоносцам (впрочем, это было взаимно), рассматривая их как случайных попутчиков, которых пришлось принуждать к неравноправному для них союзу силой. Поэтому Алексей I отклонил предложение Раймунда Тулузского принять на себя руководство походом, так как под этим подразумевалось открытое выступление императора на стороне крестоносцев и участие византийской армии в их предприятии на востоке. «Милостиво наделив графов всевозможными дарами и титулами, он рассказал им, что их ждет в пути, дал полезные советы, сообщил о способах ведения боя, которыми обычно пользуются турки» [7, 292]. Возможно, одной из причин того, что император открыто не поддержал крестоносцев, было то, что их первым противником был Румский султанат, с которым в 1093 г. был заключен мир. Он соблюдался обеими сторонами, свидетельством чего является тот факт, что накануне выступления крестоносцев через Малую Азию Килич Арслан I увел армию из своей столицы Никеи на восток Малой Азии и осадил Мелитену. Тем не менее первой же акцией крестоносцев, явно предпринятой по требованию Алексея Комнина, стала осада Никеи. Сам император предпочел не принимать в ней участия. Расположившись лагерем в

Пелекене, «он решил не идти вместе с кельтами, а помогать им так, как если бы он был с ними» [7, 295]. К Никее был направлен лишь небольшой отряд во главе с примикирием Татикием, а в город с предложением сдать его не крестоносцам, а грекам был направлен Мануил Вутумит. За спиной рыцарей, готовившихся к штурму города, посланцы императора смогли договориться с гарнизоном цитадели. Неожиданно для крестоносцев Никея была сдана византийцам, тогда как рыцарей даже не впустили в город, опасаясь грабежей. Это явилось нарушением Константинопольского соглашения и вызвало недовольство «народа и менее важных лиц», полагавших, что «император несправедливо ценит их труд и забирает в свою пользу... все, что по договору составляет общее достояние» [31, 127]. «Князья же настаивали на том, что император действует злонамеренно и вопреки смыслу договора». Тем не менее раздача даров успокоила предводителей похода, и по требованию Алексея I они вновь подтвердили вассальную присягу. Поэтому далее с ними был отправлен отряд во главе с Татикием, «чтобы он во всем помогал латинянам, делил с ними опасности и принимал... взятые ими города» [7, 299]. Предводители похода отнеслись к примикирию как к императорскому соглядатаю, «низкому и вероломному человеку». «Обо всем, что делалось в лагере и что каждый сказал, он доносил императору... и от него через вестников получал весьма часто коварные инструкции» [31, 125—126; 17, 38].

При Дорилее 1 июля 1097 г. крестоносцы нанесли поражение спешившей к Никее армии Килич Арслана I. Путь через Малую Азию был открыт. Сельджукские гарнизоны в малоазийских городах были предоставлены собственной участи и либо оставляли их накануне появления крестоносцев, либо пытались оказывать сопротивление. Первый же захваченный таким образом город Комана был передан Петру Алифе, норманну, перешедшему на службу Византии еще в 1085 г. По-видимому, оставляемых в городах по ходу следования армии крестоносцев гарнизонов было явно недостаточно для того, чтобы удержать их под властью империи или крестоносцев. Комана, столь легко захваченная, была вскоре столь же легко утрачена, несмотря на то что местное армянское население оказывало крестоносцам в целом дружеский прием.

Около Ираклии армия крестоносцев столкнулась с войсками эмира Севастии Мелик Гази Данышменда и эмира Каппадокии Хасана⁶. Сельджуки вновь потерпели поражение (начало сентября). После Ираклии-крестоносцы разделились. Большая их часть пошла через горы Киликийского Тавра к Марашу, тогда как отряды Бодуэна Фландрского и племянника Бозмунда Танкреда повернули к побережью Средиземного моря и вышли на территорию Равнинной Киликии. В Тарсе, Адане и Мамистре стояли гарнизоны Румского султаната. В горах существовали армянские княжества Рубенидов и Ошинидов. Армянское население преобладало и в равнинной части страны, в частности в городах. Бодуэн и Танкред начали переговоры с населением и сельджукским гарнизоном Тарса о сдаче цитадели города. В Тарс было направлено посольство «к армянским жителям с вопросом, кому они предпочитают подчиниться». Население склонялось на сторону Танкреда, но затем предпочло Бодуэна. Граф обязался «не впускать в город никакого другого войска до прибытия герцога Готфруа» [17, 345]. Позже, оставив в Тарсе гарнизон, сменивший в цитадели сельджуков, Бодуэн направился к Мамистре, куда ранее уже прибыл Танкред. В стычке у стен города норманн потерпел поражение, хотя автор «Деяний франков» и сообщает, что «два прекрасных города — Адана и Мамистра со многими замками непосредственно подчинились ему (Танкреду.— В. С.)» [25, 25]. Но, по данным Альберта Ахенского, Адану захватил некий «Вельф, уроженец королевства Бургундия» [17, 346; 29, 634]⁷. По-видимому, в Мамистру также был введен гарнизон не Танкреда, а Бодуэна, учитывая, что норманн потерпел поражение от оспаривавшего у него город графа. Так как посланцев Алексея I с крестоносцами не было, то и о передаче им городов речи не шло. Тем не менее статус их оставался неопределенным по меньшей мере до осени 1098 г., так как оставивший свой гарнизон в Тарсе и, возможно, в Мамистре Бодуэн никогда более сюда не возвращался, оставив эти города брошенными на произвол судьбы. Опередив Бодуэна, Танкред смог захватить лишь Александретту. «Известия о том, что Танкред силой покорил всю страну, скоро достигли турецких и армянских сатрапов, которые жили в горах. Ужас охватил их, как бы он не поработил также и их, не захватил их города и не покорил их подданных.

Они соперничали в стремлении направить к нему посланцев, нагруженных большими дарами: золотом, серебром, конями, мулами и шелковыми тканями. Такой щедростью они надеялись направить в сторону гнев этого великого вождя, завоевать его расположение и достичь дружеского соглашения с ним» [31, 149]. Эти данные подтверждает и Анна Комнина, сообщающая о том, что ко времени появления в Киликии византийских войск «армяне уже заключили договор с Танкредом» [7, 313]. Таким образом, по-видимому, осенью 1097 г. норманн заключил соглашение с владельцами Горной Киликии, включая и Рубенидов. Маттэос Урхайеци пишет, что еще по выходе крестоносцев из Константинополя они направили письма Константину Рубениду и правителю Эдессы куропалату Торосу с извещением о целях похода [42, 257]. Известно также, что во время осады Антиохии крестоносцы получали продовольствие от тех же Рубенидов [42, 259]. О характере договора ничего не известно. Но показательно, что когда по следам крестоносцев в конце 1099 — начале 1100 г. в Киликии появилась византийская армия, посланная для возвращения ее под власть империи, то, узнав о заключении договора, она «минула земли армян» и пошла к Марашу. Таким образом, договор Танкреда с армянскими «сатрапами» в ближайшем будущем стал объективным препятствием для восстановления власти Византии в Киликии.

После киликийской экспедиции Бодуэн и Танкред возвратились к основной армии, стоявшей в Мараше. Сельджукский гарнизон ушел из него при приближении крестоносцев. Отсюда основные их силы направились к Антиохии, тогда как похоронив здесь жену, Бодуэн Фландрский со своим отрядом повернул на юг к Евфрату. То, что поход графа не был авантюрой и имел достаточно веские причины — заинтересованность приевфратских армянских княжеств в военной силе крестоносцев, подтверждается тем, что проводником Бодуэна через Малую Азию в Киликию, а затем к Евфрату был Баграт, брат владельца крупнейшего из армянских княжеств Приевфратья Василя Гоха, возможно, бежавший из заключения в Византии [17, 350; 31, 153]. К тому же, если верить Маттэосу Урхайеци, правитель Эдессы куропалат Торос был заранее извещен о выходе крестоносцев из Никеи. Латинские хронисты также связывают

поход графа к Евфрату с тем, что он «получил приглашение из Армении, где он овладел Равенданом и Тель Баширом и подчинил своей власти всю ту страну» [17, 352]. Вскоре после этого «владелец города Рохас (Эдесса.—В. С.) отправил к Бодуэну епископа этого города с двенадцатью старшими префектами и пригласил его явиться к ним вместе с галльскими рыцарями для защиты земли от вторжения турок, опустошавших ее беспрестанно, за что полагалось ему участие в верховной власти, доходах и податях, которыми пользовался владелец» [17, 352]. Маттэос Урхайеци пишет, что Торос пригласил графа «прибыть к нему на помощь против врагов его, соседних эмиров, которые его очень беспокоили» [42, 260].

В качестве соправителя Тороса Бодуэн во главе своего отряда и городского ополчения Эдессы совершил успешный поход против наиболее опасного из соседей города — эмира Самосаты, после чего городская верхушка решила устранить Тороса и передать власть военачальника и цитадель Эдессы графу. 9 марта 1098 г. в городе вспыхнул мятеж, инспирированный фактически правившим Эдессой с 80-х годов XI в. советом двенадцати ишханов. Торос был осажден в цитадели, сдал ее ишханам на гарантии сохранения жизни, имущества и свободного ухода к Мелитену и вопреки обещаниям был убит. Бодуэн знал о заговоре, хотя и не принимал в нем участия, и после убийства Тороса получил пост правителя Эдессы и цитадель города [17, 354—355; 31, 156—159, 42, 262]. Вопреки утвердившейся в западноевропейской и советской историографии точке зрения, отметим, что переворот в Эдессе не привел к созданию графства Эдесского как первого государства крестоносцев на востоке. Бодуэн Фландрский стал наместником города, предводителем его ополчения и приведенного с собой отряда рыцарей. В пользу этого свидетельствуют недавно опубликованные и, на наш взгляд, принадлежавшие графу византийские по внешнему облику и греческие по языку надписей моливдовулы Балдуина комита, которые могут быть связаны только со статусом Бодуэна как правителя Эдессы, делившего власть с советом двенадцати ишханов [15, 213, № 386; 225, 367—449; 109, 87—94]. Трансформация Эдессы, как города-государства, возглавляемого землевладельческой и торговой верхушкой, в графство Эдесское, власть в

котором принадлежала сравнительно узкой прослойке пришельцев с запада, завершилась много позже. Но вплоть до гибели графства в 1150 г. немногочисленные «франки» были вынуждены делить власть с городской верхушкой Эдессы преимущественно армянского происхождения.

12 сентября 1087 г. основные силы крестоносцев вышли к крепости Баграс на границе Сирии. Их появление здесь, если верить арабским хронистам, явилось полнейшей неожиданностью для местных мусульманских владетелей. Ридван ибн Тутуш, Яги Сиан и Артукид Сукман узнали об этом, собравшись в Шейзаре, откуда они намеревались выступить против эмира Хомса. Предложение Яги Сиана направить войска к Антиохии вызвало разногласия среди союзников, так как Сукман ибн Артук предлагал идти на Диар Бакр, где его владениям «угрожали мятежники» [51 а, 577]. Возвратившись в Антиохию, Яги Сиан направил сыновей с просьбой о помощи к Дукаку в Дамаск, к Джанах ад даула в Хомс и к атабеку Кербуге в Мосул.

Уже с конца октября 1097 г. основные силы крестоносцев начали осаду Антиохии. Среди христианского населения Ближнего Востока в данный период были сильны иллюзии относительно целей крестоносцев, связанные со слухами о чудесном появлении единоверцев, которые с божьей помощью одерживают победу за победой над «неверными»⁸. Часть населения Сирии и Месопотамии, преимущественно армяне и сирийцы, связывала с крестовым походом надежды на освобождение из-под власти сельджуков. Так, армянское население Артаха при приближении крестоносцев восстало, перебило сельджукский гарнизон цитадели и сдало город Танкреду [29, 639—640].

В декабре 1097 г. армии Джанах ад даула и Дукака собрались в Шейзаре, а затем двинулись в сторону Антиохии с целью снятия осады города. 31 декабря при эль-Баре они были разбиты крестоносцами и бежали с поля боя. Тогда на помощь городу направились Ридван и Сукман ибн Артук. Но и они потерпели поражение при Каструм Паллиорум 9 февраля 1098 г. В марте предводители крестоносцев начали переговоры с Египтом о совместных действиях против сельджуков в Сирии и Палестине, не давшие, впрочем, реальных результатов⁹. Данная акция была предпринята ими не без под-

сказки Алексея Комнина, полагавшего, что собственными силами крестоносцам не удастся отвоевать Антиохию, которая, согласно Константинопольскому соглашению, должна была затем быть возвращена Византии.

Вследствие затянувшейся осады в лагере крестоносцев начался голод. Продовольствия, доставляемого Рубенидами Киликии, монахами Черной Горы (Аман) и местным населением, было недостаточно для снабжения армии. По-видимому, уже в это время Боэмунд Тарентский рассчитывал после захвата Антиохии овладеть городом и не возвращать его империи. Этому препятствовало пребывание в лагере крестоносцев Татикия, представлявшего здесь Алексея Комнина. Поэтому в начале февраля примикирия убедили покинуть крестоносцев. Анна Комнина пишет, что Боэмунд запугал Татикия угрозой покушения на его жизнь [7, 301]. Не меньшую роль в его уходе сыграла кажущаяся бесперспективность осады. «Татикий, видя, что начался сильный голод, отчаялся взять Антиохию, снялся с лагеря, погрузил войско на ромейские суда, стоявшие в порту Суды, и переправился на Кипр» [7, 301]. Раймунд Ажильский сообщает, что накануне ухода примикирий передал Боэмунду Тарс, Адану и Мамистру в Киликии [30, 246]. Об этом пишет и автор «Деяний франков» [25, 34]. Данные сообщения стали предметом продолжающейся полемики между исследователями. Если К. Каэн, Дж. Франс признавали их достоверность, то С. Рэнсимен, Ф. Шаландон полагали, что данная информация исходила от Боэмунда и была призвана оправдать захват им городов Равнинной Киликии в ноябре 1098 г.¹⁰ Исходя из условий Константинопольского соглашения, которое еще соблюдалось обеими сторонами, вероятность «дара Татикия» представляется весьма сомнительной уже потому, что годом позже Алексей I обвинял Боэмунда в том, что тот «первый нарушил клятву, завладел Антиохией, и наряду с другими крепостями подчинил себе даже Лаодикею» [7, 311]. Этими «другими городами» могли быть только города Равнинной Киликии.

По-видимому, после ухода Татикия планы Боэмунда относительно судеб Антиохии определились окончательно. Еще в декабре 1097 г. норманн потребовал от предводителей похода передачи ему Антиохии в случае ее захвата, угрожая в противном случае возвращением

в Европу. Затем норманну удалось договориться с начальником башни городской стены Фирузом, обращенным в ислам армянином, о том, что тот впустит крестоносцев в Антиохию. Около 25 мая 1098 г. на совещании предводителей крестоносцев Боэмунд заявил: «Если, между тем, мы примем... хороший и почетный план (захвата Антиохии.— В. С.), пусть один из нас получит предпочтение перед другими при условии, что если он сможет захватить город или организовать его падение другими способами, сам или через других, все вы согласитесь отдать его ему» [25, 44]. Тогда норманн получил отказ, но уже на совещании 29 мая предводители ополчений заявили: «Если Боэмунд сможет взять этот город... мы отдадим его ему с радостью, но при условии, что, если император придет к нам на помощь и выполнит свои обещания, как он обязался и клялся, мы возвратим город ему, что является правильным» [25, 45]. Около 20 июня Боэмунд получил руководство осадой, и 4 июня благодаря Фирузу крестоносцы ворвались в город. Однако вскоре Боэмунду пришлось заняться организацией обороны Антиохии от армии атабека Мосула Кербуги. Лишь после снятия осады 28 июня комендант цитадели города Ахмед ибн Мерван сдал ее Боэмунду, несмотря на то что власти над ней домогался Раймунд Сен Жиль, успевший захватить дворец Ягиссиана и часть городских укреплений с Морскими воротами, через которые шла дорога в порт Сен Симеон. Повидимому, Алексей I узнал о снятии осады Антиохии от посланцев греческого населения Сен Симеона, направленных в Константинополь 1 июля и прибывших в столицу 12 июля [18, 80]. Параллельно предводители похода послали к императору Гуго Вермандуа и Бодуэна де Монс, «прося его прийти, вновь овладеть городом и выполнить обещания, которые он дал в отношении их». С утверждением автора «Деяний франков» о том, что «послы ушли и никогда более не возвращались назад» [25, 72], расходится сообщение Бодри Дольского о прибытии посольства в Константинополь 25 июля [18, 80]. И хотя вопрос о судьбе Антиохии де-юре оставался все еще неурегулированным, фактически она перешла под власть Боэмунда Тарентского, который уже 14 июля как владетель города дал первую хартию генуэзцам, по которой они получили в Антиохии квартал с церковью св. Иоанна, рынком, фонтаном и тридцатью домами [32,

2, № 12]. Показательно, что, несмотря на отсутствие в хартии титулатуры Боэмунда, он действует как фактический хозяин города.

Окончательное решение судеб Антиохии было вынесено на совещание предводителей похода, собравшихся в городе между 5—18 ноября 1098 г. Боэмунд потребовал признать его владельцем города, что вызвало оппозицию со стороны Сен Жилля, поддержанного частью собравшихся. Автор «Деяний франков» объясняет это тем, что граф «боялся нарушения своей клятвы императору» [25, 75]. Фактически же Сен Жилль оспаривал у Боэмунда власть над Антиохией. Оба соперника продолжали укреплять контролируемые ими части города¹¹. Около 4 ноября после взятия аль Маарры по требованию Сен Жилля состоялось последнее совещание, собравшееся в Ругии (Шастель Руж), куда из Антиохии прибыли Боэмунд, Готфруа Бульонский и Роберт Норманнский. Однако и на этот раз оно завершилось безрезультатно. Возвратившись в Антиохию, Боэмунд силой изгнал из нее оставленных там Раймундом провансальцев, став единоличным хозяином города. К этому времени под его власть перешли оставленные Бодуэном Фландрским и Танкредом в Тарсе, Адане, Мамистре и Александrette гарнизоны. Гийом Тирский датирует поход норманна в Киликию ноябрем 1098 г. [31, 279—280]. Его захваты были признаны наиболее авторитетными из предводителей крестоносных ополчений. Собравшись 2 февраля в Антиохии, они приняли решение о совместном выступлении на Иерусалим из Лаодикеи 1 марта. Боэмунд отказался от участия в походе, предпочтя остаться в своих новых владениях. Прибывшее в начале апреля в лагерь Сен Жилля под Арку посольство Алексея I безнадежно опоздало. Император требовал отложить начало похода до Иванова дня (1 июня), к которому он смог бы лично явиться с армией на помощь крестоносцам, и упрекнул предводителей похода в том, что они нарушили соглашение, санкционировав захват Антиохии Боэмундом [30, 286]. Столь позднее появление византийского посольства у крестоносцев во многом было связано с малоазийским походом императора, в то время не располагавшего достоверной информацией о положении дел при Антиохии.

Сам поход довольно кратко описан Анной Комниной, по-видимому, черпавшей информацию из рассказов уча-

стника событий и родственника Иоанна Дуки. Поэтому она лучше осведомлена об освобождении городов долины р. Меандр, нежели о действиях отца в Вифинии.

После разгрома армии султана Рума при Дорилее начался отток сельджуков из прибрежных районов северо-запада Малой Азии — Вифинии, Мизии, Фригии, Памфилии. В городах здесь еще оставались сельджукские гарнизоны, предоставленные собственной участи. К тому же отнюдь не все прибрежные районы принадлежали Руму. Некоторые из них входили в состав независимых сельджукских эмиратов, с которыми Византия уже воевала в начале 90-х годов. Поэтому, воспользовавшись тем, что крестоносцы значительно ослабили Рум, на помощь которого эмиратам уже не приходилось рассчитывать, Алексей I и предпринял поход с целью отвоевания пограничных районов Малой Азии от Вифинии до Памфилии. Частично они были отвоеваны сразу же после прихода его к власти (район Дамалиса), частично утрачены в это время — Каппадокия и Хома, Ираклия Понтийская и Пафлагония [7, 133—134]. Византийская армия была разделена на две части. Большая часть во главе с императором начала изгнание сельджуков из Вифинии, меньшая, действуя совместно с флотом, предприняла освобождение прибрежных районов Фригии и Памфилии. Здесь возглавляемая родственником императора Иоанном Дукой византийская армия двинулась к Смирне, столице сельджукского эмирата, владетель которого Чаха был одним из наиболее опасных противников Византии, захватившим острова Хиос и Самос и построившим флот. Острова были возвращены империи в ходе кампании 1091 г. Чаха погиб. Теперь же, летом 1098 г. византийская армия должна была отвоевать и саму Смирну. Город был сдан без боя после того, как Иоанн Дука поклялся, что жившие в городе турки «получат возможность невредимыми вернуться на родину» [7, 303]. После этого был освобожден Эфес. Пленные здесь турки были расселены по островам Эгейды. Преследуя отступавших, Дука вступил в долину р. Меандр, освободив Сарды и Филадельфию. Население сдало ему Лаодикею Фригийскую. Через Хому и Лампи византийская армия вышла в район Поливота. Освобожденные крепости были укреплены или восстановлены, став центрами византийских фем, куда были назначены стратиги [133, 124—137]. В то же время Алексей I завершил осво-

бождение всей Вифинии, выйдя с армией к Филомилию.

Еще в конце мая 1098 г. атабек Мосула Кербуга по призыву сельджукских эмиров Сирии двинул войска на Антиохию. После переправы через Евфрат к нему присоединились малик Дамаска Дукак, эмир Хомса Джанах ад даула и порвавший с Ридваном Сукман ибн Артук. Продвижение армии атабека в Сирию было задержано безуспешной осадой Эдессы 4—25 мая. Тем временем 4 июня крестоносцы захватили и разграбили Антиохию. Лишь 9 июня к городу подошли и начали его осаду войска мусульманской коалиции. Но в ее рядах не было единства. Присоединившийся к союзникам Ридван был злейшим врагом своего брата Дукака. Джанах ад даула враждовал с эмиром Мембиджа, находившимся в лагере атабека. Все это привело к тому, что, не доверяя друг другу, после первого же крупного сражения с крестоносцами 29 июня союзники бежали от стен города, оставив Антиохию в руках победителей.

Занятый отвоеванием Вифинии, Алексей I в июне 1098 г. находился в районе Филомилia, куда к нему прибыли беглецы из осажденной Антиохии, в частности Этьен Блуа, сообщившие ему, что город накануне падения. Император, собравшийся, если верить Анне Комниной, склонной задним числом оправдывать действия отца, идти на помощь крестоносцам, «считал невозможным спасти город... не имея достаточно сил для борьбы с таким множеством врагов... решил не двигаться далее, дабы, спеша на помощь Антиохии, не потерять и самого Константинополя» [7, 305]. Таким образом, планы похода на Антиохию существовали — с целью ли оказания помощи крестоносцам или же чтобы получить из их рук город. Срыву их способствовали беглецы из Антиохии. Император был готов совершить поход к городу, но вряд ли желал ввязываться в борьбу за него с мусульманской коалицией, имея в тылу пусть даже ослабленный Румский султанат. К тому же Этьен Блуа заявил ему: «Я говорю вам искренне, что Антиохия взята, но цитадель не пала и наши люди все теснее осажжены, и я думаю, что в это самое время они уже убиты турками. Идите поэтому назад так быстро, как вы только можете...» После этого император отдал приказ своей армии, сказав: «Идем и проводим всех людей этой страны в Болгарию. Сожжем и разрушим на этой земле все, так что когда турки придут, они не смогут ничего здесь

найти» [25, 64; ср.31, 250; 29, 658—659]. Византийская армия начала отход, уводя с собой население пограничных областей. Поход на Антиохию не состоялся. Все это объективно способствовало тому, что город остался в руках Боэмунда Тарентского. Крестоносцы отказались ждать Алексея «до Иванова дня».

С падением Иерусалима 15 июля 1099 г. и избранием на пост правителя города Готфруа Бульонского завершился крестовый поход. Вопреки условиям Константинопольского соглашения на территориях Киликии, Сирии, Месопотамии, принадлежавших ранее Византии, образуются Антиохийское княжество и графство Эдесское. Первое из них в дальнейшем имело общую границу с империей и тенденцию к расширению своей территории за счет земель, ей ранее принадлежавших. Поэтому тотчас же после образования государств крестоносцев Византия начинает борьбу за реализацию Константинопольского соглашения, т. е. за отвоевание у крестоносцев захваченных ими территорий.

**ВИЗАНТИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ
ГОСУДАРСТВ КРЕСТОНОСЦЕВ.
БОРЬБА ЗА РАВНИННУЮ
КИЛИКИЮ В 1-е ДЕСЯТИЛЕТИЕ
XII в.**

Период 1098—1100 гг. был временем становления государств крестоносцев. Но если в Сирии и Месопотамии возможности их территориальной экспансии были ограничены и столкновения графства Эдесского с эмиратами Артукидов Диар Бакра и Антиохийского княжества с эмиратом Сельджукидов Алеппо довольно быстро привели к демаркации их границ, то в Малой Азии успехи крестоносцев были более значительны, так как после Дорилея Румский султанат и эмират Данышмендов утратили контроль над обширными территориями вдоль своих юго-восточных границ. Но именно здесь крестоносцы столкнулись с Византией и по меньшей мере до 1108 г. оспаривали друг у друга власть над территориями, расположенными по линии Равнинная Киликия — Абласта — Мелитена. Города Равнинной Киликии стали объектами борьбы Византии и Антиохийского княжества. Параллельно интересы последнего и графства Эдесского сталкивались в районе Мараша — Мелитены при сохранении известных претензий на него и империи. Но графство Эдесское в свою очередь стремилось расширить свои пределы вплоть до границ Киликии. Как следствие, здесь сталкивались интересы всех трех государств.

Известно, что в ходе крестового похода Константинопольское соглашение рассматривалось византийской дипломатией как юридическая база отношений империи с крестоносцами. Образование на территории Ближнего Востока государств крестоносцев в нарушение условий соглашения предопределило дальнейшую политику Византии в отношении данных государств по меньшей ме-

ре до 30-х годов XII в. И главным противником империи уже в силу своего географического положения стало Антиохийское княжество. Уже в марте 1099 г. Алексей I потребовал от Боэмунда возвращения Антиохии и «других городов». Норманн отказался, ссылаясь на то, что император первым нарушил соглашение, не явившись на помощь крестоносцам к Антиохии [17, 501—502; 31, 307]. Тогда же император направил к Боэмунду первое посольство, а осенью — второе, возглавляемое Мануилом Вутумитом [7, 315]. В то же время оказывал дипломатический нажим на Боэмунда и Раймунд Тулузский, оставшийся после захвата Иерусалима ни с чем. Но параллельно с переговорами и уговорами Византия предприняла военные действия в Киликии. Намерение норманна распространить власть на ее западную часть с портами Курик и Селевкия вынудило императора направить туда друнгария флота Евстафия, который восстановил лежавшие в руинах укрепления данных городов и оставил здесь гарнизоны¹. Таким образом, к концу 1099 г. запад Киликии перешел под контроль Византии, что создало предпосылки для последующей попытки империи отвоевать весь район. Параллельно она стремилась закрепиться и на сирийском побережье, чтобы создать плацдарм для наступления на Антиохию с тыла. Здесь ставший союзником Византии Раймунд Сен Жилль стремился ослабить более удачливого соперника — Боэмунда. Он установил свой контроль над Лаодикийей, Мараклеей, Валаном и передал их империи. Уже в сентябре 1099 г. Боэмунд предпринял осаду Лаодикеи, что явилось началом его необъявленной войны с Византией, с перерывами продолжавшейся до 1108 г. В лагерь норманна был направлен Вутумит с требованием снятия осады города. Но сделано это было лишь после того, как возвратившийся из Иерусалима Сен Жилль настоял на уходе Боэмунда от стен Лаодикеи.

Юридически независимость Антиохийского княжества и графства Эдесского была оформлена в конце декабря 1099 г. во время паломничества Боэмунда Тарентского и Бодуэна Фландрского в Иерусалим. К этому времени норманн нашел союзника в лице прибывшего в октябре в Лаодикийю с пизанским флотом легата папы архиепископа Пизы Даимберта, стремившегося занять престол патриарха Иерусалима. В результате совместных действий Боэмунда и Даимберта патриарх Арнульф

был смещен. Ставший его преемником Даимберт, рукоположенный епископами Тарса, Мамистры и Артаха, входивших в состав владений норманна, и епископом Эдессы Бенедиктом, между 26—31 декабря как легат папы инфеодировал Боэмунду Антиохию и Бодуэну — Эдессу. Тогда же норманн принял титул князя Антиохии, а его племянник Танкред — князя Тивериады и еще не захваченной Хайфы. Бодуэн стал графом Эдессы. Все они, следовательно, стали юридически независимы от «защитника гроба господня» Готфруа Бульонского. И к концу 1099 г. вопреки нажиму Византии, требовавшей возвращения Антиохии, захваченной Боэмундом *contra iuramenta* [30, 286]², образование Антиохийского княжества как независимого государства было оформлено юридически.

В конце 1099 — начале 1100 г. византийские войска были посланы в Киликию. Анна Комнина пишет: «...обнаружив, что армяне уже заключили союз с Танкредом³, Вутумит миновал их земли и, дойдя до Мараша, овладел им и всеми соседними городками и селениями. Он оставил там большое войско для охраны всей этой территории под началом полуварвара Монастры, а сам возвратился в царственный город» [7, 313]. В то же время, по данным Самвела Анеци, вступил в контакты с империей и князь Горной Киликии Константин Рубенид [45, 447]. Князь умер в 548 г. армянской эры (25.2.1099—24.2.1100) [130, 186—187; ср. 158, 106], т. е. установление его отношений с Византией следует отнести ко времени, предшествующему этой дате. Как следствие, возможно, что на протяжении двух лет — с осени 1097 по осень 1099 г. — княжество Рубенидов дважды меняло внешнеполитическую ориентацию, заключив соглашение с Танкредом, а затем с Византией. Последнее было прямо связано с появлением на территории Киликии византийских войск и с вводом в район Мараша имперских гарнизонов. По свидетельству Анны Комниной, Мараш был занят византийскими войсками в конце 1099—начале 1100 г. [7, 313], тогда как Маттэос Урхайеци пишет, что город был передан крестоносцами тагавору Алексею в «первый год святой войны», т. е. в 1097 г., когда они шли к Антиохии [42, 272]. По-видимому, Мараш действительно мог быть передан империи в лице Татикия в октябре 1097 г. Но, идя к Антиохии, он не смог сохранить город под своим контролем, и лишь ввод в него

византийского гарнизона двумя годами позже привел к возвращению Мараша под власть Византии. Летом 1100 г. имперским наместником города был армянин, князь князей Татул, осажденный в нем Боэмундом. Развивая свой успех в Киликии, князь попытался овладеть и Марашем. Возможно, это ему бы удалось, если бы он не получил призыва о помощи от правителя Мелитены Гавриила, осажденного в стенах города эмиром Севастии Мелик Гази Данышмендом. Гавриил предлагал сдать Мелитену Боэмунду, и князь направился к городу, сняв осаду Мараша. На пути к Мелитене около 15 августа 1100 г. он попал в плен к Данышменду и был заключен в Неокесарию около побережья Понта. Тотчас же к Мелитене направился с рыцарским отрядом Бодуэн Фландрский, тогда еще граф Эдессы. В город был введен небольшой гарнизон. Гавриил, по-видимому, признал сюзеренитет графа⁴.

Воспользовавшись пленением Боэмунда, Византия отвоевала у Антиохийского княжества Равнинную Киликию. Данных об этом нет. Но когда весной 1101 г., передав свои владения в Палестине Бодуэну Фландрскому, ставшему после смерти брата королем Иерусалима, в Антиохии в качестве регента княжества появился Танкред, ему пришлось начать отвоевание Равнинной Киликии уже у Византии. Рауль Каэнский относит завершение этого процесса к осени 1101 г., когда, возвращаясь в Палестину, участники крестового похода 1101 г. в конце сентября застали в Тарсе антиохийского вассала [29, 706; 17, 582].

Смерть Готфруа Бульонского 18 июля 1100 г. привела к вспышке борьбы за иерусалимское престолонаследие. Попытка патриарха Даимберта помешать прибытию в Иерусалим брата и наследника Готфруа Бодуэна Фландрского и апеллировать к князю Антиохии, дабы не допустить коронации Бодуэна, провалилась. Его письмо к князю было перехвачено и в любом случае не дошло бы до адресата, попавшего в плен при Мелитене [23, 368; 29, 705; 51a, 589; 49, 203; 39, 75]. Передав Эдессу родственнику Бодуэну Буржскому, в декабре 1100 г. Бодуэн Фландрский короновался в церкви Рождества в Вифлееме как король Иерусалима. Его старый соперник, князь Тивериады и Хайфы Танкред, не желая становиться вассалом короля, весной 1101 г. возвратил ему лен и ушел в Антиохию, приглашенный баронами в ка-

честве регента. Отделенное от Византии территорией Антиохийского княжества Иерусалимское королевство не было объектом территориальных притязаний империи. Одной из причин этого были византийско-антиохийские войны, надолго отвлекшие внимание империи от судеб королевства. Возможно также, что по условиям Константинопольского соглашения Палестина и не должна была возвратиться в состав Византии.

Из франкских владетелей Ближнего Востока Византия сравнительно рано вступила в союзные отношения лишь с Раймундом Сен Жиллем, который, если верить Фульхерию Шартрскому, не был связан условиями Константинопольского соглашения с императором. Изгнанный Боэмундом из Антиохии, не сумевший удержать аль-Маарру, не избранный королем Иерусалима, граф Тулузский был готов заключить союз с кем угодно, дабы завоевать себе владения на Ближнем Востоке. В то же время, не желая усиления здесь позиций своих более удачливых собратьев, граф в противовес их притязаниям на территории Сирии и Месопотамии поддерживал претензии Византии. Так, он сдал дукс Кипра Евмафию Филокалу Мараклею и Валан, а Андронику Цинцилуку — Лаодикею [7, 308], в январе 1099 г. еще не захваченные Боэмундом и вскоре ставшие яблоком раздора между ним и империей. Вскоре началось формирование и собственных владений Раймунда, хотя до 1102 г. сколь-нибудь целенаправленной политики в данном направлении он не проводил. На пути к Иерусалиму граф захватил Тортосу и ряд других городов средиземноморского побережья Финикии, но не удержал их⁵.

Весной 1101 г. в Константинополе появились новые отряды крестоносцев, что отчасти было реакцией на успех первого крестового похода [263, 3—12]. На этот раз Византии удалось до некоторой степени использовать военные силы крестоносцев в своих целях, хотя основной целью самого похода было освобождение из плена Боэмунда Тарентского. Во главе крупнейшего ополчения — ломбардского — был поставлен прибывший из Палестины Сен Жилль. 23 июня 1101 г. ломбардцы захватили Анкиру, но в середине июля потерпели поражение от армий султана Рума Килич Арслана и эмира Севастии Мелик Гази Данышменда при Мерзиване около Неокесарии. Южно-французское ополчение после неудачной попытки штурма Икония в августе также было разбито

при Ираклии. В результате похода Византия смогла вернуть Анкиру, впрочем, ненадолго. В то же время поход 1101 г. в известной степени способствовал временной консолидации мусульманских государств Ближнего Востока. При Мерзиване крестоносцам противостояли не только армии султана Рума и эмира Севастии, но также и отряды, присланные маликом Алеппо Ридваном и эмиром Харрана Караджей, что и предопределило неудачу похода. Участие в нем Раймунда Сен Жилля во многом определялось его союзом с Алексеем I, основанном на временном совпадении их интересов в Сирии, где обе стороны были равно заинтересованы в ослаблении позиций Боэмунда⁶. В Антиохии осознавали опасность этого союза. Поэтому возвращавшийся осенью 1101 г. после участия в походе на восток Раймунд был схвачен Танкредом в Киликии и получил свободу лишь после того, как поклялся не искать себе владений в Сирии у границ норманнского княжества [17, 582—583]. Но уже 21 апреля 1102 г. с помощью генуэзского флота граф вновь захватил Тортосу, 28 апреля — Джебелет, а затем с помощью византийского флота, возглавляемого дукой Кипра Евмафием Филокалом, начал постройку крепости Мон Пелерин у стен осажденного Триполи [7, 309; 17, 583; 19, 69—70; 31, 428]. Смерть графа 18 февраля 1105 г. прервала процесс формирования провансальского графства на побережье Сирии и лишила Византию союзника в борьбе с князем Антиохии. Но для последующей политики империи в отношении государств крестоносцев показательно, что она не только санкционировала образование будущего графства Триполи, но и сыграла определенную роль в самом его формировании. Это свидетельствует о том, что графство было нужно империи не только как противовес Антиохийскому княжеству, неизменно ей враждебному, но и как первый опыт окружения своих владений на Ближнем Востоке цепью вассальных государств — в духе ойкуменической доктрины.

Параллельно, в 1103 г. Византия пыталась нейтрализовать Боэмунда Тарентского, начав переговоры о выкупе князя с Меликом Гази Данышмендом, естественно, не для того, чтобы вернуть Боэмунду свободу. В письме дуке Трапезунда Григорию Тарониту Феофилакт Болгарский пишет: Алексей Комнин «давно уже домогался и употреблял все средства, чтобы овладеть как продажным рабом тем лицом, которое мечтает о себе

как об освободителе всего Востока и которое, обольщаясь продолжительными грезами, не удовлетворилось бы и вторым после василевса местом. Чрез тебя василевс достиг своей цели, ибо турок, сдавленный в твоих руках, против воли заключил перемирие и согласился в числе других условий и на выдачу франка нашему победоносному императору» [114, 244]. По условиям договора эмир получал за пленника выкуп в бюзантах, но они никогда не были реализованы. Если верить Альберту Ахенскому, князь Антиохии доказывал эмиру, что выдача его императору лишь усилит последнего, и предлагал Мелику союз, направленный как против Византии, так и Рума, с которым в это время воевал Данышменд. Поэтому весной 1103 г. Боэмунд был выкуплен своими подданными [17, 613—614] при посредничестве князя Василя Гоха, который использовал пребывание норманна в своей столице Кесуне для того, чтобы заключить с ним союз, дабы обезопасить себя от растущей угрозы со стороны графа Эдессы [122, 34—44]. Основной причиной союза явилось то, что пленение Боэмунда и вовлечение Танкреда в борьбу с Византией за Равнинную Киликию позволили графу Эдессы Бодуэну Буржскому упрочить свои позиции (хотя и временно) в Мелитене, женившись на дочери правителя города Морфии. Расширение территории графства Эдесского вблизи границ армянских приевфратских княжеств также делало его опасным соседом последних. По-видимому, интересы графа и князя Антиохии сталкивались и в Малой Азии, у границ Киликии, где весной 1104 г. вассал графа Эдессы граф Тель Башира Жослен де Куртенэ захватил византийский Мараш, сданный ему Татулом, возвратившись в Константинополь [42, 298]. Таким образом, Мараш и его округ вошли в состав графства Тель Башир. Примерно в это время устанавливаются контакты Жослена с княжеством Рубенидов, закрепленные браком графа с сестрой Тороса I и Левона, что, по-видимому, обеспечило ему союз с князьями Горной Киликии, чьи владения граничили с районом Мараша [31, 610].

Летом 1104 г. Боэмунд, Танкред, Бодуэн Буржский и Жослен предприняли совместный поход вглубь Месопотамии на г. Харран. В сражении у стен города франкские владетели потерпели поражение от атабека Мосула Джекермиша и владетеля Хысн Кайфы Артукида Сукмана. Графы Эдессы и Тель Башира попали в плен. Ла-

тинские хронисты сообщают, что причиной поражения явилась распря владельцев Антиохии и Эдессы за еще не завоеванный Харран [17, 614; 31, 408; 29, 713; ср. 49, 221—223; 51 а, 591—592]. Боэмунд и Танкред не поддерживали Бодуэна и Жослена, став свидетелями их разгрома сельджуками. Граф Эдессы был уведен в Мосул и оставлен без выкупа, хотя позже атабек и предлагал Танкреду обменять его на попавшую в плен к франкам знатную мусульманку. Граф Тель Башира был заключен в Хысн Кайфу.

Внешнеполитические последствия поражения при Харране были весьма значительны. От Антиохийского княжества отпал Артах, население которого призвало Ридвана [29, 712], антиохийские гарнизоны оставили пограничные крепости Кафртаб, аль-Маарру и эль-Бару. Войска Ридвана совершили набег на территорию княжества⁷. Население Тарса, Аданы и Мамистры также изгнало антиохийские гарнизоны, призвав греков. Анна Комнина пишет, что Монастра «захватил Лонгиниаду, Тарс, Адану, Мамистру и полностью всю Киликию» [7, 318]. Таким образом, к осени 1104 г. Равнинная Киликия вновь вошла в состав Византии. Одновременно имперский флот блокировал Лаодикею и захватил на сирийском побережье городки Аргирокастрон, Маркаб, Гавал (Джебель) «и другие до окрестностей Триполи» [7, 317]. Город и порт Лаодикеи были захвачены, но в цитадели удержался антиохийский гарнизон. Показательно, что, требуя возвращения Лаодикеи, возглавлявший византийскую армию Кантакузин во время переговоров с Боэмундом мотивировал это так: «Вы (крестоносцы. — В. С.), как известно, обещали служить самодержцу и клятвенно обязались вернуть взятые вами города. А теперь ты сам преступил клятву и нарушил условия мира. Взяв этот город, ты передал его нам, а теперь передумал и вновь владеешь им» [7, 317]. Осенью 1104 г. в надежде получить военную помощь Боэмунд отплыл в Европу. Показательно, что на Ближнем Востоке ни военной, ни дипломатической поддержки от своих соседей — короля Иерусалима и графа Триполи — он не получил. И если второй был открытым противником князя, то позиция короля во многом была связана с судьбой Эдессы. Эдесский вопрос оставался неурегулированным, ибо после Харрана графство перешло под контроль Танкреда, ничего не сделавшего для выкупа Бодуэна Бурж-

ского, так как он мог быть регентом лишь на время нахождения последнего в плену. Это в известной степени и предопределило отношение Бодуэна I к Боэмунду и Танкреду.

Осенью 1107 г. Боэмунд высадился на Балканах и начал военные действия против Византии на старом, известном ему еще со времен кампании 80-х годов XI в. театре военных действий. В целях обороны империя была вынуждена отозвать на Балканы Монастру из Тарса и Кантакузина из Лаодикеи, облегчив тем самым задачу Танкреду, начавшему отвоевание у Византии Равнинной Киликии и Лаодикеи [7, 321]. Военные действия на Балканах завершились подписанием в сентябре 1108 г. мирного договора на р. Девол. Боэмунд был вынужден признать себя вассалом империи с обязательством впредь нести военную службу василевсу, подчинить ему своих вассалов, впредь возвращать те из завоеванных территорий, которые ранее принадлежали Византии, или считать их дарованными императором, если они не входили в состав владений последнего. «До конца жизни» получал Боэмунд во владение территорию Антиохийского княжества в границах 1104 г., включая и отвоеванный Танкредом у малика Алеппо Ридвана Артах, входившие в состав графства Эдесского Мараш и Дулук-Телух и принадлежавший эмирату Мункидитов Шейзар. После смерти Боэмунда эти территории «должны будут вернуться под власть нового Рима» и, выражая свою последнюю волю, князь обязался приказать «управляющим и своим людям, чтобы они отдали под власть Ромейской державы все упомянутые земли» [7, 370]. От Антиохийского княжества отторгались города Равнинной Киликии — Тарс, Адана и Мамистра, а также район Лаодикеи — Тортосы с Джебелем, Валаном, Мараклеей на средиземноморском побережье Сирии. Часть последнего района не входила в состав Антиохийского княжества, а принадлежала либо мусульманским владетелям, либо наследнику Сен Жилля, его племяннику Гийому Журдену, лишь позже ставшему вассалом Танкреда. Таким образом, князь отказывался не от самих территорий, но от претензий на них в пользу Византии. В качестве компенсации империя передавала Боэмунду свои права на «фему Кассиотида» с Алеппо, земли бывшей фемы Лапары в Малой Азии с городками Абласта, Хоний, Амира, крепостями Романны и Арамис и ниже, у границ Кили-

кии, крепостями Сарван (Сарвантикар) и Телхампсон (Тил Хамдун). Не совсем ясно, должны ли были данные районы перейти под контроль Византии после смерти Боэмунда [7, 371]⁸.

«Из месопотамских фем, находящихся вблизи города Эдесса», князь получал права на фемы Аэт и Лимниев. «Графство [Эдесское] в целом вместе со всеми подвластными ему укреплениями и землями и власть графа» он получал с правом передачи их по наследству любому преемнику при условии признания последним сюзеренитета василевса и Девольского договора. Боэмунд соглашался впустить в Антиохию греческого патриарха и получал ежегодные выплаты из казны.

Таким образом, договор должен был оформить переход территории Антиохийского княжества Византии в два этапа. Сразу же после его заключения империя получала Равнинную Киликию и район Лаодикеи — Тортосы, а затем, после смерти Боэмунда, основную территорию княжества с Антиохией и долиной р. Оронт. Передавая князю свои права на Мараш и Дулук, в то время феодалы графств Эдесского и Тель Башир, Византия явно удовлетворяла претензии Боэмунда на данные территории, которые он безуспешно пытался захватить в 1100 г., с тем чтобы после его смерти получить их. По-видимому, таковой же должна была быть и судьба фемы Лапарии, на часть территории которой также претендовал князь Антиохии (Абласта входила в состав княжества и была утрачена в 1105 г. после Харрана)⁹ в случае, если бы он смог реализовать полученные на нее права. Реально же территория бывшей фемы в данный период принадлежала Румскому султанату, эмирату Данышмендов, возможно, княжеству Рубенидов и самому Антиохийскому княжеству. Судя по последовательности перечисления принадлежавших феме городов, она протянулась узкой полосой от Абласты до Сарвантикара — Тил Хамдуна в Киликии. Между ними расположен район Мараша, на который также претендовал Боэмунд. Принадлежность Сарвантикара и Тил Хамдуна ко времени подписания договора неизвестна. Но, учитывая, что к концу 1108 г. войска Танкреда стояли у Аданы, можно предположить, что эти города принадлежали регенту. Они расположены не так далеко от Аназарбы — столицы удела Тороса I Рубенида. Показательно, что в договоре империя специально оговаривает границы Антиохийского

княжества и княжества Рубенидов в данном районе, передавая Боэмунду свои права на Сеав Лер—Черную гору (Аманский хребет, протянувшийся от Мараша до средиземноморского побережья) и «все подчиненные ей крепости, и всю лежащую под ней долину, разумеется, за исключением владений Льва и Феодора Рупениев», вассалов василевса. Из городов, расположенных за Аманом на территории Киликии, Боэмунд получил права лишь на Сарвантикар и Тил Хамдун, в районе которых по р. Джахан, по-видимому, и проходила граница его владений и уделов Тороса и Левона Рубенидов. Данный параграф соглашения был исключительно важен для князя Антиохии, так как в нем империя признавала его права на расположенную в горах Амана систему крепостей, прикрывавших горные проходы, связывавшие Каппадокию и Киликию с Сирией. За эти крепости позже шла борьба между Антиохийским княжеством и Рубенидами, ибо они (Баграс-Гастин и Дарбессак) играли исключительную роль в обороне границ того и другого княжества [167, 70—72, 167—168; 175, 415—455].

По условиям соглашения Византия передавала князю Антиохии свои права на территории эмирата Алеппо, Шейзар Мункидитов и «городки Ближней Сирии». Если бы они были отвоеваны Боэмундом, то после его смерти перешли бы под власть империи.

В целом Боэмунд утрачивал завоевания Танкреда в Киликии и Лаодикею и лишь пожизненно сохранял Антиохийское княжество. Для политики Византии в отношении государств крестоносцев, и в частности Антиохийского княжества, показательно, что, лишая князя его сирийских владений, империя в то же время перемещает его в Месопотамию, передавая Боэмунду в наследственное владение графство Эдесское как имперский лен. Тем самым Византия продолжила политику окружения своих новоприобретенных владений вассальными буферными государствами, что уже имело место ранее в отношении графства Триполи и княжества Рубенидов. Наконец, передавая князю свои «права» на Сирию с Алеппо, империя предоставляла ему возможность реализовать эти права, дабы после смерти Боэмунда присоединить его возможные завоевания к своей территории, что и было оговорено в соглашении. Данная ситуация поразительно напоминает события 70—90-х годов X в., когда Византия даровала владетелю Тао (Грузия) Багратиду Давиду

куропалату свои права на Апахуник (район оз. Ван), реально принадлежавший эмирату Мерванидов Диар Бакра. Затем под угрозой применения силы империя вынудила Давида признать пожизненность своих владений и после того, как он отвоевал у Мерванидов Манцикерт, унаследовала владения отравленного в 1001 г. Багратида [108, 72—80]. Все это наглядно демонстрирует традиционализм принципов и методов имперской дипломатии, во многом связанный не только с консерватизмом ойкуменической доктрины, лежавшей в ее основе, но и со сходством ситуаций, которые разделяло более столетия.

Претензии Византии на сюзеренитет над давно уже утраченными ею территориями, вплоть до права передачи его целиком или частично кому-либо из соседних правителей, признававших над собой власть василевса, наиболее ярко проявились в том, что в тексте договора во многом игнорируются изменения, происшедшие на Ближнем Востоке после 1071 г. Признавая существование графства Эдесского и присваивая себе право распоряжаться его судьбой, империя в то же время передает Боэмунду свои права на давно уже не существующие фемы Лапары, Аэт, Лимниев, Зуме, на месте которых возникли это графство, само Антиохийское княжество, эмираты Сельджукидов Алеппо и Мункидитов Шейзара. Используемая в тексте договора политическая административная и географическая номенклатура лишь в незначительной степени отражала сложившуюся к 1108 г. политическую карту Ближнего Востока, где никакими территориями империя уже не обладала.

Используя свое военное превосходство на Балканах, Византия смогла навязать потерпевшему поражение князю Антиохии Деволское соглашение. Но, подписав его, Боэмунд возвратился в Италию, так более и не появившись в Антиохии и не сделав попытки заставить регента княжества Танкреда выполнить его условия. Соглашение никогда не было реализовано по той причине, что оно отражало соотношение сил на Балканах, а не на Ближнем Востоке, на решение судеб которого претендовало. В Киликии византийские войска терпели поражение за поражением от Танкреда, который с помощью пизанского флота уже к концу 1107 г. отвоевал Лаодикею, а затем, не опасаясь удара в спину, обрушился на византийские гарнизоны в Равнинной Киликии, ослабленные выводом войск на Балканы¹⁰. К лету

1108 г. регент захватил Мамистру, и лишь ухудшение его отношений с остальными государствами крестоносцев отсрочили окончательное отвоевание у империи Аданы и Тарса¹¹.

Деволский договор не мог не осложнить отношений Византии с Иерусалимским королевством, претендовавшим на сюзеренитет над остальными государствами крестоносцев, хотя эти претензии признавались лишь в Эдессе, ранее переданной Бодуэном I Бодуэну Буржскому как феодал. Деволский договор отменял для Боэмунда условия Константинопольского соглашения 1097 г., в то же время ставя князя в большую зависимость от Византии, что и противопоставляло империю Иерусалимскому королевству. Эдесский вопрос также был разрешен Византией без учета прав Бодуэна I, точнее, с намеренным их игнорированием. А права эти были достаточно велики, учитывая, что Бодуэн Буржский был прямым вассалом короля, тогда как отношения последнего с князем и регентом Антиохии были традиционно враждебными еще со времен киликийской экспедиции 1097 г. Антиохийское княжество ни при Боэмунде, ни при Танкредe не признавало претензий Бодуэна I на сюзеренитет. В этих условиях присоединение графства Эдесского к Антиохийскому княжеству могло иметь место лишь как временное явление, будучи связанным с пленением Бодуэна Буржского. Действительно, после Харрана собрание горожан Эдессы постановило вручить власть Танкреду до освобождения Бодуэна [17, 616]. Именно поэтому граф был намеренно оставлен без выкупа, а после ухода Танкредe в Антиохию в качестве регента осенью 1104 г. наместником Эдессы был назначен его родственник Ричард Салернский, своими требованиями тотчас же возбуждавший недовольство горожан [42, 308].

По-видимому, в это время от графства Эдесского были отделены и переданы под прямой контроль антиохийской администрации Мараш и Дулук, на которые ранее претендовал Боэмунд. По крайней мере, в Деволском договоре их судьбы рассматриваются вне связи с судьбой графства Эдесского. Передача же их Боэмунду лишь узаконила, с точки зрения империи, его претензии на данные города. Наконец, князю, с явным игнорированием прав короля Иерусалима, как имперский лен было передано графство Эдесское.

Таким образом, даже не будучи реализованным, Девопское соглашение создало определенные трудности и проблемы в отношениях Византии с Иерусалимским королевством. Не улучшило оно отношений последнего и с Антиохийским княжеством, так как инициатива решения судьбы графства Эдесского исходила от Боэмунда. Единственным реальным следствием договора было то, что в дальнейшем, когда соотношение сил на Ближнем Востоке стало склоняться в пользу мусульманских государств и государства крестоносцев были вынуждены искать поддержки империи, Девопский договор стал международно-правовой базой отношений Византии с Антиохийским княжеством. Территориальные же его аспекты никогда не были реализованы. Попытка империи полностью перекроить политическую карту Ближнего Востока и восстановить здесь свои позиции за счет Антиохийского княжества, графства Эдесского, эмиратов Сельджукидов Алеппо и Мункидитов Шейзара, частично — Румского султаната и эмирата Данышмендов Севастии завершилась провалом. Танкред продолжал отвоение Равнинной Киликии, где его войска подходили к Тарсу [52, 99]. Но в августе 1108 г. вышел из плена граф Эдессы Бодуэн Буржский, потребовавший от Танкреда возвращения графства. Регент соглашался лишь при условии, что Бодуэн признает себя его вассалом¹². Граф отказался и вместе с ранее освободившимся Жосленом де Куртенэ начал искать союзников для борьбы с Танкредом. Ричард Салернский был вынужден уйти из Эдессы в Мараш [39, 82]. Граф Эдессы был связан военным союзом с атабеком Мосула Джавали, которому был направлен призыв о помощи. Васил Гох, на этот раз опасавшийся уже агрессивных поползновений регента Антиохии, предоставил Бодуэну находившуюся на территории его владений печенежскую конницу из византийского гарнизона захваченной Танкредом Мамистры [42, 307]. Таким образом, хотя и косвенно, Византия приняла участие в конфликте на стороне противников Танкреда. По-видимому, в это время получает сан севаставший союзником Византии Васил Гох [43, 165]. Оказавшись в полной изоляции, регент обратился к своему старому противнику Ридвану ибн Тутушу, опасавшемуся появления армии Джавали в Сирии. В столкновении при Губбосе Танкред нанес поражение графам Эдессы и Тель Башира. Казалось бы, судьба

графства Эдесского была решена. Однако к этому времени положение самого регента как внутри княжества, так и вне его предельно осложнилось. Опасаясь расширения конфликта и втягивания в него мусульманских владетелей Ближнего Востока, антиохийские бароны не желали его продолжения. На возвращении Эдессы Бодуэну Буржскому настаивал и патриарх Антиохии. К тому же в это время Танкред оказался втянутым в борьбу за наследие Сен Жилля.

Еще в начале 1108 г. в Антиохии появился наследник Раймунда Бертран (Кафарро считает его бастардом [19, 70]). Заключив соглашение с Генуей, он отплыл из Европы в Константинополь. Латинские хронисты утверждают, что здесь он был принят Алексеем I и принес ему вассальную присягу [17, 665], хотя император скорее всего был в это время на Балканах, ведя военные действия против Боэмунда. Возможно, встреча состоялась осенью 1107 г. до отъезда Алексея I из столицы. Из Константинополя Бертран направился в Антиохию, где потребовал от Танкреда возвращения территорий, ранее принадлежавших Сен Жиллю, включая и часть территории города. Взамен регент потребовал участия графа в осаде византийской Мамистры в Киликии [17, 665—666]. Переговоры завершились разрывом и отплытием Бертрана к Тортосе, гарнизон которой признал его права наследования. В поисках союзников для борьбы с Бертраном Гийом Журден, унаследовавший владения Сен Жилля и увеличивший их завоеванием Арки, признал себя вассалом Танкреда, а свои владения — феодом Антиохийского княжества. Тем временем Бертран отправился из Тортосы, к которой двинул войска Танкред, к Мон Пелерину. Отсюда он апеллировал к Бодуэну I, в свою очередь признав себя вассалом короля, а владения Сен Жилля, на которые претендовал, леном от него.

Король тотчас же направил к Танкреду посольство во главе с графом Хайфы Пайеном и Евстафием Гранье с сообщением о принесении ему Бертраном вассальной присяги и с требованием не предпринимать против него военных действий. Регенту было предложено явиться на королевский арбитраж под стены осажденного Триполи. Таким образом, Танкред почти одновременно оказался втянутым в борьбу на трех фронтах: против Византии за Равнинную Киликию против Бертрана и стоявшего за его спиной Бодуэна I — за наследие Сен Жилля и

против Бодуэна Буржского и его союзников — за графство Эдесское. В этих условиях регент был вынужден согласиться на арбитраж Бодуэна I. В апреле 1109 г. король прибыл к Триполи, где Бертран лично принес ему вассальную присягу. Владения Сен Жилля были поделены. Гийом Журден как вассал Танкреда получил Тортосу и Арку, а Бертран — Мон Пелерин, Джебелет и права на Триполи. Танкред был вынужден возвратить Бодуэну Буржскому графство Эдесское без Мараша. Как был оформлен переход графства Марашского под власть регента — неизвестно. Но уже в 1110 г. как вассал Танкреда здесь правит Ричард Салернский, ранее бывший наместником Эдессы [17, 682—683]. Регент обязался оказать королю и Бертрану помощь во взятии Триполи и получил титул князя Тивериады и Хайфы, утраченный им вместе с феодем в 1101 г. С падением Триполи 12 июля 1109 г. начался завершающий этап формирования провансальского графства. Вскоре Бертран организовал убийство Гийома Журдена, дабы захватить его владения. Но все они, кроме Арки, были удержаны Танкредом и вошли в состав графства лишь после смерти Бертрана [52, 118; 258, 40]. Более того, после падения Триполи Танкред захватил на побережье Леванта Баниас и Джабалу (23 июля), в 1110 г. — Хосналь Акрад, будущий Крак де Шевалье, за который эмир Хомса платил дань Бертрану. Византия осталась в стороне от борьбы за наследство Сен Жилля, терпя поражение от Антиохийского княжества в Равнинной Киликии. Это и вынудило Бертрана обратиться за помощью к силе более реальной и менее отдаленной, но равно враждебной Танкреду — к королю Иерусалима, признав его сюзеренитет. В основе этого решения лежала трезвая оценка создавшейся ситуации, в которой сохранение графом вассальных отношений с империей не обеспечивало ему ни политической, ни военной ее поддержки.

По триполийскому арбитражу государства крестоносцев разрешили свои основные противоречия: Эдесса и Тель Башир были возвращены законным владельцам, графство Триполи разделено между двумя претендентами. Внешнеполитические успехи Танкреда делали перспективным продолжение борьбы Византии за реализацию Девольского соглашения: военные действия в Киликии завершились захватом регентом Тарса и Ку-

рика. Империя сохранила лишь район Атталии — Селевкии.

Попытка Византии добиться возвращения утраченных после 1071 г. территорий вооруженным путем оказалась безуспешной. Поражение в борьбе за Равнинную Киликию лишило империю плацдарма у границ государств крестоносцев и, как следствие, каких-либо шансов на восстановление ее позиций в регионе. В то же время Девольский договор в дальнейшем был использован Византией как международно-правовая основа отношений ее с Антиохийским княжеством.

Смерть Мелика Гази Данышменда и усобица его наследников изменили соотношение сил в Малой Азии в пользу султана Рума Килич Арслана I. Заключив мир с Византией, Сельджукид начал военные действия против Данышмендов и 28 июня 1106 г. осадил Мелитену, сданную ему лишь 2 сентября. Город был дан в удел младшему сыну султана Тогрул Арслану. В это время в Месопотамии произошли события, во многом изменившие планы султана и возродившие его надежды на установление гегемонии Рума в данном районе, чего ранее безуспешно добивался его отец Сулейман.

Атабек Мосула Джекермиш, стремившийся поставить под свой контроль территории Месопотамии и Сирии, столкнулся с Артукидами Диар Бакра и маликом Алеппо Ридваном. Вскоре он был смещен сюзереном, султаном Ирака Сельджукидом Мухаммадом, назначившим атабеком Мосула и Джазиры Джавали Сакаву. Джекермиш отказался подчиниться указу, начал военные действия против преемника, в ходе которых погиб. Его сын в Мосуле, наместник в Харране и наместник правителя Дамаска Дукака в Майяфарикине, не желавшие подчиняться Джавали, апеллировали к Килич Арслану, осаждавшему в это время Эдессу. Сняв осаду, султан направился к Харрану и ввел в город гарнизон. Вскоре под контроль Килич Арслана перешел Мосул, наместником которого был назначен наследник султана Меликшах. Казалось бы, Килич Арслану удалось достичь того, что стоило жизни его отцу Сулейману, погибшему при Алеппо, поставить под свой контроль Джазиру и Диар Бакр. Однако резкое усиление здесь позиций сул-

тана Рума вызвало опасение не только Артукидов, но и наследника Тутуша в Алеппо Ридвана, которые поддержали слабейшего — Джавали. В битве при р. Хабур войска коалиции наголову разгромили армию султана (1107). Сам он погиб. Остатки румских войск бежали в Мелитену. Мосул был сдан атабеку. Артукид Иль Гази отнял у поддержавших Сельджукида наследников своего брата Сукмана г. Мардин. Вассал султана Ирака эмир Хлата Сокмен аль Кутби овладел Майяфарикином, уведя в плен владетеля г. Ана Артукида Балака ибн Бахрама. Румский султанат распался. Усобица сыновей Килич Арслана вновь изменила соотношение сил в Малой Азии, на этот раз в пользу Данышмендов. Византия не смогла использовать распад Рума, и в частности борьбу возвратившегося из плена Мелик-шаха с братьями Масудом и Араби, в своих интересах, так как сама была втянута в войну с Боэмундом Тарентским на Балканах и с Танкредом в Киликии. Победивший в усобице Мелик-шах II уже в 1111 г. начал военные действия против Византии. Сельджукские отряды совершили набег на ее пограничные районы: Филадельфию, Хлиар, Пергама. Однако наличие оппозиции недовольных султаном беев в его тылу вынудило Мелик-шаха пойти на перемирие с Алексеем I (конец 1112 г.). Тем не менее в 1113 г. не связанные соглашением беи совершили набеги на районы Никеи, Пруссы, Аполлонии, Лопадия и Кизика, разграбив их и захватив пленных. Часть налетчиков с пленными и добычей смогла возвратиться назад через Пиманон и Адраматтий. Но основные их силы, преследуемые стратигом Никеи Евстафием Комицей, стали отходить к границе в районе Аорт. Комица настиг их, отбив часть пленных, и укрылся в Аортах. Параллельно против сельджуков выступил и сам император. Он прошел с войсками через Никею — Манганы — Василаки, долину и горный проход Олимпа (Кешиш Дага) и вышел на границу к Альфинам между Коттизем и Дорилеем. При Акроине Алексей I нанес поражение отрядам сельджукской кавалерии и, «поручив охрану этой области Георгию Левуну», возвратился в Константинополь [7, 386—391].

Летом 1116 г. отношения Византии с Румом вновь обострились. Алексей I получил сведения о готовившемся сельджукском набеге на территорию империи. Действительно, жертвой грабежей стал район Никеи. Ви-

зантыйская армия попыталась закрыть границу, разместившись «на хребтах Олимпа», т. е. перекрыв горные проходы. Благодаря этому набег был отражен с большими потерями для сельджуков и осенью 1118 г. сам император со всеми войсками выступил по направлению к Дорилю, перенеся военные действия в район Амория — Филомилия. Последний был отвоеван у сельджуков, а окрестности Икония разграблены. Освободив пленных и взяв с собой «добровольно следовавших жителей этих областей», византийская армия стала отступать к своим границам. В сражении в районе Примнеса Алексей I нанес поражение преследовавшему его Мелик-шаху, после чего султан запросил мира. К этому его вынуждало не столько неудачное столкновение с императором, сколько известие о том, что бежавшего из заключения в Иконии брата Масуда поддерживали бен и Амир Гази Гюмюш Тегин Данышменд. Поэтому, заключив перемирие с Алексеем I, Мелик-шах начал отход в направлении Икония. К этому времени его армия стала разбегаться, переходя на сторону Масуда. Так и не дойдя до Икония, султан укрылся в принадлежавшем Византии городке Тирагий около Филомилия, обратившись за помощью к императору. Но приближенные Мелик-шаха сдали город Масуду. Султан был ослеплен, затем убит. Масуд тотчас же был вынужден вступить в борьбу с братом Араби, оспаривавшим у него власть в султанате. В стороне от борьбы братьев остался младший сын Килич Арслана Тогрул Арслан, правивший Мелитеной при регентстве матери и атабека Иль Арслана. Около 1110 г. атабек захватил район Джахан с Абластой, на которые претендовал Амир Гази Гюмюш Тегин Данышменд, сохранявший претензии и на Мелитену. Но враждебные действия эмира были парализованы тем, что в 1113 г. правительница Мелитены вступила в брак с вышедшим из плена Артукидом Балаком ибн Бахрамом, ставшим таким образом регентом при пасынке. Вскоре Артукид захватил крепость Балу в верховьях р. Арванас, а затем и Хатзинд с крепостью Харберд — наследие Филарета Врахамия [41, 205]. Укрепление влияния эмира в граничивших с Месопотамией районах Малой Азии вынудило Амир Гази на время отложить свои планы возвращения Мелитены. Более того, в 1119—1120 гг. в союзе с Масудом и Балаком он выступил против разграбившего район Мелитены эмира Ани-

Камаха Ибн Мангучака и его союзника — мятежного византийского дуки Трапезунда Константина Гавры. И лишь уход Балака в Сирию, его вовлеченность в борьбу с франкскими владетелями и гибель при Мембидже в мае 1124 г. дали Данышменду возможность возобновить политику собирания утраченных после 1105 г. территорий. Но параллельно уже весной 1119 г. союзник Амир Гази Масуд столкнулся на западных границах султаната с преемником умершего в 1118 г. Алексея Иоанном II Комнином, совершившим поход во Фригию. Поводом для возобновления военных действий на византийско-румской границе явились нарушение Масудом перемирия 1116 г. и начавшиеся сельджукские набеги на византийские города в долине р. Меандр. Иоанн II встал лагерем в Филадельфии, отправив часть армии для осады Лаодикеи, которая была вскоре взята. Город был восстановлен, и в нем был оставлен византийский гарнизон. В том же году Иоанн совершил второй поход в Малую Азию, на этот раз в Памфилию, где византийская армия овладела Созополем. «Возвращаясь оттуда, император взял крепость Иерокорифит и многие другие» в районе Атталии [4, 5—6]. Появление на Балканах печенегов вынудило Иоанна срочно вернуться в Константинополь, прервав поход.

Гибель Балака ибн Бахрама при Мембидже в мае 1124 г. привела к возобновлению усобицы в Малой Азии. Так как владения эмира в Сирии и Месопотамии были разделены между его родственниками Тимурташем и Сулейманом, в борьбе за Харберд последний столкнулся с пасынком Балака Тогрул Арсланом. Крепость осталась за Артукидом, тогда как Сельджукид захватил крепость Каркар на Евфрате, принадлежавшую ранее армянскому князю Михаилу, затем переданную им королю Иерусалима Бодуэну II (весна 1123 г.) и после пленения короля Балаком сданную ему. Смерть Сулеймана в конце 1124 г. привела к тому, что в Хандзите утвердился его дальний родственник эмир Хыси Кайфы Артукид Давуд. Воспользовавшись борьбой за наследие Балака, а затем Сулеймана, Амир Гази 3 июня 1124 г. начал осаду Мелитены. Но лишь через шесть месяцев, 10 декабря, город был сдан Данышменду, на стороне которого выступил против брата и султан Рума Масуд. Захватив Мелитену, в борьбе за наследие Сулеймана Амир Гази столкнулся с Артукидом Давудом, ус-

певшим захватить Хандзит. Разграбив его район, Данышменд был вынужден отступить. Успехи Амир Гази совпали с третьим этапом усобицы в Румском султанате, где против Масуда выступил его брат Араби. Султан бежал в Византию и, получив поддержку Иоанна II (Михаил Сирнец пишет о золоте [41, 223]), нанес поражение брату, в свою очередь бежавшему в Киликию к Торосу Рубениду. Летом 1127 г. он возобновил борьбу за престол, «объединив франков и армян». В ряде сражений Сельджукид разбил полководцев Данышменда [41, 224; 38, 312], но потерпел поражение в битве с самим Амир Гази, бежал в Византию, где и умер. Разгром Араби дал возможность Данышменду закрепить за собой Коману и Анкиру.

Внутриполитическая борьба в Руме и вовлеченность в нее эмирата Данышмендов надолго сняли угрозу с их стороны малоазийским феодам Византии. Поэтому занятый до лета 1124 г. войнами с печенегами на Балканах, а затем, в 1127—1129 г., с Венгрией, в духе традиционной для империи политики «борьбы с варварами руками самих же варваров» Иоанн II ограничился поддержкой Масуда, а затем Араби для того, чтобы продлить междоусобицу в султанате, парализовав тем самым возможные враждебные действия с его стороны.

Отношения Византии с государствами крестоносцев были «заморожены» после ее поражения в войне с Антиохийским княжеством за Равнинную Киликию. Византийские гарнизоны были изгнаны из Тарса, Аданы и Мамистры. По-видимому, империя удержала лишь Селевкию. К сожалению, источники хранят молчание относительно судеб Равнинной Киликии после 1108 г. Лишь Ибн аль Каланиси упоминает о захвате Танкредом Тарса в 1109 г. [52, 99]. Хартии князей Антиохии также свидетельствуют о том, что киликийские города, включая Курик, входили в состав княжества по меньшей мере до 1132 г.¹ Смерть Боэмунда в Апулии в 1111 г. повлекла за собой попытку Византии получить Антихию у Танкреда мирным путем на основании договора 1108 г.

«Танкред и после смерти Боэмунда упорно удерживал за собой Антихию, считал ее своим уделом и совершенно не допускал к участию в ее делах самодержца. Император видел, что варвары франки нарушили клятву в отношении этого города...» Явно преувеличивая

роль отца в организации крестового похода, Анна Комнина продолжает: «...он отправил вместе с ними многочисленное ромейское войско (отряд Татикия насчитывал не более 2 тысяч человек. — В. С.) против турок... чтобы они с нашей помощью одни исмаилитские города разрушили, другие, во исполнение договора, отдали ромейским императорам и таким образом расширили пределы Ромейского государства. Но Ромейская держава не получила никакой пользы от всех этих трудов, страданий и даров. Напротив, варвары цепко держались за Антиохию и отказывались передать нам другие крепости» [7, 376]. Все это вынудило Алексея I направить к Танкреду посольство с требованием возвращения Антиохии. Император «обвинил его в нарушении клятв», по-видимому, Константинопольского соглашения, так как Деволского регент не признавал. Танкред заявил, что «ни при каких обстоятельствах не отдаст Антиохию». Провал посольства заставил Алексея I вновь попытаться решить антиохийскую проблему военным путем, что было явно нереально. Именно поэтому члены синклита посоветовали ему «привлечь на свою сторону других графов, властвовавших над соседними с Антиохией городами, и самого Иерусалимского короля Бодуэна...выяснить их настроения и узнать, намереваются ли они помочь Алексею против Антиохии. Если окажется, что графы враждебны Танкреду, пусть Алексей отважится на войну, а в противном случае уладит антиохийские дела иным способом» [7, 376—377]. После этого на восток и было направлено посольство во главе с Мануилом Вутумитом, перед которым была поставлена задача склонить франкских владетелей к совместным действиям против Танкреда. На этот раз орудием византийской дипломатии было избрано золото. «Император приказал дать для подарков графам большие суммы денег в монетах различного вида, чеканки и достоинства». Единственным владетелем, с которым у империи сравнительно недавно были установлены сюзеренно-вассальные отношения, оставался наследник Сен Жилья Бертран. И хотя к этому времени его статус существенно изменился, он стал графом Триполи и вассалом короля Иерусалима, византийское посольство с Кипра направилось именно к нему. Послы должны были вручить графу личное послание василевса. «Не будь хуже отца своего, следуй его примеру и соблюдай верность мне, — писал

Алексей.— Знай, что я уже отправляюсь к Антиохии, дабы отомстить тем, кто не соблюл страшных клятв богу и мне. Ты же не оказывай никакой поддержки Танкреду и старайся заставить графов сохранить мне верность, чтобы они не приняли сторону Танкреда» [7, 377]. Таким образом, речь шла лишь об обеспечении нейтралитета франкских владетелей в преддверии схватки императора с регентом Антиохии. По словам Анны Комниной, Бертран «был готов принять смерть за императора», что представляется сомнительным. К сожалению, трудно определить, отражает ли данный рассказ реальное поведение графа и представление о его статусе византийской дипломатии, или же это — предельно субъективное представление самой Анны Комниной о характере отношений Алексея I и Бертрана в данный период. Второе представляется более вероятным, ибо трудно предположить, что о результатах триполийского арбитража не была информирована византийская администрация Кипра, передававшая полученные сведения в Константинополь. В то же время позицию графа Триполи в отношении регента Антиохии в данный период определяли не столько утратившие для него актуальность сюзеренно-вассальные отношения с Византией, сколько борьба за наследие Гийома Журдена, которое удерживал Танкред. В известной степени и в столице империи давали себе отчет в том, что абстрактные рассуждения о клятвах и соблюдении Константинопольского соглашения с владетелями государств, вопреки ему образовавшихся, малоэффективны, ибо франки вряд ли стали бы воевать за интересы Византии из чувства солидарности с ней, учитывая, что в 1109 г. их основные противоречия с регентом Антиохии были урегулированы. Поэтому Алексей I «повелел послам отправиться сначала без денег, выяснить настроения графов, передать им слова самодержца, пообещать денежные дары, потребовать клятву и лишь затем, если графы выразят желание покориться его воле, вручить им деньги» [7, 377]. Деньги были оставлены на Кипре, после чего послы появились в Триполи. После согласия Бертрана «явиться на поклон к императору, когда тот прибудет в окрестности Антиохии». Вутумит оставил причитающуюся ему сумму у епископа города и направился к осаждающему Тир Бодуэну I. Здесь византийское посольство пробыло сорок дней, до середины апреля 1112 г. Безуспешность осады вынудила короля

возвратиться в Иерусалим. С Вутумитом он вступил в переговоры в Акре, где посол пытался уговорить короля поддержать готовившийся поход императора против Танкреда, сообщив Бодуэну, что Алексей I уже начал движение в направлении Антиохии и вышел на границу Киликии в Селевкии. Но, по сообщениям латинских паломников, Бодуэн I уже знал, что император остановился на византийско-румской границе в Малой Азии и еще не выступал в поход на Антиохию. Поэтому король отказался участвовать в византийских прожектах, хотя и претендовал на посольское золото. Как следствие, будучи продолжены в Иерусалиме, переговоры были столь же безуспешны. Уклонился от участия в каких-либо действиях против регента Антиохии и находившийся в это время в столице королевства граф Тель Башира Жослен де Куртенэ. В довершение бед по возвращении в Триполи послы узнали о смерти Бертрана (ок. января 1112 г.). Приближенные графа отказались возвратить дары, ранее полученные за согласие участвовать в борьбе против Танкреда. Поэтому Вутумиту пришлось оставить их сыну и преемнику Бертрана Понсу, довольствовавшимся принесением им «клятвы в нерушимой верности императору», вскоре нарушенной. Когда посольство через Кипр возвращалось в Константинополь, регентом графства Триполи по соглашению с местными баронами стал Танкред, передавший юному графу в феодалское наследие Гийома Журдена — Тортосу, Шастель Бланш (Софиту), Крак де Шевалье и Мараклею — Маркаб. Тем самым были ликвидированы причины триполийско-антиохийской вражды, вынуждавшей Бертрана ранее апеллировать к Византии и позже — к королю Иерусалима и дававшие им повод для давления на Антиохийское княжество. Более того, после смерти Танкреда в декабре 1112 г. при посредничестве Бодуэна I Понс вступил в брак с вдовой Танкреда Цицилией Французской, присоединив к графству ее вдовью часть — Шастель Руж (Ругию) и Арсекан [31, 483; 258, 41; 17, 701]. К тому же этот брак способствовал установлению родственных отношений графа с антиохийским домом, так как на сестре Цицилии Констанции был женат Боэмунд Тарентский, сын которого в будущем стал князем Антиохии. Наконец, существовала еще одна причина внешнеполитического плана, вынуждавшая государства крестоносцев на время забывать о своих внутренних рас-

прях,— угроза со стороны атабеков Мосула, постоянно возрастающая на протяжении 20—40-х годов XII в.

Неудача посольства Вутумита и вовлеченность Алексея I и его преемника Иоанна II в борьбу с Румским султанатом в Малой Азии, с Венгрией и печенегами на Балканах надолго приостановили развитие отношений империи с государствами крестоносцев, как, впрочем, и реализацию ее планов возвращения ближневосточных территорий. Лишь в 1119 г. была сделана неудачная попытка посредством брачной дипломатии подчинить Антиохийское княжество, позже неоднократно повторявшаяся вплоть до 1160 г. В то же время эволюция международных отношений на Ближнем Востоке на протяжении 10—30-х годов XII в. вновь создала внешнеполитические предпосылки для вмешательства Византии в борьбу за утраченные после 1071 г. территории — киликийского похода Иоанна II (1136).

К концу 10-х годов XII в. завершается поворот в отношениях государств крестоносцев с армянскими княжествами Приевфратья. Начало ему было положено в 1111 г., когда Танкред вступил в борьбу с Василием Гохом и отвоевал у него г. Рабан. Возможно, причиной конфликта явился захват Гохом района Хисн Мансур, по-видимому, принадлежавшего графству Марашскому, вассалу Антиохийского княжества [106, 38]. Военные действия завершились смертью Гоха (октябрь) и самого Танкреда (12 декабря).

В 1110, 1112 и 1113 гг. государства крестоносцев сталкиваются с мосульским атабекством, и начиная с этого времени походы атабеков против Эдесского графства и Антиохийского княжества становятся все более разрушительными. Первый поход атабека Маудуда [см. 180, 18—27] и осада им Эдессы привели к объединению вооруженных сил франкских владетелей и армянских княжеств Приевфратья. Это вынудило Маудуда отвести войска к Харрану. Союзники начали осаду крепости Шенав на территории противника, когда вследствие конфликта между Бодуэном Буржским и Танкредом последний внезапно отвел свою армию к Самосате. Это послужило сигналом для отхода остальных, вскоре превратившегося в паническое бегство за Евфрат. Разграбив район Эдессы, атабек ушел. В 1112 г. Маудуд вновь появился у стен Эдессы, что вынудило франков собрать войска у Шейзара. Не добившись успеха, ата-

бек снял осаду города. Третий поход Маудуда был направлен против Иерусалимского королевства. В сражении при Тивериаде атабек был близок к успеху, когда появление на поле боя войск регента Антиохии и графа Триполи изменили соотношение сил в пользу короля. Маудуд отвел войска к Дамаску, где был убит исмаилитами [180, 27]. К этому времени резко осложнилось внутривосточное положение в Алеппо, где после смерти Ридвана ибн Тутуша в декабре 1113 г. началась борьба за власть, завершившаяся тем, что уже в декабре 1114 г. наследник Ридвана Алп Арслан был свергнут атабеком Бадр ад дином Лулу, посадившим на престол его брата Султан-шаха (1114—1117) и сохранившим всю полноту власти в своих руках. В Дамаске это произошло раньше, когда после смерти Дукака в 1104 г. власть при его малолетнем сыне приобрел атабек Туг Тегин, в дальнейшем основавший собственную династию, правившую Дамаском до 1154 г. Конфронтация с Ридваном и Бодуэном I вынуждала Туг Тегина искать поддержки в Мосуле, хотя и он не был заинтересован в укреплении позиций атабека в Сирии.

Уже в 1114 г. преемник Маудуд Бурсуку совершил свой первый поход против графства Эдесского. Тридцатидневная осада города вновь была безуспешна. Атабек разграбил территорию графства и был вынужден уйти; так как в тылу его армии, в Диар Бакре, активизировались его противники Артукиды. Второй поход Бурсуку, уже в Сирию, привел к созданию широкой коалиции франкских и мусульманских владетелей, равно опасавшихся за судьбу своих государств. Бодуэн I, Понс, преемник Танкреда Рожер стянули войска к Шейзару, прикрывая дорогу на Палестину. Здесь к ним присоединились контингенты Туг Тегина, Бадр ад дина Лулу и прибывшего из Диар Бакра Иль Гази ибн Артука. Простояв друг против друга четыре месяца, войска противников разошлись. Атабек скрытно отвел армию по дороге на Алеппо, но на границе Антиохийского княжества при аль-Даните 14 сентября 1115 г. понес ощутимые потери в столкновении с войсками графа Эдессы.

Провал похода Бурсуку решил судьбу армянских княжеств Приевфратья. Появление здесь войск атабека и отход войск крестоносцев к Шейзару оставили армянские княжества предоставленными собственной участи. Именно поэтому преемник Гоха Васил Тга был вынуж-

ден признать сюзеренитет Бурсуку, дабы обезопасить свои владения от угрозы с его стороны². Единственной причиной этого было то, что князь не мог противостоять атабеку, брошенный на произвол судьбы своими франкскими союзниками. Тем не менее после ухода атабека действия Васи́ла были квалифицированы как измена «общехристианскому делу», что и стало поводом для возобновления попыток, на этот раз со стороны графа Эдессы, аннексировать не только владения Васи́ла Тга, но и остальные армянские княжества, отношения к данному конфликту не имевшие. Военные действия Бодуэна Буржского против столицы княжества Тга Кесуна были безуспешны. По-видимому, после этого во время поездки Васи́ла в Киликию к Левону Рубениду, тогда владельцу удела в рамках княжества, он был схвачен братом Левона Торосом I и выдан графу Эдессы [42, 337]. Под пытками Васи́л был вынужден приказать своим вассалам сдать Бодуэну Кесун, Рабан, Бехесни, Ромклай и Хисн Мансур и ушел с армией в Византию, где его потомки известны в период правления Мануила Комнина (1143—1180) как Кокковасилии³. После аннексии владений Тга граф осадил Пир. Князь Аплгариб был вынужден сдать крепость и уйти в Киликию к Торосу Рубениду. Пир был дан в фео́д родственнику графа Галерану. Наконец, был изгнан из своих владений в районе Гуриса брат Го́ха Баграт, некогда проводник Бодуэна Фландрского через Малую Азию. В начале 1098 г. он получил от графа сданную ему населением крепость Равендан [17, 350—351]. Став графом Эдессы при поддержке городской верхушки и князя Каркара Константина, Бодуэн к 1100 г., в период формирования собственно графства за счет соседних территорий, обвинил Баграта в контактах с сельджуками и пытками заставил его вернуть крепость [17, 351]. Контакты эти, если они и существовали, были оправданы, так как армянские владельцы Приевфра́тья со все возрастающей тревогой следили за тем, как приглашенные на помощь против сельджуков в качестве наемников пришельцы становятся хозяевами положения в регионе. Изгнанный из Равендана Баграт позже приобрел владения в районе Гуриса, из которых он был изгнан в 1116 г. Лишь Каркарское княжество, владелец которого Константин начал сотрудничать с Бодуэном Фландрским со времен эдесского заговора 1098 г., сохранило автономию как вассал граф-

ства Эдесского. Судьба же самого князя сложилась трагически. Он погиб во время землетрясения в 1114 г., будучи заключен в крепость Самосаты⁴. Власть в княжестве сохранил его сын Михаил.

Аннексия армянских княжеств Приевфратья по времени совпала с новой вспышкой междоусобной борьбы в Алеппо, где после убийства Лулу власть оспаривали различные временщики. Территорией эмирата стремились овладеть князь Антиохии Рожер, атабеки Мосула и Дамаска. К 1117 г. положение эмирата было таково, что «главы» Алеппо одновременно апеллировали и к владетелю Мардина Артукиду Иль Гази, и к атабеку Дамаска Туг Тегину. В 1118 г. Рожер Антиохийский с помощью Левона Рубенида совершил поход на северные районы эмирата и захватил Азаз [42, 324]. В этих условиях в июне 1119 г. население сдало Алеппо Иль Гази, ставшему очередным регентом при сыне Тутуша Султаншахе. 27 июня 1119 г. в решающем сражении при аль-Билате Артукид наголову разгромил армию Рожера, погибшего на поле боя [31, 524—526; 51 а, 617; 191, 2, 90]. Развивая успех, в союзе с Туг Тегинем Иль Гази захватил пограничные крепости княжества Атареб и Сердану. Внешнеполитический разгром Антиохийского княжества разрушил планы Византии относительно последнего, о наличии которых свидетельствовало присутствие в Антиохии имперского посольства, глава которого попал в плен к Артукиду при аль-Билате.

Смерть Алексея Комнина не прервала попыток империи поставить Антиохийское княжество под свой контроль. На этот раз Византия едва ли не впервые пыталась применить для достижения своей цели — возвращения Антиохии брачную дипломатию. Сведения о переговорах сохранил лишь сравнительно поздний источник — труд Ордерика Виталиса. Но достоверность их подтверждает Камал ад дин, сообщавший о присутствии византийского посольства в Антиохии в 1119 г. [51 а, 622].

В 1119 г. к Рожеру Антиохийскому было направлено посольство во главе с неким Равендиносом, предложившее князю выдать сестру за одного из родственников императора [27, 262]. Р. Груссе полагает, что Рожер «благосклонно принял этот проект, вероятно, потому, что, несмотря на свой титул князя Антиохии, он был не более чем байлем (регентом.—В. С.), который должен был однажды возвратить власть законному наследнику

Бозмунда I — юному Бозмунду II, пребывавшему тогда в Италии. Мало расположенный возвращать когда-либо трон, он, возможно, считал, что браком своей сестры с Комнином, союзом с Византийской империей он укрепит свою власть, оставив после себя как преемника своего византийского родственника» [191, 2, 90]. К сожалению, ход переговоров неизвестен. Посол сопровождал Рожера в его последний поход, завершившийся гибелью князя, был выкуплен из плена и продолжил переговоры со ставшим регентом княжества королем Иерусалима Бодуэном II (1118—1131), на сестре которого Цицилии был женат Рожер [237, 717—733]. Посол предложил королю выдать одну из четырех его дочерей замуж за одного из Комнинов, прибыл в Иерусалим, как полагает Р. Груссе, чтобы увидеть предполагаемую невесту, возможно, вторую дочь короля, будущую жену Бозмунда II Алису, после чего в начале 1120 г. через Кипр возвратился в Константинополь. Данная информация представляется достоверной, так как у Рожера действительно была сестра Мария, позже выданная замуж за графа Эдессы Жослена де Куртенэ. Так как ее приданым стал Азас, захваченный Рожером в 1118 г., то брак был заключен после этой даты, что не противоречит сведениям Виталиса. По данным же сирийского Анонима 1234 г., это произошло до 1122 г., которым он датирует бракосочетание, связывая его с последующим пленением графа Артукидом Балаком ибн Бахрамом [39, 90]. Таким образом, переговоры о браке Марии Салернской с одним из Комнинов действительно могли иметь место около 1119 г. Гибель Рожера, чей брак с сестрой Бодуэна II Цицилией был бездетен, и переход регентства к королю сделали продолжение переговоров о данном браке бесперспективным. Это и вынудило византийское посольство обратиться с брачными предложениями к Бодуэну II, начав переговоры с ним в Иерусалиме. Результаты их остались неизвестными. Но вероятнее всего предположить, что король не желал способствовать усилению византийского влияния в Антиохийском княжестве, предпочитая поставить последнее под свой контроль. Действительно, по соглашению с баронами Бодуэн II был признан регентом княжества до совершеннолетия сына и наследника Бозмунда Тарентского, родившегося около 1109/1110 г., Бозмунда II. По прибытии князя на восток он получал Антиохию из рук короля и должен был вступить в брак

с одной из его дочерей [237, 731]. А так как наследником княжества был признан Боэмунд II, а не Мария Салернская, то она была спешно выдана замуж за графа Эдессы, тогда как женой Боэмунда II в 1127 г. стала дочь Бодуэна II Алиса. Политически эта комбинация была много выгоднее византийского брака, так как надолго ставила Антиохийское княжество под прямой контроль короля Иерусалима, усиливая его позиции в качестве верховного сюзерена всех государств крестоносцев. К этому времени после смерти бездетного Бодуэна I (1118) и прихода к власти в качестве его приемника графа Эдессы Бодуэна Буржского его сюзеренитет признали все государства крестоносцев.

Еще в 1113 г. вследствие распри с Бодуэном Буржским был изгнан из Тель Башира и ушел в Иерусалим к Бодуэну I Жослен де Куртенэ, получивший от короля в феоде бывшие владения Танкреда Тивериаду и Хайфу и ставший таким образом одним из наиболее влиятельных баронов королевства. Поэтому, когда после смерти Бодуэна I началась борьба баронских группировок за выдвижение своих кандидатов на вакантный престол, родственник умершего Бодуэн Буржский, казалось бы, вряд ли мог надеяться на поддержку бывшего вассала, в свою очередь, также бывшего родственником короля. Тем не менее Жослен I сыграл решающую роль в том, что бароны Иерусалима предпочли именно графа Эдессы. Став королем, весной 1119 г. Бодуэн II передал Жослену де Куртенэ в феоде графство Эдесское, выдав за него замуж Марию Салернскую. Еще в 1108 г. признало сюзеренитет короля графство Триполи, а с 1119 по 1126 г. он был регентом Антиохийского княжества [35, 1, № 1]. Все это и явилось причиной того, что король отверг проект византийского брака, который должен был решить судьбу княжества в пользу империи.

Придя к власти, Бодуэн II тотчас же столкнулся со значительными внешнеполитическими трудностями и в первую очередь с фактом перехода Алеппо под власть Артукида Иль Гази, создавшим угрозу самому существованию Антиохийского княжества. В августе 1119 г. при аль-Даните король нанес поражение армии Артукида и вынудил его отступить. Вмешательство Иль Гази в грузинскую авантюру своего сюзерена Сельджукида Ирака султана Махмуда и разгром войск мусульманской коалиции Давидом Строителем при Тбилиси (1121)

несколько ослабили активность Артукида в Сирии. К тому же в 1121 г. атабеком Мосула, получившим инвестиру на Джазират ибн Омар и Синджар, стал его старый противник Ак Сонкор аль Бурсуки, что создало непосредственную угрозу владениям Иль Гази в Диар Бакре, где в 1118 г. Артукид захватил Майяфарикин.

Мятеж в Алеппо сына Иль Гази Шамс ад даула Сулеймана продемонстрировал непрочность позиций эмира в Сирии. Воспользовавшись мятежом, Бодуэн II осадил пограничный Атарев, ранее принадлежавший Антиохийскому княжеству. Оказавшись не в состоянии воевать на два фронта и не сумев договориться с королем, Сулейман 13 сентября 1121 г. сдал Алеппо отцу и был заменен в качестве наместника двоюродным братом Бадрад дин Сулейманом.

Летом 1122 г. «из Рума, где он владел несколькими крепостями около Мелитены», в Сирию прибыл Артукид Балак ибн Бахрам, племянник Иль Гази и владелец округа Хандзит с крепостью Харберд на правом берегу Евфрата. Уже к концу июня в союзе с Иль Гази он осадил Сердану, что вынудило Бодуэна II возобновить осаду Атарева. Но до столкновения дело не дошло. Однако во время возвращения Балака в Хандзит через территорию графства Эдесского около Серуджа он подвергся нападению со стороны Жослена де Куртенэ и графа Пира Галерана. Нападавшие потерпели поражение и попали в плен (сентябрь 1122 г.).

Смерть Иль Гази в Алеппо в конце ноября того же года еще более усилила позиции Балака в Сирии и Диар Бакре, так как по завещанию эмир «оставил свое государство сыну своей сестры эмиру Балаку, как и заботу о своем доме и своих детях» [42, 352]. В ходе раздела владений Иль Гази его старший сын Тимурташ захватил Мардин, младший, Сулейман, Майяфарикин, его двоюродный брат удержал Алеппо при признании сюзеренитета Балака. Весной 1123 г. последний начал военные действия против Каркара, князь которого Михаил в отсутствие эмира грабил его владения в Хандзите⁵. Локальный конфликт тянулся с зимы 1121 г., а так как Михаил был вассалом графа Эдессы, то в нем принял косвенное участие и Жослен де Куртенэ, а после его пленения Бодуэн II, ставший регентом графства. Король был призван на помощь князем Михаилом, обещавшим сдать ему Каркар, ввел в крепость гарнизон, но на об-

ратном пути попал в засаду и был пленен Балаком между Самосатой и Кесуном 23 апреля 1123 г. [23, 658—659; 39, 91—92; 38, 251; 42, 304, 308]. По приказу Бодуэна II его гарнизоны сдали Артукиду Хисн Мансур и Каркар, после чего король был заключен в Харберд.

С этого момента в течение года вплоть до своей гибели Балак стал вершителем судеб Сирии. В мае 1123 г. он захватил Харран и осадил Алеппо, сданный ему 26 июня. 7 августа он вторгся на территорию Антиохийского княжества, захватил эль-Бару и осадил Кафртаб. Казалось бы, не имея соперников и пленив противников, Артукид способен объединить под своей властью Сирию, Диар Бакр и часть Малой Азии: его пасынок Тогрул Арслан был султаном Мелитены, двоюродные братья признавали сюзеренитет Балака, Алеппо был захвачен, франкские владетели находились в плену, атабек Дамаска соблюдал нейтралитет. Но во время осады Кафртаба Артукиду принесли известие, разрушившее его планы в Сирии: с помощью армянских добровольцев пленные владетели захватили Харберд и обрели свободу 7 августа [31, 538—540; 38, 303; 41, 211; 42, 308—309; 39, 92—93]. Бодуэн II остался в крепости, а Жослен отправился за помощью в Антиохию, рассчитывая опередить Балака и удержать Харберд. Но этого не произошло. Сняв осаду Кафртаба, Артукид быстрым маршем повел армию к Харберду. 16 сентября осажденная крепость сдалась. Король и остальные пленники были переведены в Харран, затем в Алеппо.

Сообщения позднейших хронистов [27, 257] о том, что Жослен обратился за помощью к Византии, недостоверны, учитывая, что в июне 1123 г. Иоанн II воевал в Венгрии и был слишком далеко от восточных границ империи. В феврале 1124 г. Балак узаконил свою власть в Алеппо, женившись на одной из многочисленных дочерей Ридвана. В мае он направил Тимурташа с армией к Мембиджу, а затем сам появился у стен осажденного города. Владетель Мембиджа призвал на помощь Жослена, обещая сдать ему город. Но 5 мая граф был наголову разбит при Мембидже и бежал в Тель Башир. Казалось бы, судьба города была решена, но 6 мая Балак был убит стрелой, пущенной со стены Мембиджа, что тотчас же привело к прекращению военных действий и отводу армий Артукидов, начавших борьбу за раздел наследия эмира. Тимурташ захватил Алеппо и находив-

шихся в его цитадели пленников, Сулейман — Харберд, Тогрул Арслан — Каркар, поссорившись из-за него с Сулейманом.

Смерть Балака существенно изменила расстановку сил в регионе, так как владевшие Диар Бакром Артукиды были менее заинтересованы в борьбе за Сирию с далекими от них государствами крестоносцев, видя угрозу не в них, а в соседях — атабеках Мосула и Мазьядидах Хиллы. Это и привело к тому, что при посредничестве эмира Шейзара Мункидита Абу Асакар Султана Тимурташ начал переговоры о выкупе Бодуэна II. 22 августа король получил свободу, согласившись уплатить 80 тысяч динаров, сдать пограничные Атарерб, Сердану, Аль Джизр, Кафртаб и Аزاز, оказать эмиру военную помощь в борьбе с Мазьядидами Хиллы, гарантировав выполнение этих обязательств выдачей заложников — своей дочери Иветты, сына Жослена де Куртенэ и пятнадцати других знатных лиц [31, 576; 49, 353]. Освобожденный от выполнения клятвы патриархом Антиохии, король отказался сдать крепости, вступил в союз с Мазьядидом Дубайсом, бывшим правителем Алеппо Сулейманом, султаном Мелитены Тогрул Арсланом, эмирами Мембиджа и Балеса.

В январе 1125 г. союзники осадили Алеппо. Занятый захватом владений умершего в конце 1124 г. брата Сулеймана, Тимурташ отказал в помощи делегации жителей города. Тогда по просьбе посланцев к Алеппо с армией направился атабек Мосула Ак Сонкор. В марте он деблокировал город и ввел в его цитадель свой гарнизон, захватив находившихся там заложников Бодуэна II. Но осада Азаза 13 июня была безуспешна. В союзе с Туг Тегином атабек захватил Кафарду, но не смог взять Сердану. В мае 1125 г. Бодуэн II стянул к Азазу войска из Антиохии, Эдессы и Триполи. В сражении армия атабека потерпела поражение. Бурсуку был вынужден возвратить королю заложников и, заключив перемирие, возвратиться в Мосул. Уже 31 марта перемирие было нарушено графом Триполи Понсом, захватившим Рафанию и разграбившим район Хомса, что привело к новому появлению атабека в Сирии. Показательно, что по предложению графа Эдессы Жослена Ак Сонкор согласился не вести военных действий на границе своих владений с графством Эдесским, сохранив состояние войны на других фронтах. Забота графа о пере-

мирии именно в районе Азаза была связана с тем, что он владел городом — феодем Антиохийского княжества — как приданым своей второй жены Марии Салернской.

Последняя вспышка военных действий в Сирии началась осадой наместником атабека в Алеппо, Аtareба. Ак Сонкор в союзе с Туг Тегином после бесплодных переговоров с королем стал стягивать войска к аль-Даниту, тогда как франкские контингенты расположились около Мааррат Мисрина. До военных действий дело опять не дошло. Осенью 1126 г. противники разошлись. Оставив в Алеппо сына Изз ад дин Масуда, атабек возвратился в Мосул, где 26 ноября был убит исмаилитами. Гибель Ак Сонкора, а затем смерть при осаде Рахбы его сына в июле 1127 г. вновь предоставили Алеппо собственной участи. После ряда усобиц к власти в городе пришел его бывший наместник Артукид Бадр ад даула Сулейман [см. 176, 334—336].

Между тем в середине октября 1126 г. в порту Сен Симеон, морской гавани Антиохии, высадился прибывший из Апулии наследник Боэмунда Тарентского Боэмунд II. Как регент княжества Бодуэн II возвратил ему «Антиохию и всю Киликию» [42, 366; 237, 731—732]. В конце сентября 1127 г. Боэмунд вступил в брак с младшей дочерью короля Алисой [31, 588—589; 23, 485]. Повидимому, тогда же Бодуэн II передал князю свои сюзеренные права на графства Эдесское и Триполи [42, 366; 31, 589; 243, 80—83]. Это и послужило причиной последующей многолетней распри между графами Эдессы и князьями Антиохии, начало которой положил отказ Жослена I признать сюзеренитет Боэмунда II. Как родственник короля, связанный родством и с Рожером Антиохийским, по мнению Р. Груссе, после смерти Бодуэна II Жослен мог претендовать на корону Иерусалима [191, 2, 651]. Но уже в конце 1127 — начале 1128 г. велись переговоры о браке старшей дочери Бодуэна II Мелисенды с одним из крупнейших феодалов Франции Фулько, графом Анжу [31, 593—594; 238, 98—99; 239, 139—147]. До 2 июня 1129 г. брак был заключен.

Как бы то ни было, уже в конце 1127 г. Жослен I начал военные действия против Антиохийского княжества, в союзе с сельджуками разграбив его территорию [31, 590; 41, 224]. Союз графа с «неверными» вынудил вмешаться в усобицу Бодуэна II. И неизвестно, чем бы она

закончилась, если бы не болезнь графа, вынудившая его прекратить военные действия и дать обещание королю в том, что в случае выздоровления он принесет оммаж князю Антиохии как своему сюзерену. Перемирие было освящено патриархом Антиохии Бернардом.

Одной из причин вмешательства короля в распрю явилась растущая внешнеполитическая активность нового атабека Мосула Имад ад дина Зенги, сына бывшего наместника Мелик-шаха в Алеппо Ак Сонкора. Успехам атабека в Сирии способствовали как смерть Туг Тегина в Дамаске в феврале 1128 г., так и новая вспышка усобиц в Алеппо, где к власти пришел Сельджукид Ибрахим ибн Ридван (11 октября 1127 г.). В это время Боэмунд II смог возвратить Кафртаб, но уже 18 июля 1128 г. Алеппо был сдан Зенги и вошел в состав его владений. Ибрахим бежал в Нисибин к Тимурташу.

Захват Алеппо был этапным в экспансии атабеков Мосула в Сирии, так как создавал удобный плацдарм у границ государств крестоносцев и атабекства Буридов Дамаска. Опираясь на город, уже в июне 1129 г. Зенги захватил Мембидж и Биза, в сентябре Хаму и осадил принадлежавший Буридам Хомс. Тогда же он предложил атабеку Дамаска Тадж аль мулюку союз против «неверных» франков. Но так как Бурид опасался своего новоявленного союзника больше, чем крестоносцев, Зенги взял в качестве заложника его сына Савинджа и заключил его в цитадель Алеппо [52, 200]. С этого времени атабеки Мосула начинают целенаправленную политику превращения Дамаска в вассальное государство, а затем — в часть собственных владений, что и произошло в 1154 г. Однако в тылу Зенги оставались Артукиды Диар Бакра, не без оснований опасавшиеся, что укрепление позиций атабека в Сирии неминуемо приведет к активизации его попыток поставить под свой прямой контроль и территорию Диар Бакра, лежавшую между владениями Зенги в Сирии и Джазире. И действительно, враждебные действия Артукидов в дальнейшем неоднократно вынуждали его заключать перемирие и прерывать военные действия в Сирии, дабы продолжить их в Диар Бакре. Уже в 1129 г. в разгар успехов Зенги в Сирии угроза со стороны Артукидов вынудила его пойти на перемирие с Бодуэном II, чтобы развязать себе руки в Диар Бакре. В 1130 г. атабек начал военные действия против Артукидов и захватил Нисибин, что привело к

формированию коалиции враждебных ему владетелей — Тимурташа, эмира Хыси Кайфы Давуда и владетеля Амиды. Пока в Диар Бакре разворачивались военные действия, в Киликии произошло событие, само по себе незначительное, но сыгравшее роль в последующем изменении расстановки сил на Ближнем Востоке — как между государствами крестоносцев, так и между ними и сельджуками эмиратами региона.

После 1108 г., когда Танкред отвоевал у Византии Равнинную Киликию и Лаодикею, они входили в состав Антиохийского княжества и в 1126 г. были переданы Бодуэном II наследнику Боэмунда Тарентского Боэмунду II. В горной части Киликии после смерти Константина Рубенида образовались уделы его сыновей Тороса и Левона, номинально вассалов Византии [123, 36—42], а после утраты ею Равнинной Киликии — союзников крестоносцев. Известно, что Торос в 1116 г. выдал графу Эдессы Василя Тга, а Левон в 1118 г. участвовал во взятии Азаза как союзник Рожера Антиохийского. В данный период княжество не играло сколь-нибудь существенной роли в международных отношениях [ср. 57, 5—13]. После смерти Тороса в 1129 г. и убийства в Аназарбе его сына Константина Левон объединил оба удела под своей властью⁶. Усобицей в Киликии пытались воспользоваться эмир Севастии Амир Гази и князь Антиохии Боэмунд II. Эмир бросил против Левона кавалерию, тогда как князь сам появился на границе княжества Рубенидов в районе его столицы Аназарбы, примыкавшем к антиохийским владениям в Равнинной Киликии. Здесь отряд Боэмунда столкнулся с конницей Данышменда и был разбит. Сам князь погиб на поле боя. Его вдова Алиса, дочь Бодуэна II, должна была получить баллию — регентство в княжестве в период несовершеннолетия своей дочери Констанции. Против этого выступили антиохийские бароны, предпочитавшие правление кого-либо из соседних владетелей, не связанных с княжеством и поэтому менее обременительных. Они отказались признать права княгини, что явилось причиной пятилетней смуты, ослабившей Антиохийское княжество. По-видимому, оправдывая вмешательство в борьбу на стороне баронов отца княгини Бодуэна II, латинские хронисты обвиняют ее в том, что она обратилась за помощью к Зенги [31, 599—601]. Вмешательство короля приобрело таким образом характер благочестивой акции по умиротворению кня-

жества и защиты его от «неверных». Позднейшие исследователи приписывали княгине обращение и к Византии, хотя об этом не сообщает ни один из современных событиям источников⁷. Введя в Антиохию войска, король выслал дочь в пожалованную ей во вдовью часть с Жибелем Лаодикею, передав регентство графу Эдессы Жослену I [31, 602]. После смерти отца 31 августа 1131 г. и Жослена в конце того же года при поддержке графов Эдессы и Триполи Алиса вновь попыталась вернуть себе власть в княжестве. Союзник графини граф Триполи Понс безуспешно пытался не пропустить войска нового короля Фулько Анжу (коронован 14 сентября) через территорию графства, но потерпел поражение при Ругии. Король вступил в Антиохию. Алиса вновь была выслана в Лаодикею. Бальи княжества стал ставленник баронов коннетабль Рено Монсуэр [31, 614]. По-видимому, именно в это время появляются предпосылки для последующего вмешательства Византии в судьбы антиохийского престолонаследия. Иоанн Киннам пишет, что после гибели Боэмунда II «начальники той страны через посланных говорили василевсу, что если угодно будет ему дочь Боэмунда взять замуж за царского сына Мануила, власть над Антиохией будет принадлежать ему» [4, 15]. Ф. Шаландон полагал, что инициатива исходила от княгини Алисы в противовес проекту «латинского» брака, который выдвигал король Иерусалима, подыскивая для Констанции жениха на западе⁸. Возможно, поддерживавшая Алису группировка баронов действительно выдвигала проект «греческого брака», стремясь опереться на поддержку империи в борьбе за власть в княжестве. Но произойти это могло не ранее 1135 г., когда стал актуальным «латинский вариант» и в Европу было направлено посольство, остановившееся на кандидатуре Раймунда де Пуатье, младшего сына герцога Аквитании Гийома, в свою очередь, бывшего двоюродным братом короля Иерусалима. Ускорить события Фулько вынуждала угрожающая обстановка на киликийской границе Антиохийского княжества, где Левон I Рубенид начал отвоевание Равнинной Киликии. Воспользовавшись усобицей в княжестве, он уже в 1132 г. захватил Тарс, Адану, Мамистру, в 1135 г. — Сарвантикар, что привело к вторжению в Киликию войск антиохийского вассала, графа Мараша. В это время династический кризис в Антиохийском княжестве вступил в третью, завершающую ста-

дию. В конце 1135 г. Раймунд де Пуатье прибыл на восток. Еще 2 августа 1135 г. Антиохия оставалась под контролем короля, так как этим временем датируется данная им в Антиохии хартия, в которой он назван «бальи всего Антиохийского княжества» [32, 39, № 157]. По-видимому, появление графа ускорило последнюю попытку княгини Алисы вернуться к власти. Она возвратилась в Антиохию, и ее сторонники не впустили Раймунда в город. Ему было предложено разделить власть с княгиней, вступив с ней в брак. Но появление Алисы в княжестве и перспектива возвращения ее к власти не входили в расчеты властолюбивого и энергичного патриарха Антиохии Рауля де Домфронта. Он тотчас же сумел договориться с Раймундом, убедил Алису в том, что граф вступит в брак с ней, и добился допуска Раймунда в Антиохию, где он сразу же был обвенчан с малолетней Констанцией, которой тогда было не более 7 лет. Последняя ставка Алисы оказалась битой. Около апреля 1136 г. она возвратилась в Лаодикею, чтобы окончательно исчезнуть с политической арены [31, 619; 146, 357].

Смуты в Антиохии в известной степени явились одной из причин появления в Сирии византийских войск, тогда как формальным поводом для этого послужило то, что Раймунд де Пуатье стал князем Антиохии без санкции императора как ставленник короля Иерусалима и вопреки Деволскому договору, по которому дед Констанции Боэмунд Тарентский признал себя вассалом василевса, а Антиохию — леном от него. Фактически же почву для вмешательства Византии в ближневосточные дела подготовило общее ухудшение внешнеполитического положения государств крестоносцев, связанное с активизацией действий Имад ад дина Зенги в Сирии, где он захватил принадлежавшие Антиохийскому княжеству Ата-реб, Сердану, Тель Арди, аль-Маарру. Весной 1136 г. наместник Зенги в Алеппо Савар совершил набег на территорию княжества, дойдя до границ Лаодикеи. Левон Рубенид продолжал отвоевание Равнинной Киликии. Лишь вмешательство графа Мараша Бодуэна изменило ситуацию. Левон попал в плен и был увезен в Антиохию. Он получил свободу лишь после того, как возвратил захваченные территории и уплатил выкуп. По-видимому, до пленения князь попытался отвоевать у Византии район Селевкии, что также стало одной из причин киликийского похода Иоанна II, знаменовавшего собой начало нового этапа ближневосточной политики Византии⁹.

**ВИЗАНТИЯ, РУМ И ЭМИРАТ
ДАНЫШМЕНДОВ В 30—50-е ГОДЫ
XII в. БОРЬБА ЗА ГЕГЕМОНИЮ
В МАЛОЙ АЗИИ**

Начало 30-х годов XII в. характеризуется известной стабилизацией обстановки в Малой Азии, вершителем судеб которой стал резко усилившийся эмират Данышмендов. Ослабленный длительной междоусобицей (1107—1127), Румский султанат играл роль младшего партнера эмирата и буфера между ним и Византией. Поэтому первая же попытка Иоанна II после завершения войны с Венгрией перейти к широким наступательным операциям в Малой Азии и нарушить сложившееся соотношение сил тотчас же привела к прямой конфронтации империи с эмиратом Данышмендов. По данным Михаила Сирийца, между 1130—1135 гг. Иоанн II совершил шесть походов против эмирата [41, 230, 232, 233, 234, 237]. Театром военных действий стали побережье Понта, по-видимому, частично утраченное империей в предшествующий период, и средиземноморское побережье Малой Азии. К началу 30-х годов Амир Гази Гюмюш Тегин Данышменд контролировал всю центральную (бассейн р. Галис) и восточную части полуострова от побережья Понта до Киликии и Приевфратья. В 1130 г. его конница была брошена на территорию Равнинной Киликии, принадлежавшей Антиохийскому княжеству, в попытке использовать междоусобную борьбу, начавшуюся в княжестве Рубенидов Горной Киликии после смерти Тороса I (1129), где после свержения его сына и наследника Константина к власти пришел брат князя Левон [47, 500]. В сражении неподалеку от столицы княжества Аназарбы конница Данышменда уничтожила отряд другого претендента на Горную Киликию — князя Антиохии Боэмунда II, погибшего в бою [41, 227; 31, 559; 49,

390; 38, 314]. И хотя в целом киликийский поход эмира не дал желаемых результатов, по-видимому, княжество Рубенидов на короткое время признало сюзеренитет эмирата Данышмендов.

После гибели князя Антиохии и начался первый поход Иоанна II к северо-западным границам эмирата. К сожалению, источники крайне противоречиво освещают кампании 1130—1135 гг. Поэтому они могут быть охарактеризованы лишь суммарно. Исследователи уже не раз отмечали, что византийские хронисты данного периода — Иоанн Киннам и Никита Хониат — «опустили ряд существенных событий военной истории этого времени» [81, 14]. Действительно, Продром перечисляет победы Иоанна, упоминая победу при Амории, о которой более ничего не известно¹. Ряд сведений о малоазийской политике императора после завершения войны с Венгрией и до взятия Кастамона (1129—1132?) сохранил Михаил Сириец. После сообщения о гибели Боэмунда II он пишет, что Иоанн «пошел разбить тюрок и построить город на побережье» [41, 230], но измена севастократора Исаака, бежавшего к Амир Гази, вынудила его возвратиться в Константинополь. Возможно, как полагал Ф. Шаландон, речь здесь идет о постройке стен Лопадия на р. Риндак, впоследствии ставшего базой всех малоазийских походов императора [160, 83]. Пишет об этом и Хониат [14, 26]. Воспользовавшись уходом Иоанна, Данышменд отправил Исаака в Трапезунд к мятежному Гавре, а сам захватил Цаманд и совершил поход в Киликию, принудив Левона Рубенида признать свой сюзеренитет и выплачивать дань [41, 230; 38, 315].

После сообщения о смерти графа Эдессы Жослена (конец 1131 г.) Михаил Сириец отмечает, что в «гневе на тюрок и армян» император совершил поход на побережье и захватил там две крепости [41, 232]. По-видимому, это вызвало ответные действия со стороны Амир Гази и его союзника султана Рума Масуда, совершивших поход на византийское пограничье и разграбивших район Созополя [41, 233]. Ф. Шаландон полагал, что Иоанн совершил поход на побережье Понта [160, 85], что согласуется с рассказом Киннама о походе императора на Кастамон против Данышменда. Византийская армия осадила город и в декабре 1132 г. захватила его, разграбив владения Амир Гази вплоть до р. Галис. Если верить Продрому, к сведениям которого следует от-

носиться предельно осторожно уже в силу их характера (панегирики), власть императора признали эмир Ама-сии Тогрул, эмир Гангр Алп Арслан, а также восемь эмиров, чьи владения не названы [13, 207]. Естественно, что говорить об установлении в этих районах прочного влияния империи не приходится, так как вскоре после отвода византийских войск Данышменд осадил в Кастамоне греческий гарнизон (конец 1133 г.). Иоанн II выступил на помощь городу, но был вынужден возвратиться назад при известии о смерти в Вифинии жены, Ирины Венгерской, которая провожала его к театру военных действий (13 августа 1134 г.) [4, 13; 41, 234; 12, 75]. Иоанн с сыновьями сопровождал ее тело до столицы. К этому времени «Танисман, напав на этот город (Кастамон.— В. С.) с большим войском, взял его силой и истребил мечом ромейский гарнизон» [14, 25]. Поэтому осенью 1134 г. император совершил второй поход на Кастамон, узнав под его стенами о смерти Данышменда (сентябрь — октябрь) и о том, что против его старшего сына и наследника Мухаммада выступили братья Якуб Арслан (Ягубасан — по византийским источникам) и Айн ад даула, поддержанные султаном Рума. При известии об этом Иоанн направил в Иконий — столицу султаната — посольство, предлагая султану союз против Мухаммада, а сам двинул армию к Ганграм. Соглашение было заключено осенью 1134 г. и зимой 1134/35 г. Масуд прислал в византийский лагерь под Гангры вспомогательные отряды сельджукской конницы. Начало осады города вынудило Мухаммада пойти на отдельные переговоры с Масудом. Именно с этого времени, лавируя между Данышмендами и сталкивая их между собой, султан Рума предпринимает первые попытки возвращения утраченных после 1107 г. территорий. Пока же бывшие противники решили «совместно действовать против ромеев», и по приказу султана сельджукские контингенты тайно покинули византийский лагерь под Ганграм. Попытка византийцев самостоятельно штурмовать город была безуспешна, и Иоанн отвел армию на зимовку в Лопадий. Тем не менее, решив использовать для захвата городов неблагоприятные для действий сельджукской конницы зимние месяцы, император вновь вернулся к театру военных действий и, осадив Кастамон, «взял этот город на условиях». После этого византийская армия двинулась к Ганграм и возобновила

осаду города. Население отказалось сдать его, «узнав о сборе своего войска», «но так как войско рассеялось из-за невозможности воевать зимой, они сдались ему на условиях, чтобы и они сами, и все, взятые в плен ромеями во время войны с Танисманом, были освобождены» [4, 14]. Оставив в Ганграх двухтысячный гарнизон, император вернулся в Константинополь. Мухаммад узнал о падении Кастамона и Гангр, находясь в Мелитене, вдали от театра военных действий. Тем не менее к 1142 г. Гангры были утрачены Византией.

Укрепление позиций империи на севере ее малоазийских границ позволило Иоанну совершить поход вдоль средиземноморского побережья полуострова. Однако Мухаммад использовал уход византийской армии в Киликию и затем в Сирию, для того чтобы укрепиться у границ Киликии. Если в 1137 г. Иоанн с трудом захватил княжество Рубенидов Горной Киликии, то уже в 1138 г. союзник Данышменда султан Рума совершил набег на территорию Равнинной Киликии и разграбил Адану [41, 245]. В 1139 г. сам Данышменд совершил поход на Горную Киликию, отвоевав у Византии округа Вахки и Капана [41, 248]. Ранее его отряды совершили набег вглубь византийской территории, пройдя с грабежами по долине р. Сангарий. В целом Данышменд использовал уход византийской армии в Сирию для восставления и даже укрепления своих позиций на юге Малой Азии, в районах, непосредственного граничавших с его владениями.

Лишь в январе 1139 г., завершив сирийский поход, Иоанн II начал подготовку экспедиции против эмирата Данышмендов. Собрав армию в Лопадий, он повел ее весной через Пафлагонию к Понту. Никита Хоннат пишет, что помимо защиты Армениака от набегов кочевников император «собирался захватить и Константина Гавру, который давно уже подчинил себе Трапезунд и управлял им в качестве тирана» [14, 43]. Возвращение Трапезунда дало бы императору плацдарм для наступления на восточные границы эмирата Данышмендов, до толе неуязвимые. Двигаясь вдоль черноморского побережья, лишь в декабре 1139 г. византийская армия достигла г. Кинт. Отсюда в непрерывных стычках с противником она двинулась к Неокесарии. Осада города началась в январе 1140 г. Если верить Михаилу Сирийцу, она продолжалась шесть месяцев и была безуспеш-

на [41, 249]. Лишь к январю 1141 г., завершив труднейший поход и так и не дойдя до Трапезунда, Иоанн II возвратился в Лопадий. Аррьергард византийской армии был наголову разгромлен Данышмендом [49, 438]. Результаты похода были ничтожны, ни в коей мере не оправдав ни времени, ни усилий, на него затраченных. В то же время показательно, что между 1130—1142 гг. Иоанн не ведет военных действий на границе с Румом, хотя султан и был союзником Данышменда. Возможно, это связано с тем, что, утратив большую часть своей территории вследствие усобицы 1107—1127 гг., Рум в данный период был буферным государством, территориально отделявшим Византию от эмирата Данышмендов.

Зиму 1142 г. Иоанн II провел в Лопадии. Лишь весной он вновь отправился в поход, намереваясь вернуть утраченный ранее Созополь. По-видимому, город был отвоеван, после чего через Атталию император повел армию к оз. Пусгусса (Каралис), население островов которого не признавало власти ни Рума, ни Византии. Местные «христиане имели отношения с иконийскими тюрками и посредством этого не только завели взаимную дружбу между собой, но и заимствовали у них весьма много обычаев. И находясь в тесной связи с ними как с соседями, они смотрели на ромеев как на врагов» [14, 48]. И так как население островов Пусгуссы отказалось добровольно признать власть императора, то он предложил ему «оставить озеро как древнее достояние ромеев и, если хотят, совсем переселиться к персам». Не получив согласия, Иоанн начал военные действия и захватил крепости на островах. Но, как и ранее, результаты похода были ничтожны. Создается впечатление, что к 40-м годам XII в. центральные районы Малой Азии были столь же основательно тюркизированы, сколь были армянизированы территории Киликии и Приевфратья. Ни население Гангр, ни жители района Пусгуссы не желали восстановления власти империи. Отвоєванные районы именно поэтому не удавалось удержать в составе Византии. Слабые имперские гарнизоны, окруженные если не враждебным, то чуждым грекам в этнокультурном отношении населением, оказывались в полной изоляции и сравнительно быстро либо погибали, либо оставляли завоеванные крепости. Лишь на Меандре Иоанну II удалось закрепить успехи отца, отвоевавшего у сельджуков ряд крепостей Фригии и Памфилии.

Около 1133 г. отвоеванная в 1097 г. Смирна, бывшая центром катепаната, была преобразована в дукат Фракийский за счет присоединения отвоеванных Иоанном территорий. До 1143 г. в районе Карии — Милета были созданы фемы Муласа и Меланудий. И позже, в правление преемника Иоанна Мануила Комнина, несмотря на постоянную угрозу со стороны Рума, здесь продолжался процесс возрождения византийской провинциальной администрации [см. 133, 128].

От Пусгуссы Иоанн II отвел армию на юг. «Прибыв в Исаврию и устроив как было нужно тамошние провинции, он отправился далее в Сирию» [14, 49]. 6 декабря 1141 г. умер Мелик Мухаммад Данышменд. И вновь против его сына и наследника Зун нун выступили дяди Якуб Арслан и Айн ад даула. Первый захватил столицу эмирата Севастию. Бежавший из нее в Цаманд Зун нун удержал Кесарию, но осада им Мелитены была безуспешна. В 1142 г. город призвал изгнанного ранее из эмирата Айн ад даула, искавшего поддержки в Эдессе и Хандзите. Таким образом, эмират распался на три удела, владельцы которых постоянно боролись друг с другом. Так, Айн ад даула заключил союз с Зун нуном и захватил принадлежавший Якуб Арслану район Джахан с Абластой. Усобицей не преминул воспользоваться султан Рума, разграбивший район Севастии и безуспешно осаждавший Мелитену 17 июля — 14 сентября 1142 г. Затем Масуд ежегодно (1143—1145) совершал походы на Мелитену, каждое лето подвергая грабежу ее окрестности, чтобы вынудить население сдать город. По-видимому, именно в это время он отнял у Данышмендов Анкиру и Гангры, утраченные Византией, и в дальнейшем передал их в удел младшему сыну Шаханшаху. В 1143 г. султан захватил район Джахан с Абластой. И тогда же он вмешался в борьбу за наследование Харберда, проявив традиционный для Сельджукидов Рума интерес к событиям на юго-западных границах Малой Азии. С помощью султана в крепости водворился Артукид Кара Арслан вопреки намерениям Зенги поставить здесь как своего вассала Давуда, другого сына эмира [41, 258].

Резкое усиление позиций Рума в Малой Азии в ущерб эмиратам Данышмендов, постоянное вмешательство Масуда в борьбу между наследниками Мелик Мухаммада привело к тому, что уже в 1143/44 г. Якуб Арслан первым апеллировал к Византии. Однако момент

для этого был выбран явно неудачно. В 1141—1142 гг. Иоанн II совершил свой второй сирийский поход, завершившийся явным провалом. Смерть императора после несчастного случая на охоте в Киликии 8 апреля 1143 г. и внутривластные проблемы, с которыми столкнулся, взошед на престол в обход старшего брата Исаака, Мануил Комнин (1143—1180), парализовали восточную политику империи по меньшей мере на три года. Это было время существенных изменений на политической карте Малой Азии, знаменовавших начало нового периода ослабления влияния империи в Киликии и на государства крестоносцев, с 1137 г. рассматриваемые в Константинополе как вассалы империи. В 1144 г. возрождается аннексированное Византией княжество Рубенидов Киликии [ср. 56, 13]. Объективно это было следствием распада эмирата Данышмендов, в состав которого с 1138 г. входила Горная Киликия. Но в то же время ряд ее районов оставался в составе империи, и в частности, район Аназарбы. Поэтому восстановление независимости княжества неминуемо сталкивало его с Византией. В то же время в 1144 г. атабек Мосула Имад ад дин Зенги после месячной осады захватил Эдессу, разрушив всю систему обороны государств крестоносцев в Месопотамии. Падение Эдессы в свою очередь предопределило и последующую гибель самого графства Эдесского, территория которого была поделена между Румским султанатом и атабекством Алеппо. Во второй половине 40-х годов XII в. в Малой Азии шел процесс дальнейшего усиления позиций Румского султаната в ущерб интересам как эмиратов Данышмендов, так и Византии.

Усиление Рума за счет Данышмендов существенно изменило соотношение сил между ним и Византией. Если ранее, в 30-е годы главным противником империи был эмират, то отныне и вплоть до Мириокефала Византия сталкивается со все более реальной опасностью объединения Малой Азии под властью Рума, что в конечном счете и произошло к 70-м годам XII в. В борьбе с султанатом империя могла действовать как прямо, путем вооруженной конфронтации с ним, так и косвенно, поддерживая всех его противников в Малой Азии и за ее пределами. В первый период правления Мануила Комнина до конца 50-х годов военные походы в пограничные районы Малой Азии, в стратегическом отношении не слишком успешные, сосуществовали с мощной дипло-

матической поддержкой, которую оказывала Византия Данышмендам. По мере ослабления последних империя все более делала ставку на военную силу. Но при явном росте экономических и военных ресурсов Рума по мере захвата им владений Данышмендов и крестоносцев очевиднее становилась неспособность Византии одержать решающую победу над ним вооруженным путем. Таким образом, распад эмирата Данышмендов сокращал поле деятельности византийской дипломатии, тогда как оставшийся для империи единственным путь вооруженной конфронтации становился все менее реалистичным и все более рискованным. Успех здесь был бы возможен, если бы параллельно с военными действиями в Малой Азии Византия не вела их в Италии, на Балканах, в Египте. Но для проведения политики столь универсалистского толка у Византии уже оставалось все меньше возможностей. Однако даже эвакуация Южной Италии, знаменовавшая собой провал попытки возвращения ее в лоно империи, не повлияла на дальнейшую политику Византии, становившуюся последовательно консервативной. Вплоть до 70-х годов XII в. для достижения своих целей на Ближнем Востоке Византия уповала на военную силу больше, чем на дипломатию. Проведение многолетней кропотливой работы, направленной на возвращение ближневосточных территорий, применение разнообразных дипломатических средств, укрепление имперского влияния в государствах крестоносцев, союзы с Данышмендами — все то, что не приносило мгновенных результатов, постепенно отходило на второй план перед стремлением Мануила решить годами накапливавшиеся проблемы одним военным походом, который мог якобы радикально и окончательно перекроить политическую карту Малой Азии в пользу империи. Нереалистичность этой политики не желали видеть в Константинополе.

Первый поход Мануила в Малую Азию Киннам датирует временем, следующим за его бракосочетанием с Бертой-Ириной Зульцбахской (6—12 января 1146 г.). Киннам пишет, что причиной похода было запустение крепостей, ограждавших Вифинию от набегов «персов» [4, 37]. По-видимому, запустение крепостей отражало положение на границе с Румом в целом, так как византийские гарнизоны, всецело зависевшие от поддержки из центра, были не в состоянии воспрепятствовать продолжению сельджукских набегов на византийское погра-

ничье. По приказу Мануила стены крепостей Вифинии были укреплены. Сам же он начал восстановление Мелангия, но вскоре спешно возвратился в столицу, получив известие о болезни сестры, кесарисы Марии. Не датируя событий, Хониат пишет, что «так как Масуд напал на восточные области и опустошал их, то Мануил выступил против него в поход и, достигнув Мелангия, отомстил тамошним персам» [14, 57]. Затем, сделав распоряжения о восстановлении крепости, возвратился в Константинополь. Ф. Шаландон датирует поход временем после коронации Мануила (20 августа — 1 сентября 1143 г.), учитывая, что в рассказе Хониата она предшествует походу, но не ранее лета, если не весны 1144 г., так как после этого следует рассказ о походе византийских войск против князя Антиохии Раймунда де Пуатье, датируемом концом 1144 — началом 1145 г. [160, 247—248]. Но Хониат явно конспективно излагает информацию, частично почерпнутую им из того же источника, который более полно использовал Киннам. Поэтому представляется более убедительной датировка первого похода императора, данная в труде Киннама: весна 1146 г.² Тем же годом датируется и второй поход Мануила против Рума. Иоанн Киннам сообщает, что, «нарушив мир и договор, персы опустошили город Пракану в Исаврии» [4, 40]. Сама по себе Пракана-Прака была небольшой крепостью, расположенной на границе Киликии. Но она входила в систему пограничных крепостей, ограждавших Равнинную Киликию и коммуникации, связывавшие ее с империей, и была расположена между Селевкийей и Ламосом. К тому же крепость, по видимому, после 1137/38 г. была отдана, если не принадлежала ранее, одному из армянских князей — противников Рубенидов, наряду с Ламброном, Папероном и Бардрзбердом являясь центром вассального княжества. Цепь этих крепостей, протянувшихся вдоль границы византийской фемы в направлении Селевкийи, отделяла ее от территории княжества Рубенидов.

Византийская армия была собрана в Лопадии. Сельджуки «домогались овладеть укреплениями Пифики и, вторгшись в область фракисийцев, опустошали все, что встречали на своем пути» [14, 68]. Поэтому Мануил «решил неожиданно напасть на неподготовленного неприятеля, чтобы истребить цвет его населения», т.е. разграбить пограничные районы Румского султаната.

Византийская армия перевалила через Мизийский Олимп (Кешиш Даг) и остановилась у развалин Пифики-Питеки, которая была отстроена по приказу императора. Киннам пишет, что Мануил «построил там сильную крепость» [4, 40]. Отдельные отряды византийской кавалерии совершили набеги на территорию султаната, после чего главные силы имперской армии двинулись в направлении Дорилея. Собрав войска во Фракисии, Масуд в качестве ответной меры также совершил набег на территорию империи, дойдя с грабежами до Кельвианы в районе Никеи. Император был вынужден спешно бросить навстречу сельджукам отряды, возглавляемые Федором Кондостефаном, но они опоздали. Сельджуки успели отойти. Известие об этом вынудило Мануила изменить маршрут и пойти прямо на Иконий — столицу султаната. По-видимому, к этому времени следует отнести обмен посольствами между императором и султаном. Посланцы Мануила передали Масуду длинный список претензий: захват Праканы, нападения на пограничные районы и набеги на владения союзника василевса Данышменда Якуб Арслана. Масуд отверг претензии императора. «Встретимся в Филомилии», т.е. на границе, заявил он, так как в крепости находились основные контингенты сельджукской армии. Навстречу грекам, начавшим продвижение к Филомилию, были посланы отряды сельджукской конницы, но при Акруне-Акроине они были разбиты. Узнав об этом, султан начал спешный отвод основных своих сил вглубь страны, что дало возможность императору подойти к оставленному сельджуками Филомилию. Крепость была сожжена. При известии об этом Масуд повернул армию назад, но при Гаите, между Филомилием и Иконием, столкнулся с византийской армией. В сражении при Гаите сельджукская конница понесла большие потери и отступила. Оставив в Иконии гарнизон, Масуд оттянул армию за столицу, расположив ее у гор, протянувшихся от Икония до Каваллы. Византийская армия пошла на Иконий. Окружив столицу султаната, Мануил не решился на штурм города, имея в тылу сельджукскую армию и не зная места ее расположения [14, 69; 4, 44]. Но, натолкнувшись на сельджукский авангард, Мануил предпринял его преследование, в ходе которого византийская армия внезапно столкнулась с резервом, оставленным султаном для поддержки гарнизона Икония. В ходе начавшегося

сражения, опасаясь подхода основных сил противника, Мануил приказал отступить из района столицы Рума в направлении оз. Каралис. Сельджукская конница организовала преследование византийской армии, получив поддержку со стороны кого-то из Данышмендов³. Союзники организовали засаду в ущелье Чивричилиmani (возможно, Демент Кыйи ок. Икония). В сражении здесь была перебита византийская пехота, но понесла большие потери и сельджукская конница, вынужденная отступить. Около озера императора догнали посланцы султана с предложением мира, так как ранее Мануил отпустил к Масуду пленного, передав через него, что весной он возобновит военные действия. Именно после этого Масуд и предложил начать переговоры о мире. Однако Мануил выжидал, так как, по словам Киннама, «знал о событиях, которые готовились на западе», т. е. ждал сообщений о начале второго крестового похода [4, 62]. Ф. Шаландон полагал, что данное сообщение ошибочно, так как решение о начале похода было принято на соборе в Везеле лишь 31 марта 1146 г. и Мануил вряд ли мог знать о нем [160, 256]. Решение о выступлении французов было принято еще позже, на совещании в замке Этамп 16 февраля 1147 г., и, соответственно, немцев на рейхстаге во Франкфурте 15 марта того же года. И тем не менее Одо Дейльский сообщает, что Людовик VII принял крест на Рождество в Бурже, т. е. в декабре 1145 г. 8 июня 1147 г. после церемонии в Сен Дени король собрал армию в Меце, 29 июня был в Вормсе, затем в июле в Ратисбоне (Регенсбург), где его встретили византийские послы [191, 2, 227]. Ф. Дельгер датировал обмен посланиями между Мануилом и Людовиком VII еще августом 1146 г. [169, № 1349]. Так что, возможно, император действительно знал о событиях, готовившихся на западе и именно поэтому мир с султаном не был заключен. Выведенное из разрушенного Филомилия население было поселено в отстроенной крепости Пиле, после чего к концу 1146 г. император возвратился в Константинополь. Уже в начале 1147 г., после низложения патриарха Козьмы, Мануил начал подготовку к новому походу против Рума и к осаде Икония. Базой вновь стал Лопадий. По-видимому, довольно скоро намерения императора стали известны султану, и в Лопадий было направлено сельджукское посольство с предложением мира. К этому времени

Мануил явно знал о времени выступления участников второго крестового похода (15 июня) и направил в Ратисбонн посольство для переговоров с Людовиком VII. Но результаты посольства не были ему известны, как, впрочем, и намерения крестоносцев. Поэтому Мануил согласился на мир с Масудом на условиях возвращения пленных, «всего недавно отнятого» и Праканы. Мир был необходим и султану, так как к этому времени резко обострилась обстановка на юго-восточной границе Рума, где войска султана, возглавляемые сыном и наследником Масуда Килич Арсланом, воевали на территории графства Марашского. Заключение мира с Византией дало султану возможность перебросить войска с северо-западной границы султаната на помощь сыну, вследствие чего Килич Арслан начал широкомасштабное наступление на территории графств Марашского и Эдесского и достиг здесь первых успехов.

Между тем 10 сентября 1147 г. на территории Византии появились первые отряды крестоносцев. Несмотря на наличие союза «двух империй»⁴, отношение Мануила к немцам, ведомым его родственником Конрадом III, было предельно настороженным. Ту же осторожность и предусмотрительность проявило византийское посольство во время переговоров с королем Франции. Показательно, что вновь была сделана попытка использовать военные силы крестоносцев с целью возвращения утраченных после 1071 г. территорий Ближнего Востока. Послы потребовали, чтобы «король не отнимал у императора ни одного города и замка в его государстве и сверх того возвратил бы все, ему принадлежавшие, откуда он изгонит турок» [22, 28]. Людовик VII подписал соглашение лишь после того, как послы заявили, что в противном случае Мануил прикажет разрушить и сжечь все на пути крестоносцев. Хониат пишет, что «василевс... всячески старался вредить им (крестоносцам.— В. С.) и другим приказывал причинять им всевозможное зло» [14, 85]. Параллельно Мануил «послал к Конраду аколуга, которому было велено войти с ним в рассуждение о союзе. Сражаться ромеям и аллеманам в союзе было бы очень выгодно. Это весьма помогло бы василевсу, а он еще более помог бы Конраду, если бы тот захотел воевать с персами вместе с василевсом» [4, 86—87]. Византийское посольство встретило германского императора еще на территории Венгрии. Его возгла-

вили Дмитрий Макремволит и изгнанный королем Сицилии Рожером II Александр Гравина, в дальнейшем один из наиболее известных византийских дипломатов, использовавшийся императором для контактов с Западом и государствами крестоносцев. Далее по ходу продвижения немцев по территории Балкан, в Нише, Конрада III встретил византийский дука Михаил Врана, в Софии — севаст Михаил Палеолог. В свою очередь немецкие послы были приняты в Константинополе императором. Конрад III отказался от совместных действий с Мануилом, предпочитая сохранить свободу рук на Ближнем Востоке. К тому же немцы шли через территории балканских фем Византии с грабежами, будучи неуправляемыми, тогда как французы поддерживали подозрительные контакты с Сицилийским норманнским королевством, которое в это время воевало с империей. По-видимому, поэтому после провала переговоров с Конрадом III Мануил направил послание Масуду с предложением напасть на крестоносцев при их переходе через Малую Азию [14, 85]. Опасения Мануила относительно намерений крестоносцев были вполне оправданы, так как в лагере французов у стен Константинополя речь уже шла о том, что захват города вполне возможен и желателен в союзе с Рожером Сицилийским. Советовавший королю напасть на Константинополь епископ Лангра аргументировал это тем, что ранее Мануил «притеснял» князя Антиохии Раймунда де Пуатье, родственника Людовика VII [22, 47]. Между тем пытавшееся действовать самостоятельно немецкое ополчение было разбито 26 октября 1147 г. при Дорилее войсками не самого султана, а контингентами одного из его эмиров, «сатрапа Мамплана». Остатки ополчения возвратились к Никее, где 2—3 ноября присоединились к французам. Так как отношения Мануила с Людовиком VII оставались достаточно сложными, император постарался как можно быстрее переправить французов в Малую Азию. Внешне отношения императора с королем оставались вполне лояльными. Киннам пишет, что Людовик VII был встречен Мануилом лучше, чем Конрад III, и, «дав клятву, что всю жизнь будет другом и союзником василевса», был отпущен [4, 90]. Французы и присоединившиеся к ним остатки немецкого ополчения двинулись через Малую Азию от Никей через Лопадий, Мизию, Адраматтий, затем через горы Ионии — Пергам, Смир-

ну, Эфес, Лаодикею Фригийскую к Атталии. При р. Меандр французы нанесли поражение стоявшей здесь сельджукской армии и разграбили ее лагерь. Позже, на пути к Атталии, сельджуки в свою очередь рассеяли аррьергард французов, чем и завершился переход крестоносцев через территорию Малой Азии. После разгрома четырнадцатитысячного немецкого ополчения, попытавшегося пройти через территорию Рума, Людовик VII вел свою армию по византийской территории, лишь у Лаодикеи выйдя на границу султаната. Как следствие, Византия не смогла использовать крестоносцев для ослабления противника. Более того, неудача самого похода и дальнейшее ослабление франкских государств были использованы самим Румом для захвата территории Месопотамии. После гибели графа Мараша Райнальда и князя Антиохии Раймунда де Пуатье в сражении с атабеком Алеппо Нур ад дином при Инабе Килич Арслан захватил Мараш (сентябрь 1149 г.). Пленение графа Эдессы Жослена II в мае 1150 г. отдало в руки Масуда все правобережье Евфрата с Кесуном, Рабаном, Бехесни. В это время султан заключил соглашение с атабеком Алеппо, направленное против государств крестоносцев и закрепившее приобретения Масуда в Месопотамии. При сохранении мира с Византией это дало возможность султану изолировать Данышмендов. В этих условиях попытка Византии удерживать под своим контролем купленные ею крепости графства Эдесского с его последней столицей Тель Баширом была безуспешна, так как оказалась изолированной акцией на фоне полного прекращения сколь-нибудь целенаправленной политики империи на Ближнем Востоке. В Киликии Торос II Рубенид начал отвоевание у Византии территории Равнинной Киликии с Аназарбой (1151 г.). В Антиохии без санкции империи к власти пришел Райнальд Шатильон (1153 г.). Не располагая собственными силами для восстановления своей власти в Киликии, Византия дважды склоняла султана Рума к нападению на княжество Рубенидов — в 1153 и 1154 гг. В данном случае имперская дипломатия использовала не только золото (Масуд получил значительные суммы), но и реальные противоречия, существовавшие между двумя государствами.

В марте 1152 г. в Мелитене умер Данышменд Айн ад даула. Султан тотчас же бросил войска против его

преемника Зул Карнайна, поспешившего заключить оборонительный союз с дядей Якуб Арсланом — эмиром Севастии. Но Масуд смог оторвать последнего от союза, выдав за него дочь. Оказавшись в изоляции, эмир Мелитены признал сюзеренитет султана. В это время, воспользовавшись усобицей, Торос II совершил грабительский набег на территорию Рума, уведя пленных. Это и явилось одной из причин походов Масуда в Киликию. И если после первого похода Торос II формально признал сюзеренитет Масуда, удержав в то же время отвоеванные у Византии территории, то второй поход султана был безуспешен. Осада Тил Хамдуна завершилась безрезультатно, а попытка полководца Якуба прорваться на территорию Антиохийского княжества была пресечена в ущельях Амана в районе Портеллы тамплиерами и братом Тороса Степане. Все это вынудило султана вывести свои войска из Киликии.

В 1149—1159 гг. Мануил Комнин вел войны на Балканах и в Италии. Весной 1148 г. в союзе с Венецией он отвоевал у норманнов о. Корфу. Лето — зиму 1149 г. император провел в Сербии, воюя с жупаном Десой. Поддерживая его стремление к независимости, Венгрия в то же время не оказала жупану помощи, так как король Геза II был втянут в борьбу за великокняжеский престол в Киеве, поддерживая своего родственника Изяслава в борьбе против Юрия Долгорукого. В 1150 г. Мануил возобновил борьбу с Сербией, принудив жупана признать свой сюзеренитет. В 1151 г. началась война с Венгрией, завершившаяся перемирием 1152 г. и возобновлявшаяся в 1152, 1153, 1154 гг. [см 142; 253, 347—353]. Мир был заключен лишь в 1155 г., после чего Мануил начал давно готовившийся поход с целью отвоевания Южной Италии у Сицилийского норманнского королевства [см. 63, 106—138; 129, 195—216]. Потребовавшая колоссальных затрат и военных усилий экспедиция завершилась полным провалом, предельно обострив отношения Византии с германским императором, папой и Венецией⁶. Летом 1158 г. Мануил был вынужден заключить мир с королем Сицилии Гийомом II, отказавшись от претензий на Южную Италию, но получив обязательство короля поддерживать императора против его врагов на западе, т. е. против преемника Конрада III Фридриха Барбароссы. Вмешательство Мануила в итальянские дела продолжалось и позже,

так и не дав сколь-нибудь существенных результатов.

Вовлеченность империи в борьбу за Южную Италию не дала ей возможности вмешаться в борьбу, разгоревшуюся в Малой Азии после смерти весной 1155 г. султана Рума Масуда, разделившего свои владения на два удела. Преемник султана Килич Арслан II начал военные действия против младшего брата Шаханшаха, получившего в удел Анкиру и Гангры. Последнего поддержал Якуб Арслан. Дальнейшие события отрывочно освещены источниками и могут быть охарактеризованы лишь суммарно. Так, известно, что в борьбе с Килич Арсланом Данышменд захватил принадлежавший султану Ликанд с Лариссой [44, 347; x38, 351]. Килич Арслан выступил против Якуб Арслана, но, опоздав, был вынужден заключить перемирие на условиях признания захвата Ликанда. Оно было нарушено Данышмендом, совершившим набег на район Джахан с Абластой и выведшим из него в свои владения 70 тысяч жителей. Султан вновь опоздал и вновь был вынужден пойти на перемирие с противником. По-видимому, в контексте данных событий следует рассматривать сражение при Ак Сарае, в котором султан потерпел поражение от Данышменда и которое Ибн аль Каланиси датирует шабаном 550 г. хиджры (октябрь 1156 г.). [52, 325]. Григор Ереци пишет, что одной из причин заключения второго перемирия Килич Арслана с Якуб Арсланом явились набеги на владения султана — районы Кесуна, Рабана и Бехесни Рубенида Степане, брата князя Торога II, датируя их летом 1157 г. [43, 181; 41, 312; 44, 349—350]. Если это так (а данные хрониста невозможно проверить), то первый этап усобицы в Малой Азии длился до осени 1157 г. По-видимому, военную инициативу султана до известной степени сковывала угроза со стороны атабека Алеппо Нур ад дина. После смерти Масуда в мае 1155 г. он заключил перемирие с королем Иерусалима и князем Антиохии и двинул войска к границам Рума. И хотя, по словам Ереци, атабек собирався «установить мир между наследниками Масуда» [43, 182], уже в октябре 1155 г. «он достиг земли Килич Арслана и захватил большое количество его замков и крепостей», среди которых названы Айнтаб, Тель Башир, Фарзман и Мараш [52, 324; 51 б, 524; 43, 182, 185; 49, 497]. Лишь эмиры — наместники Кесуна и Рабана отказались сдать их атабеку. Тогда же Килич Арслан

направил Нур ад дину послание, в котором упрекал его в нарушении союзных отношений, скрепленных родственными узами (сестра султана в 1149 г. была выдана замуж за атабека). Но не послание, а нарушение франками перемирия в Сирии вынудило атабека пойти на соглашение с султаном и спешно отвести войска. К лету 1157 г., по-видимому после второго перемирия с Якуб Арсланом, Килич Арслан появился у границ Киликии. До столкновения с Торосом II дело не дошло, так как князь тотчас же вернул султану пограничную крепость Бердус, ранее отвоеванную у него братом Тороса Степане [43, 181; 44, 349—350]. Затем Килич Арслан восстановил свой контроль над крепостями Приевфратья. Отсюда были направлены посольства в Иерусалим, Антиохию и Киликию с предложением заключить союз против «сына Зенги» [43, 180; 44, 349]. Переговоры шли еще во время болезни атабека в октябре 1157 г.

Летом того же года в Сирии разразилось катастрофическое землетрясение, разрушившее Шейзар, под руинами которого погибли все Мункидиты. В ходе последующих событий франкские владельцы безуспешно осаждали Шейзар, захваченный к тому времени Нур ад дином, призвав на помощь Тороса II. Таким образом, хотя переговоры султана с франками и Рубенидом и не увенчались успехом, объективно их военные действия в Сирии и усобица, связанная с болезнью атабека, на время обеспечили безопасность юго-восточных границ султаната, развязав Килич Арслану руки для борьбы с противниками на Западе. Первые враждебные действия против Византии султан предпринял еще в 1156 г., захватив весной этого года «подвластные ромеям города Пунуру и Сивиллу (между Лаодикеей на Меандре и Лорандой. — В. С.). Торос... отнял у ромеев весьма много городов в Киликии, а персидский филарх Ягубасан (Якуб Арслан) совершил набеги на два понтийских города — Иней и Павраю» [4, 192—193]. «В этих обстоятельствах, — пишет Киннам, — василевс посылает к султану Алексею Гифарда и упомянутые города возвращает. Ягубасана заставляет прекратить набеги на ромейские границы и пристать к себе» [4, 193]. Таким образом, поскольку византийские войска находились в Южной Италии и империя вновь не располагала в Малой Азии необходимой военной силой, было заключено соглашение с Данышмендом и дипломатическим путем

возвращены города, захваченные Сельджукидом. По той же причине против Тороса II, начавшего завоевание византийских владений в Киликии, ранее был использован князь Антиохии Райнальд Шатильон, которому были обещаны признание со стороны империи и денежные субсидии. Однако, достигнув своих целей и использовав поддержку Византии для ослабления Тороса, Райнальд довольно быстро заключил с ним союзный договор (лето 1154 г.). Более того, в 1156 г. союзники разграбили византийский о. Кипр. Все это явилось свидетельством ослабления позиций империи на Ближнем Востоке и потребовало вмешательства Мануила Комнина в малоазийские дела. Все проблемы своей ближневосточной политики император попытался решить во время похода 1158—1159 гг. Его результаты (отвоевание Равнинной Киликии, восстановление византийского сюзеренитета над княжествами Антиохийским и Рубенидов, установление его над Иерусалимским королевством, договор с Нур ад дином) породили в Константинополе иллюзию полного торжества имперской политики на Ближнем Востоке, учитывая, что Нур ад дин обещал Мануилу «помогать василевсу в войнах с азиатскими неприятелями» [4, 208]. Хотя этот союз никогда не был реализован, в дальнейшем он сыграл определенную роль в том, что Рум был вынужден учитывать угрозу, исходящую от атабека Алеппо при планировании своей малоазийской политики, что на некоторое время ослабило его натиск на границы Византии. Уже на обратном пути из Сирии, возвращаясь в Константинополь, Мануил повел армию по так называемому диагональному пути: Атталия — Лоранда — Филомилий — Примнес — Китион (Кютахья), разграбив территорию Рума. По данным Ереци, перемирие между императором и султаном было заключено при посредничестве Тороса II [43, 192].

Таким образом, к 1160 г. Византия лишь восстановила те из утраченных ею в 40—50-е годы позиций в Малой Азии, которые уже были завоеваны ею в 30-е годы после походов Иоанна II Комнина. В целом, несмотря на временные неудачи, 40—50-е годы характеризуются постепенным укреплением Рума, изменением соотношения сил в регионе в его пользу. Вовлеченность империи в борьбу за Южную Италию и Балканы при общей ограниченности ее экономических и военных ресурсов вела к тому, что она уже с трудом удерживала

ранее завоеванные позиции в Малой Азии. К концу 50-х годов претензии Византии на восстановление и даже расширение своего присутствия на Ближнем Востоке все более вступали в противоречие с реальностью — постепенным изменением сил здесь в пользу султана Рума и атабека Алеппо, в 1154 г. присоединившего к своим владениям Дамаск Буридов. И хотя это привело к тому, что, оказавшись окруженными со всех сторон владениями атабека, государства крестоносцев все более ориентировались на военную и дипломатическую помощь Византии, изменить реальную ситуацию в свою пользу на протяжении 50-х годов ей так и не удалось. Те внешнеполитические факторы, которые определяли заинтересованность государств крестоносцев в более тесных отношениях с империей (экспансия Нур ад дина и султана Рума, следствием которой явилась гибель графств Марашского и Эдесского и ослабление Антиохийского княжества, ухудшение внешнеполитического положения Иерусалимского королевства после захвата Нур ад дином Дамаска), были использованы Византией крайне односторонне, дабы навязать свой сюзеренитет данным государствам, используя внешнеполитический фактор как средство давления на них.

Весной 1137 г. граф Триполи Раймунд потерпел поражение от Имад ад дина Зенги около замка Барин (Монферран) и призвал на помощь короля Иерусалима Фулько Анжу. Но войска короля также были разбиты, и он был вынужден укрыться в замке, тотчас же осажденном атабеком. По призыву Фулько, собрав вассалов, к замку направились Раймунд де Пуатье, Жослен II и граф Мараша Бодуэн. В это время вторгшаяся весной 1136 г. на территорию Равнинной Киликии византийская армия была занята осадой столицы княжества Рубенидов Аназарбы¹. По-видимому, еще весной 1136 г., «видя, что они не могут противостоять ромейскому войску», антиохийцы освободили все еще находившегося в плену Левона Рубенида, «взяв с него клятву в том, что он будет их другом и союзником против василевса» [4, 15]. И хотя это утверждение Киннама противоречит его же сведениям о том, что поводом для начала похода императора явилось нападение Левона на византийскую Селевкию (напомним, что произойти это могло лишь после захвата им антиохийского Курика), несомненно, что одной из причин освобождения князя из плена в Антиохии была именно опасность со стороны Византии, равно угрожавшая обоим государствам.

Почти не встречая сопротивления, византийская армия оккупировала принадлежавшую Антиохийскому княжеству Равнинную Киликию с Тарсом, Мамистрой и Аданой, так как их владельцы — вассалы князя Антиохии — увели свои отряды к Монферрану [31, 642]. Параллельно в мае 1137 г. началась осада столицы княжества Рубенидов Аназарбы. После сдачи города (июль)

император повел армию в горы для осады Вахки — родового гнезда Рубенидов [43, 152—153]. Но «когда начали боявшиеся за Антиохию собираться в городе, ромейская армия, отложив осаду Вахки, встала лагерем на текущей через Антиохию реке» [4, 17]. По-видимому, причиной, заставившей Иоанна II поспешить к Антиохии, явилась весть об уходе из города с войсками Раймунда де Пуатье к Монферрану. К этому времени король уже капитулировал перед атабеком, так и не дождавшись помощи от своих вассалов [31, 648—649]. Фулько получил право свободного выхода из крепости при условии сдачи ее Зенги, благо, принадлежала она графу Триполи [49, 421—422]. Не последнюю роль в согласии атабека разрешить королю свободный уход, возможно, сыграло сообщение о появлении в Сирии византийской армии. Как бы то ни было, Раймунд де Пуатье ускоренным маршем повел своих рыцарей назад к уже осажденной Антиохии и с трудом смог проникнуть в цитадель города [49, 422; 31, 652; ср. 4, 16]. Положение князя было критическим. Не признанный императором и не имевший возможности получить помощь от своего сюзерена короля Иерусалима, Раймунд был вынужден начать переговоры с Иоанном II, что явилось не столько свидетельством силы империи, сколько следствием того сложного внешнеполитического положения, в котором оказались государства крестоносцев, подвергшиеся одновременному давлению со стороны Византии и атабека Мосула. Именно это вынудило князя Антиохии по совету короля начать переговоры с императором [27, т. 5, 101]. В византийском лагере у стен Антиохии был заключен договор, условия которого частично сообщает лишь Гийом Тирский. Во многом они были подобны условиям Девольского мира 1108 г., возможно, и положенного в его основу². Послы Раймунда заявили Иоанну II, что князь, «поддержанный в своем решении всеми баронами», сам предстанет перед императором и в присутствии византийского двора присягнет ему в верности. «Далее он даст торжественную клятву в том, что, когда бы император ни пожелал вступить в Антиохию или ее цитадель, во время ли войны или во время мира, князь не откажет разрешить ему свободный и неоспоримый вход. Если господин император мирно вернет князю Алеппо, Шейзар, Хаму, Хомс и другие соседние города, как было обусловлено в договоре (явно ссылка на дого-

вор 1108 г. — В. С.), тот довольствуется этими городами и другими соседними и без спора вернет императору город Антиохию, которым он владеет по праву собственности. Взамен... император согласился, что, если с помощью господ он преуспеет во взятии Алеппо, Шейзара и всего прилегающего района, он позволит, чтобы все это было дано князю без хлопот и умаления и что последний и его наследники будут владеть этим в мире и по вечному праву, но в бенефиций, который обычно называют феодем» [31, 652—653; см. также 230, 302—316]. Здесь показательны ссылки на Девольский договор, а также то, что условия данного соглашения в основном повторяют условия предшествующего. Утрачивая территорию Антиохийского княжества (отвоеванная императором Равнинная Киликия здесь не фигурирует), князь гарантирует себе компенсацию за счет территорий бывшего эмирата Алеппо, которые должны быть отвоеваны для него императором и переданы в феоде как вассалу. То есть, учитывая, что договор был подписан в июле 1137 г., можно предположить, что и в этом случае, планируя аннексию Антиохийского княжества и оговаривая ее условия, параллельно Византия предполагала создание на границе ее новых владений вассального ей буферного государства во главе с бывшим князем Антиохии. Однако условия соглашения в той его части, которая гарантировала территориальную компенсацию Раймунду де Пуатье, в это время были заведомо невыполнимы, ибо попытка их реализации неминуемо столкнула бы Иоанна II с Зенги, владеющим территориями бывшего эмирата Алеппо, с Буридами Дамаска, которым принадлежал Хомс, и Мункидитами Шейзара. Непосредственное значение для императора имели вассальная присяга, приносимая князем, и разрешение византийской армии свободного доступа в Антиохию и ее цитадель. При этом следует помнить, что на данные условия Раймунд был вынужден согласиться по принуждению, вследствие осады Антиохии императором. По-видимому, появление византийской армии в Сирии у границ графств Эдесского и Триполи при растущей угрозе их безопасности со стороны атабека Мосула вынудило графов Раймунда I и Жослена II признать сюзеренитет Иоанна II. В то же время ряд исследователей полагает, что граф Эдессы стал вассалом императора лишь постольку, поскольку он уже был вассалом

князя Антиохии, признавшего византийский сюзеренитет³. Однако последующие события наглядно опровергают данную точку зрения, свидетельствуя об установлении прямых сюзеренно-вассальных отношений между графом и императором.

Весной 1138 г. Иоанн II, Раймунд де Пуатье и Жослен II двинули войска против мусульманских владетелей Сирии. Император намеревался реализовать территориальные статьи Антиохийского соглашения. Это явилось неожиданностью для Имад ад дина Зенги, занятого осадой принадлежавшего Буридам Хомса. 3 апреля союзники подошли к Биза и через пять дней захватили крепость, переданную императором графу Эдессы [14, 35; 49, 425]. 18 апреля Иоанн II и его вассалы подошли к Алеппо, встав лагерем у стен города в Саада. Никита Хониат пишет, что попытка осады города была предпринята по просьбе князя Антиохии, что маловероятно [14, 36]. При известии о продвижении союзников к Алеппо Зенги направил к городу с войсками находившегося под Хомсом наместника Алеппо Савара. Опередив императора, он успел войти в город и подготовить его к обороне [51 а, 675—676; 49, 425—426]. Попытка союзников штурмовать один из участков городской стены, имевшая характер демонстрации силы, была безуспешна, и 21 апреля, так и не начав приготовления ни к правильной осаде, ни к штурму города, они отвели войска к Атаребу. Покинутая гарнизоном крепость была передана Иоанном II Раймунду де Пуатье 22 апреля. Далее по долине р. Оронт союзники через аль-Маарру направились к Шейзару, 26 апреля на пути к нему заняв Кафртаб. Осада Шейзара, начатая 29 апреля, продолжалась почти месяц и 21 мая была внезапно снята. Уже современникам были неясны причины столь поспешного ухода императора и его вассалов от Шейзара, и они искали и находили тому различные объяснения. Камал ад дин считал, что причиной ухода явилось вторжение Артукида Кара Арслана на территорию графства Эдесского [51 а, 678]. Эту версию приводит и Хониат [14, 38]. Михаил Сириец пишет, что Иоанн получил известие о набеге султана Рума Масуда на Равнинную Киликию и о захвате им Аданы [41, 245]. Ибн аль Асир считает, что атабек посеял рознь между союзниками [49, 427; 50, 99]. По-видимому, все это действительно имело место и сыграло определенную

роль в снятии осады Шейзара. Но основная причина этого была ясна уже Гийому Тирскому, писавшему о взаимном недоверии союзников, о том, что князь Антиохии и граф Эдессы не были заинтересованы во взятии Шейзара [31, 655—657]. С одной стороны, будучи вассалом князя Антиохии, Жослен II не желал его усиления как вассала императора, опасаясь того, что князь использует военную помощь Иоанна II для возвращения утраченных пограничных крепостей, как он уже возвратил Атарерб. Но с другой стороны, сам Раймунд вряд ли был заинтересован во взятии Шейзара, так как последнее уменьшило бы его шансы на сохранение власти в княжестве, ибо Шейзар должен был перейти князю в качестве компенсации за Антиохию. Таким образом, франкские владетели, каждый имея на то свои причины, не оказали Иоанну II реальной помощи в осаде города, отсиживаясь в лагере [31, 657]. Но поэтому и император, осознав бесплодность осады, за спиной вассалов начал тайные переговоры с владельцем Шейзара Абу Асакар Султаном. Мункидит откупился (по преданию, он вручил императору часть добычи, доставшейся Великому Сельджукиду Алп Арслану при разгроме византийской армии при Манцикерте) и добился снятия осады. Были причины и иного плана — угроза со стороны Зенги, расположившего свою армию между Шейзаром и Хамой и пославшего по просьбе Мункидита отдельные отряды к Шейзару. Когда же союзники ушли, бросив часть осадных машин и механизмов, позже перевезенных Зенги в Алеппо, армия атабека двинулась вслед за отступающими контингентами, тревожа их арьергарды постоянными нападениями. Через Апамею и аль-Джизр император возвратился в Антиохию. Тогда же под власть Зенги вновь перешел ранее захваченный союзниками Кафр таб. По-видимому, в это время возобновились переговоры императора с атабеком, содержание которых осталось неизвестным [51 а, 679].

В конце мая 1138 г. Иоанн II совершил триумфальный въезд в Антиохию, где ему наскоро устроили «светлое входное торжество», и после молебна в городском кафедрале остановился во дворце князя [31, 659]. Византийская армия была расквартирована за городскими стенами в предместьях Антиохии. Поход ясно показал, что без прочной базы у границ подвластной Зенги части Сирии, без поддержки новых вассалов, их заинтересо-

ванности в укреплении здесь позиций империи любая ее попытка закрепиться в данном районе обречена на провал. Византия была нужна франкским владетелям лишь как противовес атабеку Мосула. Они рассчитывали использовать ее военные силы для ослабления натиска Зенги на свои границы и в то же время не желали и опасались укрепления ее позиций в Северной Сирии, закономерно предполагая, что Византия не удовлетворится их формальным вассалитетом. Соглашение 1137 г. показало, что данные опасения не лишены оснований и что конечной целью империи является если не ликвидация данных государств, то присоединение их территорий с последующим перемещением их владетелей в качестве вассалов Византии на новые земли, отвоеванные у мусульманских соседей. При наличии между государствами крестоносцев противоречий и при постоянно изменявшемся соотношении сил между ними, поддержка империей одного из них сыграла бы существенную роль в его усилении в ущерб соседям. Поэтому понятны опасения графа Эдессы, вассала князя Антиохии, что последний использует свои вассальные отношения с Иоанном II в ущерб ему, графу, как, впрочем, и остальным франкским владетелям. С этими опасениями был связан и нейтралитет короля Иерусалима, который предпочел игнорировать появление императора вблизи границ своих владений и не выразил заинтересованности в установлении каких-либо контактов с ним. Именно этим объясняется и самоустранение владетелей Антиохии и Эдессы от активного участия в осаде Шейзара, а также последующее поведение Жослена II, выступившего против византийского присутствия в Антиохии, ибо граф понимал, что в случае захвата Антиохийского княжества императором подобная участь будет угрожать и Эдессе. Весь этот комплекс проблем довольно неожиданно всплыл в Антиохии на приеме, который Иоанн II дал своим франкским вассалам во дворце князя, где он расположился. Император назвал Раймунда де Пуатье «возлюбленным сыном» и заявил: «Мы знаем, что вы долго ожидали, когда мы сможем увеличить ваше княжество. Мы должны сделать это в соответствии с заключенным между нашей империей...и вами, наш верный вассал, соглашением. Ныне наступили удобный случай и время исполнить наше обещание и передать весь соседний район под вашу власть как ясно предусмотрено»

ное условие соглашения. Но вы хорошо знаете, и бароны, которые стоят с вами, также знают, что выполнить обещания, которыми мы связаны, невозможно в короткое время. Наоборот, очевидно, что наши дела требуют даже большего пребывания здесь и еще больших расходов. Поэтому вы должны поручить нашим заботам цитадель этого города согласно содержанию договора, чтобы наши сокровища пребывали здесь в безопасности. Наши войска также должны иметь свободный доступ в город, чтобы они могли беспрепятственно входить и выходить. Орудия войны, необходимые для осады Алеппо, не могут быть легко доставлены из Тарса, Аназарбы и других городов Киликии. Для этих целей этот город дает лучшие возможности, чем какое-либо другое место. Выполните ваши обещания...» [31, 658—659]. Князь и бароны были захвачены врасплох требованием императора. Формально речь шла о передаче ему цитадели Антиохии на условиях соглашения 1137 г. Фактически же, и все это понимали, встал вопрос о самом существовании Антиохийского княжества. В условиях, когда византийская армия стояла у стен города, прямой отказ Иоанну II был невозможен. Положение стало критическим, когда присутствовавший на аудиенции Жослен II как вассал князя заявил императору, что данный вопрос не может быть решен иначе, как с согласия всех баронов, самого графа и других вассалов и подданных, и угрожал бунтом населения Антиохии [31, 661—663]. А так как Раймунд де Пуатье оказался пленником в собственном дворце, то граф и его приближенные спешно сообщили горожанам о требовании Иоанна II. «Пошли слухи о том, что Антиохия передана грекам и что уже сдана цитадель и горожан заставят покинуть дома своих отцов» [31, 663]. Это вызвало бурное возмущение населения, переросшее в открытый мятеж, инспирированный Жосленом II и направленный против императора. Повидимому, к этому времени значительную часть населения Антиохии составляли выходцы с запада при сохранении в городе значительной греческой общины [см. 266, 591—593]. Начались погромы домов, в которых расположились придворные Иоанна II. Появившись во дворце, граф сообщил императору о возмущении, угрожавшем безопасности василевса, для прекращения которого Иоанн был вынужден выпустить из дворца Раймунда и баронов, дабы успокоить горожан. Утром император

спешно покинул Антиохию, выехав в расположение своей армии. Гийом Тирский пишет, что после бегства императора князь, бароны и горожане опасались, что он предпримет осаду города. Поэтому в византийский лагерь было направлено посольство, заявившее Иоанну II, что «безответственные люди совершили это незаконное без ведома князя и тех, кто занят ведением наиболее важных государственных дел» [31, 663—665]. Показательно, что обе стороны прекрасно понимали суть происходящего, но делали вид, что ничего экстраординарного не произошло. Днем ранее, во время мятежа горожан, император с удивлением вопрошал князя о его причинах. Ныне, выслушав от послов антиохийскую версию причин мятежа и согласившись с нею, Иоанн II призвал к себе Раймунда и Жослена II и «заявил им, что настоятельные причины вынуждают его возвратиться домой». Он обещал, что «с помощью господ он вернется с большими силами и выполнит соглашение, которое было заключено». Византийская армия была отведена на зимние квартиры в Киликию. Сам император возвратился в Константинополь [31, 664—665].

Провал попытки получить Антиохию мирными средствами по соглашению ясно показал Иоанну II, что дипломатия, не подкреплённая военной мощью и наличием баз вблизи предполагаемого театра военных действий, здесь бессильна. Военными же средствами, для того чтобы отвоевать у атабека Мосула обещанные князю Антиохии территории и города при полной незаинтересованности в этом Раймунда де Пуатье, империя не располагала. Создается впечатление, что условия соглашения 1137 г., подобно условиям предшествующего, вновь определялись не реальной внешнеполитической ситуацией, но нереалистичной оценкой ее имперской дипломатией. Столь далеко идущие требования к князю Антиохии и тесно связанные с ними обязательства, данные ему, были заведомо невыполнимы, так как их реализация неминуемо сталкивала императора с атабеком Мосула. А это не входило в расчеты Иоанна II, так как лишь упрочение позиций атабека в Сирии у границ государств крестоносцев вынуждало их считаться с претензиями империи. Как следствие, Византия не была заинтересована в разгроме атабека, даже если бы была на это способна, видя в его присутствии в Сирии фактор, способствовавший росту имперского влияния на государ-

ства крестоносцев. Именно этим объясняется отказ Иоанна II дать генеральное сражение Зенги во время отхода византийской армии от Шейзара, на чем настаивали князь Антиохии и граф Эдессы. Успехи сирийского похода императора были эфемерны. Уже в сентябре 1138 г. Зенги вернул себе Биза, а в октябре — Атарерб, тем самым восстановив свои позиции у границ Антиохийского княжества. Единственным достижением Иоанна можно считать лишь возвращение Равнинной Киликии, в 1108/09 г. отвоеванной у Византии Танкредом, и завоевание княжества Рубенидов Горной Киликии, горные районы которого уже в 1138 г. были захвачены эмиратом Данышмендов. Соглашение 1137 г., не будучи реализованным, как и Девопское, вновь стало лишь международно-правовой базой дальнейших притязаний империи на Антиохийское княжество. Пока же поход 1136—1138 гг. наглядно продемонстрировал Иоанну II весь комплекс проблем, вставших перед Византией на Ближнем Востоке. Императору пришлось действовать здесь предельно осторожно, с учетом позиции Запада, атабека Мосула, к столкновению с которым Византия не была готова, возможно, с учетом реакции короля Иерусалима. Уже 28 мая 1138 г., получив сообщение о захвате Иоанном II Равнинной Киликии у Антиохийского княжества, папа Иннокентий II призвал всех латинян, служивших в византийской армии, оставить имперскую службу в случае нападения Иоанна на само княжество. Гнев папы вызвало изгнание католических епископов Тарса и Мамистры⁴. С этим императору также приходилось считаться. В то же время, принудив владетелей Антиохии, Эдессы и Триполи признать свой сюзеренитет [14, 34], Иоанн II вряд ли улучшил отношения с их сюзереном в рамках системы государств крестоносцев — королем Иерусалима Фулько Анжу. В этих условиях Византия вряд ли была в состоянии аннексировать Антиохийское княжество. Уже соглашение 1137 г. показало, что Иоанн II действовал в духе традиционной политики постепенной инкорпорации княжества, что и предопределило последующее развитие византийско-антиохийских отношений и их характер по меньшей мере до 70-х годов XII в.

Уже в 1140 г. император начал подготовку ко второму сирийскому походу. К этому времени относится интенсивный обмен посольствами с германским императо-

ром Конрадом III, продолжавшийся до начала 1142 г. Вряд ли Иоанн II строил в этот период какие-либо реальные планы на западе. Проект брака свояченицы германского императора и четвертого сына Иоанна Мануила должен был обеспечить Византии дружественный нейтралитет Конрада III в связи с возможной реакцией папства на готовившийся поход в Сирию. Успеху похода, казалось бы, способствовало дальнейшее ухудшение внешнеполитического положения государств крестоносцев. В 1141 г. армия Фулько Анжу потерпела поражение от войск Фатимидов Египта при Аскалоне. Весной 1142 г. наместник Зенги в Алеппо Савар разграбил территорию Антиохийского княжества [41, 233]. По свидетельству Гийома Тирского, Раймунд де Пуатье сам обратился за помощью к Иоанну II, который весной 1142 г. вел военные действия у границ Киликии в районе оз. Пусгусса [31, 688; 146, 366]. По-видимому, обращение князя было использовано как повод для второго сирийского похода императора. Через Атталию Иоанн повел армию в Киликию. Но вместо предполагаемого похода на Антиохию он бросил армию на графство Эдесское, внезапно появился у стен его столицы Тель Башира, осадив в нем Жослена II. Граф был вынужден капитулировать, подтвердить вассальную присягу и выдать в качестве заложницы свою дочь Изабеллу [31, 689]⁵. Тем самым император, учтя ошибку похода 1136—1138 гг., обеспечил себе нейтралитет графа накануне похода на Антиохию. 26 сентября византийская армия вышла на границу Антиохийского княжества к замку Гастин. Отсюда Иоанн направил в Антиохию посольство. Хониат пишет, что император «хотел склонить латинян добровольно уступить ему господство над знаменитой Антиохией или, если они не согласятся, по крайней мере привлечь на свою сторону киликийцев и сирийцев. С этой целью он не преминул во время этого похода написать антиохийцам и предупредить их о своем прибытии, так как прежде чем он вступил в пределы Сирии, они уже выслали к нему посольство, которое дало ему весьма хорошие надежды на будущее» [14, 50]. Поэтому из Гастина император потребовал от князя в соответствии с договором 1137 г. сдать ему цитадель Антиохии. Григор Ереци сообщает, что Иоанн «хотел во что бы то ни было купить Антиохию у владельца сего города» [43, 156]. Киннам считал, что планы императора шли дальше, и он

«двинулся в Киликию с намерением отдать ее с Антиохией, Атталией и Кипром в наследство Мануилу... Но не успел дойти до Киликии, как лишился двух старших сыновей» [4, 23]. Таким образом, возможно, что первоначально император действительно намеревался создать здесь удел для своего четвертого сына, но смерть во время похода старшего сына Иоанна II Алексея, а затем и второго, Андроника, изменили его планы. Тем не менее Раймунду де Пуатье было предъявлено требование сдачи цитадели Антиохии. Если верить Хониату, возможно, описывавшему события ретроспективно, Иоанн «всегда пламенно желал присоединить к Константинополю Антиохию и оттуда посетить освященные божественными стопами места, почтить дарами животворящий крест господен и очистить окрестности от варваров» [14, 49]. Таким образом, планы императора были достаточно широки и решение антиохийской проблемы было лишь первым этапом их осуществления, вслед за которым должен был последовать второй — появление Иоанна II в Палестине, на территории Иерусалимского королевства. Поэтому император и направил в Антиохию посольство с требованием, чтобы «город с цитаделью и укреплениями... без исключения были переданы ему, чтобы он был способен завоевать соседние города врага», обещая передать эти города князю во исполнение условий договора 1137 г. [31, 689]. Требование Иоанна II вызвало растерянность в городе. Спешно был созван совет баронов княжества и горожан Антиохии, который решил, «что не отвечало бы высшим интересам страны, если бы город столь знатный, столь могущественный и столь хорошо укрепленный был бы отдан под власть императора по какому бы то ни было соглашению» [31, 691]. Но так как формально требования Иоанна II были вполне законны и основывались на условиях договора 1137 г., заключенного с Раймундом де Пуатье как с князем Антиохии, то антиохийское посольство к императору заявило, что «эти бывшие дела князя не могут считаться в какой-либо степени имеющими силу, так как он не имел законного права заключать договор о наследии своей супруги и что она также не властна передавать правление другому лицу без согласия горожан и баронов» [31, 691]. Это было явным отказом от выполнения договора. Более того, возглавлявший посольство епископ Джебеля отверг требование императора

от имени папы и Конрада III [28, 263; ср. 31, 690—691]. Возможно, нежелание усугублять и без того натянутые отношения с папским престолом, а также с германским императором, с которым с 1138 г. шли переговоры о заключении союза, направленного против Сицилийского норманнского королевства, вынуждали Иоанна II действовать с оглядкой на Запад. К тому же осеннее время не благоприятствовало военным действиям против Антиохии. Между тем посольство требовало, чтобы Иоанн дал клятву в том, что, «вступив в город, он пробудет в нем несколько дней, примет подобающие ему поздравления и почести, а затем опять выступит, не делая никакого нововведения в гражданском управлении и ничего не изменяя в установившихся обычаях, то есть совсем не так, как он полагал. Раздраженный тем, что не сбылись его ожидания, он, хотя и не счел нужным войти в город силой... расположился в его предместьях, разрешив войскам опустошать их и забирать все, что только можно» [14, 50]. Разграбив предместья, император отвел армию на зимовку в Киликию. Он «понимал, что и на этот раз его надежду вступить в Антиохию со всеми легионами невозможно осуществить. Еще он надеялся, что когда зима минует и... весна... вернется, он сможет осуществить наконец часть своих желаний относительно этого города даже против воли его жителей» [31, 691]. Пока же, направив посольство в Иерусалим, Иоанн «заявил, что если это будет благом для христиан, то он желал бы лично прийти туда с целью помолиться... Он был бы счастлив оказать помощь против врагов в тех местах» [31, 691]. По-видимому, посольство должно было выяснить отношение Фулько Анжу к возможному появлению императора в Палестине. Послы короля епископ Вифлеема Ансельм, аббат храма Гроба Жюффри заявили Иоанну, что «территория королевства мала и не сможет прокормить столь большую армию». Но если император пожелает посетить святыне места в сопровождении армии, численностью не более десяти тысяч человек, «он будет встречен с величайшим восторгом». И хотя поход Иоанна так и не состоялся, смерть короля 13 ноября 1142 г. [31, 701—702] и регентство Мелисенды при малолетнем Бодуэне III надолго парализовали внешнеполитическую активность Иерусалимского королевства. Смерть самого Иоанна 8 апреля 1143 г. от раны, полученной на охоте в Киликии, надолго отложила решение

антиохийской проблемы, основной в политике Византии в отношении государств крестоносцев [31, 693—694; 4, 24; 14, 60; 142, 232]. Этапы этой политики — укрепление позиций империи у границ, а затем и в самом Антиохийском княжестве, последующее вовлечение Иерусалимского королевства и графства Эдесского в орбиту византийского влияния — были намечены к началу 40-х годов, тогда как реализация данной программы растянулась до конца 70-х годов XII в. и никогда не была завершена.

Преемнику Иоанна, его сыну Мануилу (1143—1180), ставшему императором в обход старшего брата Исаака, не скоро удалось возобновить активную внешнюю политику на Ближнем Востоке. Более того, «антиохийцы, узнав о смерти Иоанна, отправили к Мануилу посольство с просьбой вернуть им землю, которая принадлежала Антиохии, тогда как ей насильно, совсем не по праву завладели ромеи», — пишет Иоанн Киннам [4, 30]. Речь явно шла о Равнинной Киликии, завоеванной Иоанном II в 1136/37 г. Для последующей политики Мануила показателен его ответ послам: «Что вы теперь просите у нас? Собственность города Антиохия? Но сама Антиохия находилась под нашей властью. Если не стыдно было вам нарушать данную клятву, то для чего обвиняете нас в презрении ваших прав, когда скорее бы мы имели право подвергнуть вас наказанию? Но для этого еще настанет благоприятное время. А теперь повелеваем вам отказаться от ваших претензий!» [4, 31]. Таким образом, Антиохийскому княжеству не удалось вернуть Равнинную Киликию мирным путем. Но, отстояв свою независимость в дипломатической борьбе с Византией, княжество, как и государства крестоносцев в целом, в то же время оказалось неспособным противостоять все более возраставшему военному давлению со стороны атабека Мосула. Весной 1144 г. Зенги отнял у графства Эдесского Шабактан. Жослен II вступил в контакты с противником атабека, владельцем Хысн Кайфы Артуркидом Кара Арсланом. Переговоры завершились заключением союза, направленного против Зенги. Соглашение было скреплено возвращением графу Эдессы крепости Бейт Буле, ранее принадлежавшей князю Каркара [39, 280]. Союз не был реализован, так как реакция атабека была мгновенной. Узнав, что Жослен II вывел из Эдессы гарнизон, поручив город латинскому архиепископу

Гуго II, в ноябре 1144 г. Зенги вторгся на территорию графства и осадил Эдессу. Лишенная поддержки извне, армянская община Эдессы почти месяц отбивала штурм за штурмом. Гуго II направил посланцев с призывом о помощи в Антиохию и Иерусалим. Жослен II лично обратился с посланием к Раймунду де Пуатье «как к своему государю... и слезно молил сжалиться над ним в его нужде и освободить вышеназванный город от угрожавшего ему рабского ига... Но князь Антиохии, радуясь несчастью графа и не думая о том, чем он обязан общей пользе и что личная ненависть не должна удовлетворяться за счет общего блага, под разными предложениями медлил подать ту помощь, о которой его просили» [31, 709]. Таким образом, распри между владельцами Антиохии и Эдессы, связанные с отказом вторых признавать вассальную зависимость от первых, начавшиеся в 20-е годы вооруженной борьбой Жослена I с Бозмундом II, продолжились и при их преемниках. Именно поэтому Раймунд де Пуатье отказался помочь Жослену II и направить к Эдессе войска. После ожесточенного сопротивления населения город был взят штурмом 23 декабря 1144 г. Через два дня сдалась цитадель. Начавшийся грабеж Эдессы был остановлен Зенги, стремившимся установить прочную власть здесь, возможно, посредством компромисса с армянской общиной и ее верхушкой — ишханами. Как показали дальнейшие события, это не принесло ему успеха. Но как бы то ни было, падение Эдессы предопределило и судьбы графства. Вскоре войскам атабека был сдан Серудж, и лишь события в Мосуле принудили Зенги снять осаду Пира [156, 77—84]. Графство Эдесское утратило две трети своей территории — левобережье Евфрата. Жослен II сохранил под своим контролем лишь крепости правобережья с Тель Баширом. Падение Эдессы активизировало и экспансию Румского султаната на его восточных границах. Сын и наследник султана Килич Арслан был послан к границам графства Марашского и начал военные действия в непосредственной близости от границ Антиохийского княжества и графства Эдесского. Именно в это время Раймунд де Пуатье начал военные действия против византийских гарнизонов в Равнинной Киликии, «нападал на киликийские города, подвластные ромеям». Против князя были брошены армия во главе с Кондостефанами и Просухом и флот, возглавляемый Дмитрием

Враной. Андроник и Иоанн Кондостефаны, «придя в пределы Киликии, вскоре освободили крепости, отнятые у ромеев антиохийцами, и, сразившись с Раймундом, обратили его в бегство... Взяв эти крепости и не встретив сопротивления, они, грабя, дошли до Антиохии» [4, 35]. Раймунд укрылся в городе. Его попытка атаковать отходившую византийскую армию завершилась тем, что греки вновь преследовали его до стен Антиохии. «Дмитрий Врана с флотом опустошал побережье княжества, брал пленных и жег суда, опустошил две приморские крепости и отошел к Кипру» [4, 36]. Раймунд был вынужден капитулировать и лично прибыл в Константинополь, где после покаяния на могиле Иоанна II был принят Мануилом и принес ему вассальную присягу (начало 1145 г.). Киликия осталась в составе Византии. Раймунд дал обязательство впустить в Антиохию греческого патриарха, что было обусловлено еще Девольским договором 1108 г. Казалось бы, империя вновь усилила свои позиции в Сирии, установив фактический сюзеренитет над Антиохийским княжеством. Но именно в это время возрождается аннексированное ею в 1136—1137 гг. княжество Рубенидов. Все версии бегства Тороса II, сообщаемые современниками и поздними хронистами, сходятся на том, что, бежав из Константинополя, сын Левона I появился в Антиохии⁶. Уже отсюда вместе с братьями Млехом и Степане, после 1137 г. нашедшими убежище при дворе двоюродного брата — графа Эдессы Жослена II, Торос пробрался в Горную Киликию. Здесь с помощью населения братья овладели Вахкой, затем крепостями Амуд, Симанакла и Арюц Берд. Показательно, что это не вызвало никаких ответных мер со стороны Византии. И это естественно, так как, вопреки традиционной точке зрения [98, 111], данные районы не входили в состав империи, будучи еще в 1138 г. отвоеваны у нее эмиром Севастии Мухаммадом Данышмендом [41, 248]. После смерти эмира в 1141 г. усобица его наследников, завершившаяся распадом эмирата Данышмендов, в значительной степени повлияла на расстановку сил в Малой Азии и предопределила успех Рубенидов. Византия, по видимому, не имела причин препятствовать отвоеванию Торосом Горной Киликии у эмирата, ибо возродившееся княжество объективно стало играть роль буфера между владениями империи в Равнинной Киликии и малоазиатскими территориями, принадлежавшими эмирату Да-

нышмендов и Румскому султанату. И лишь экспансия Тороса II в Равнинной Киликии в начале 50-х годов явилась причиной позднейшего обострения его отношений с Византией.

К концу 40-х годов XII в. обстановка на Ближнем Востоке резко обострилась. Убийство Зенги при осаде Кала Джабар на Евфрате 14 сентября 1146 г. и связанные с ним надежды на ослабление созданного им государства, поделенного между наследниками, довольно быстро развеялись. Джазиру с Мосулом получил Сайф ад дин Гази, Сирию с Алеппо — Нур ад дин [см. 176, 389—395]. Создавшейся ситуацией попытались воспользоваться соседи. Регент Дамаска Унур возвратил Баалбек и стал сюзереном наместника Зенги в Хомсе, ранее принадлежавшем Буридам. Раймунд де Пуатье совершил набег на районы Алеппо и Хамы. Жослен II совместно с графом Мараша Бодуэном и при поддержке населения между 21—27 октября захватил Эдессу. Гийом Тирский пишет, что «только в цитадели города стоял гарнизон тюрок. Все остальные были христиане» [31, 728—729]. Они «направили к Жослену посланцев и предложили ему, что если он поспешит прийти с большим количеством рыцарей, то сможет возвратить город Рохас (Эдессу.— В. С.) без страха и без осады». Михаил Сириец сообщает, что, когда Жослен и Бодуэн прибыли под стены города, «пехотинцы с помощью лестниц взойшли на две башни благодаря соглашению с несколькими армянами, которые охраняли стены» [41, 270]. Они продолжали охранять стены города, несмотря на то что в апреле — мае в Эдессе был раскрыт заговор, направленный на сдачу его Жослену, и специально прибывший сюда Зенги жестоко расправился с его участниками [51 а, 687], после чего и отправился к Кала Джабар. После сдачи Эдессы граф шесть дней безуспешно осаждал цитадель города. «Жители направили посланцев во все земли к христианским баронам и у них... просили помощи» [31, 729]. Известие о захвате Эдессы застало* Нур ад дина в Алеппо. Атабек тотчас же бросил на город армию. Жослен II бежал в Самосату. Эдесса была взята штурмом и разграблена. Население пыталось бежать, но было перебито. Лишь часть укрылась в церквах. Армянский епископ города попал в плен, сирийский бежал. Сирийские хронисты сообщают, что погибло около тридцати тысяч человек, шестнад-

цать тысяч уведено в плен и лишь около тысячи человек бежало. «Люди Харрана копали в церквах и домах нотаблей, чтобы найти сокровища» [41, 272].

После разгрома Эдессы Нур ад дин заключил перемирие с Дамаском, скрепленное браком атабека с дочерью Унура. Наместник Хомса был усмирен и переведен в Хаму. Против Антиохийского княжества были направлены воинские контингенты во главе с наместником Алеппо Саваром. Разгром Эдессы 2 ноября и гибель здесь графа Мараша Бодуэна решили судьбу обеих графств — Эдесского и Марашского. К началу 1147 г. наследник Зенги не только восстановил статус-кво в Сирии, но и перешел в наступление на государства крестоносцев, а затем и на Дамаск Буридов.

Завершение войны султана Рума Масуда с Мануилом Комнином в Малой Азии (весна 1146 г.) способствовало переброске румских войск к границам Сирии и Месопотамии, где наследник султана Килич Арслан продолжал борьбу с новым графом Мараша Райнальдом в районах Мараша и Кесуна [41, 275]. В то же время Нур ад дин начал широкомасштабную операцию против Антиохийского княжества и графства Эдесского, захватив пограничные Артах, Мамула, Басарфут, Кафарлату и Хаб (октябрь 1147 г.). Создалась обстановка, угрожавшая самому существованию государств крестоносцев и в первую очередь — графства Эдесского.

В преддверии второго крестового похода, поводом для начала которого явилось падение Эдессы, Мануил Комнин вступил в переговоры с собравшимся на восток королем Франции Людовиком VII. Встретившись с ним в Ратисбонне, византийские послы Дмитрий Макремволит и некий Мавр, которого Р. Груссе идентифицирует с Иоанном Дукой [191, т. 2, 236], потребовали, чтобы король обязался не только не захватывать принадлежавшие императору замки и города, но и возвратил ему все ранее принадлежавшие, откуда он изгонит турок. Это вызвало протесты французских баронов. «Император может приобретать у турок то, что он считает своим, при помощи денег, договоров или силой. Но почему мы не можем делать того же, если нам случится овладеть чем-либо?» Бароны дали требуемую клятву лишь после того, как послы заявили, что «император, принимая свои меры предосторожности, прикажет сжечь все поля и разрушить укрепления» на пути крестоносцев [22, 28].

Если в Малой Азии Мануил стремился использовать военные силы крестоносцев для возвращения городов, которые были бы отвоеваны ими у сельджуков, то в отношении государств крестоносцев планы императора были иными. Он не желал, чтобы крестоносцы способствовали восстановлению позиций франкских государств Ближнего Востока, и в первую очередь Антиохийского княжества, ибо это ослабило бы их зависимость от Византии, в военной помощи которой они бы менее нуждались. Таким образом, крестовый поход, но под контролем Византии, как орудие имперской дипломатии и внешней политики — такова была цель ее в ходе и первого, и второго походов. А так как достичь этого не удалось, Византия оказалась не заинтересованной в успехе второго крестового похода. Характеризуя отношение Мануила к крестоносцам, Хониат пишет, что император «и сам всячески старался вредить им и другим приказывал причинять им всевозможное зло для того, чтобы и позднейшие потомки их неизгладимо помнили это и страшились вторгаться в области ромеев» [14, 85]. Действительно, отношение Мануила к крестоносцам было сложным. Так, хотя он и был связан союзом с германским императором Конрадом III, направленным против Сицилийского норманнского королевства, немецкое ополчение, с грабежами продвигавшееся к Константинополю, внушало Мануилу обоснованные опасения. Вопреки его требованию переправиться в Малую Азию через Геллеспонт, немцы двинулись к столице империи, разграбив ее пригороды (сентябрь 1147 г.). Второй участник крестового похода, король Франции Людовик VII, вел подозрительные переговоры с королем Сицилии Рожером II, флот которого только что захватил принадлежавший Византии о. Корфу, разграбил Коринф и Фивы. В лагере французов у стен Константинополя велись разговоры о том, что было бы желательно «овладеть всей этой богатой страной, немедленно написать королю Рожеру, чтобы он в то же время напал на императора, ждать прибытия его флота, чтобы вместе осадить Константинополь» [22, 47]. Показательно, что поводом для возможного нападения на столицу империи послужило то, что «несколько лет назад император, вместо того чтобы помогать христианам, пошел против князя Антиохии», дяди супруги короля Франции Алиеноры Аквитанской.

Разгром немецкого ополчения сельджуками при До-

рилее 15 октября 1147 г. привел к тому, что вышедшее вслед за ним французское предпочло пересечь Малую Азию по территориям, входившим в состав Византии, от Никее до Эфеса. Отсюда возглавлявший остатки немецкого ополчения, присоединившегося к французам в Никее, Конрад III возвратился в Константинополь, тогда как Людовик VII из Атталии отплыл в Сен Симеон — порт Антиохии. Немецкое ополчение было 17—19 апреля 1148 г. доставлено византийским флотом в Акру. Часть его, отплывшая с французами из Атталии, также была доставлена в Акру и 4 апреля вступила в Иерусалим.

Сообщения о появлении крестоносцев на территории Малой Азии вынудили Нур ад дина и его брата Сайф ад дина Гази объединить свои военные силы. Зенгиды встали лагерем в Хомсе, переданном атабеком брату за его военную помощь, ожидая появления крестоносцев в Сирии. В то же время обострилась борьба между франкскими владетелями за использование в своих интересах военных сил крестоносцев. Раймунд де Пуатье пытался договориться с Людовиком VII, прибывшим в Антиохию 19 марта. «Еще прежде, узнав, что король принял крест, он послал ему во Францию большие подарки и драгоценности. Он надеялся, что с помощью французов ему удастся отнять у турок несколько городов и крепостей и расширить свои владения за счет сарацин... Он так был уверен в помощи французов, что уже считал в своей власти Цезарею (Шейзар.— В. С.) и прочие города, соседние Антиохии. Король узнал о замыслах Раймунда и... ушел ночью из города вместе со своей свитой в Триполи» [31, 752—753]. В свою очередь, «король Иерусалима опасался, что какой-либо договор, заключенный Людовиком с князем Антиохии или графом Триполи, задержит его в тех владениях... Четыре владетеля были самыми могущественными христианскими баронами на Востоке. Узнав о прибытии французского короля и германского императора, каждый имел надежду при их помощи увеличить свои владения приобретением богатых городов на турецкой границе, и для достижения этого каждый со своей стороны делал все возможное для привлечения этих двух могущественных государей. Они посылали деньги им самим, их баронам и тем из служителей, которые, по их мнению, могли иметь на них влияние» [31, 754—755]. Именно поэтому Боду-

эн III специально отправил в Антиохию к королю Франции патриарха Иерусалима Фульшера, с тем чтобы поторопить Людовика VII с появлением в святом граде, куда уже прибыло немецкое ополчение с Конрадом III. 24 июня 1148 г. в Акре была создана ассамблея, на которой присутствовали германский император и его приближенные, в том числе его сводный брат и будущий хронист Оттон Фрейзингенский, король Франции и его вассалы, Бодуэн III и двенадцать прямых вассалов короля и его матери Мелисенды, магистры обоих орденов и патриарх Иерусалима Фульшер Ангулемский [31, 758—759]. Создается впечатление, что князя Антиохии, графов Эдессы и Триполи намеренно не пригласили на ассамблею, так как они могли помешать планам короля направить поход в нужном ему направлении. Это было ясно уже Р. Груссе и противоречило его утверждениям об отсутствии каких-либо конфликтов между франкскими владетелями, якобы решавшими свои внешнеполитические проблемы в духе «христианской солидарности». Поэтому французский исследователь объясняет отсутствие на ассамблее в Акре глав остальных государств крестоносцев тем, что Раймунд де Пуатье был в распри с королем Франции, граф Триполи Раймунд II—из-за присутствия на ассамблее прибывшего с Людовиком VII Бертрана, сына графа Тулузы, претендовавшего на Триполи [191, т. 2, 255, п. 1]. Действительно, в апреле с ополчением Прованса в Акру прибыл Альфонс Журден, сын Раймунда Сен Жилля и двоюродный дед графа Триполи. На пути из Акры в Иерусалим он был убит в Кесарии. Убийцы остались неизвестны, но молва обвиняла в этом убийстве графа Триполи, дед которого Бертран был бастардом и, следовательно, не мог наследовать Сен Жиллю в Триполи так же, как он не смог ранее сделать того же в Тулузе [31, 754; 19, 70]. Р. Груссе категорически отрицает самую мысль о том, что Раймунд II мог быть замешан в убийстве родственника [191, т. 2, 250—251], но дальнейшие события (см. ниже) полностью опровергают его мнение. Однако в любом случае историк никак не объясняет отсутствие в Акре Жослена II. Но ведь официальной целью второго крестового похода было именно освобождение Эдессы из рук «неверных»! Объяснить это можно только тем, что присутствие графа помешало бы владетелям Иерусалима, представленным группировками Бодуэна III и королевы-матери Мели-

сенды, навязать крестоносцам свой план проведения похода. Поэтому на ассамблее, где присутствовали лишь иерусалимские бароны, было решено отвоевать не Эдессу, а Дамаск, никогда франкам не принадлежавший и нередко бывший союзником Иерусалимского королевства против атабеков Мосула. Таким образом, использовать военные силы крестоносцев в своих целях удалось правящим кругам королевства, но не Византии и Антиохийскому княжеству, графствам Эдесскому и Триполи.

В июле 1148 г. армия крестоносцев, усиленная отрядами иерусалимских баронов, тамплиерами и иоаннитами, двинулась к Дамаску и начала осаду города. Однако тотчас же в лагере осаждавших началась борьба за владение еще не завоеванным Дамаском, в ходе которой кандидату иерусалимских баронов сеньору Бейрута Ги Бризебарру был противопоставлен вассал короля Франции, граф Фландрии Тьерри, женатый на сводной сестре короля Иерусалима Сибилле⁸. Распри в лагере осаждавших не были тайной для осажденных. И хотя современники называют множество причин снятия осады Дамаска, вплоть до подкупа баронов Унуром, решающую роль в снятии осады и отходе крестоносцев на территорию королевства сыграла позиция иерусалимских баронов, не желавших перехода города под власть графа Фландрии. Показательно, что, пытаясь снять вину за провал осады со своих соотечественников, Гийом Тирский обвиняет в нем князя Антиохии, ибо этот «недостойный» не оказал им помощи! [31, 769].

Сама осада Дамаска и тем более ее провал имели негативные последствия для судеб франкских государств Ближнего Востока, так как пока крестоносцы были заняты осадой, Нур ад дин и Сайф ад дин Гази, заинтересованные в ослаблении Буридов Дамаска, не предпринимали военных действий против крестоносцев, расположившись в Хомсе и прикрыв тем самым не только дорогу на Алеппо, но и изолировав графство Эдесское. Регент Дамаска Унир, чьи отношения с Зенгидами были достаточно сложными, был вынужден обратиться к ним за помощью, вследствие чего Нур ад дин все же двинул армию к Дамаску, дойдя до Баалбека [41, 276; 176, 418—423]. Здесь произошел эпизод, наглядно продемонстрировавший отношение франкских владетелей к крестоносцам. После убийства в Кесарии графа Тулузы

Альфонса Журдена, в котором обвиняли графа Триполи Раймунда II, сын погибшего Бертран захватил принадлежавший Раймунду замок Арейма. Опасаясь, что новоявленный родственник не ограничится замком, и не имея возможности возвратить Арейму собственными силами, Раймунд обратился к Нур ад дину, предложив ему захватить замок. В середине сентября 1148 г. объединенные силы атабека Алеппо и регента Дамаска осадили Арейму, вскоре им сданную. Бертран попал в плен и просидел в цитадели Алеппо до 1159 г. Таким образом, частные интересы отдельных франкских владетелей явно возобладали над абстрактными лозунгами крестового похода. Людовик VII оставался в Палестине еще полгода, до пасхи 1149 г. На обратном пути в Европу около побережья Пелопоннеса он стал свидетелем морского сражения между византийским и сицилийским флотами и едва не попал в плен к грекам. 29 июля в Потенце (Калабрия) Людовик VII имел встречу с Рожером Сицилийским, на которой шла речь о создании антивизантийского союза. Конрад III 8 сентября 1148 г. отплыл из Акры в Салоники, затем, после свидания с Мануилом Комнином в Константинополе, выехал в Европу.

Воспользовавшись неудачей крестоносцев при Дамаске, Нур ад дин совершил поход против Жослена II, который был вынужден лично явиться к атабеку и на равнине между Алеппо и Азазом принести ему вассальную присягу [41, 282]. Вскоре Нур ад дин отвоевал у Антиохийского княжества эль-Бару. Решающие же события, подведшие черту под целым этапом международных отношений на Ближнем Востоке, произошли годом позже, когда армия атабека осадила замок Инаб на территории Антиохийского княжества. Предварительно Нур ад дин заключил перемирие с Жосленом II, номинальным вассалом Раймунда де Пуатье и вассалом самого атабека, и «франки соединились с турками» [41, 282]. 17 июля 1149 г. князь Антиохии потерпел поражение у стен Штаба. Антиохийская армия была разгромлена. Сам Раймунд и его вассал, граф Мараша Райнальд, погибли. Армия Нур ад дина пошла на Антихию. Атабек потребовал у патриарха Аймери сдачи города на условиях сохранения жизни и имущества жителей. Получив отказ, он не решился на штурм Антихии и, получив выкуп, отошел к Апамее (Калат Мудик), 26 июля сдав ей гарнизон. По-видимому, непо-

средственным следствием поражения при Инабе явился захват атабеком пограничных крепостей Антиохийского княжества — Арзхана, Тель Кафахана, Артаха и Харима. Фактически княжество утратило все территории восточнее р. Оронт. При известии о гибели при Инабе своего зятя Райнальда Жослен II ввел в Мараш и, вероятно, в Кесун свои гарнизоны (сентябрь 1149 г.) [41, 290; 31, 775—776; 43, 162]. Это привело к возобновлению военных действий на границах графств Марашского и Эдесского. Войска Сельджукида Килич Арслана, а затем и его отца, султана Рума Масуда, начали оккупацию территории графства Марашского. Франкский гарнизон Мараша бежал и был перебит по дороге на Антиохию. После этого, развивая успех, Масуд вторгся на территорию графства Эдесского и осадил Тель Башир. Во фланг армии султана к Азазу Бодуэн III направил отряд своего вассала Онфри, владельца Торона — Тибнина. Но Масуд снял осаду лишь после того, как Жослен II признал его сюзеренитет и выдал мусульманских пленных [41, 290; 38, 343; 43, 162]. Возможно, именно признанием сюзеренитета султана объясним тот факт, что Жослен удержал под своим контролем часть территории графства Марашского с Кесуном. Ухудшение внешнеполитического положения графства Эдесского было использовано его бывшим союзником, эмиром Хисн Кайфы Артукидом Кара Арсланом. В конце 1149 г. он предпринял блокаду Каркара — центра небольшого армянского княжества на Евфрате, выше Самосаты. Для снятия блокады Жослен II послал к крепости небольшой отряд во главе со своим вассалом князем Каркара и братом армянского католикаса Григора Василом Пахлавуни, который потерпел поражение у ее стен. В плен к эмиру попали владельцы Каркара, Хисн Мансура, Гактай и «франк Махи из Кесуна». Хисн Мансур и Гактай были сданы Артукиду. Таким образом, к началу 1150 г. графство Эдесское утратило свои восточные районы. В начале мая 1150 г. сам граф попал в плен к туркменам и был выдан ими Нур ад дину. Заключив его в цитадель Алеппо, атабек захватил Азас. В то же время в конце мая на правобережье Евфрата вновь появились румские войска. 22 мая им был сдан Кесун, 25 мая — Бехесни, 3 июня — Рабан, после чего Масуд вновь осадил Тель Башир, но не смог взять крепость, защищаемую «сыном графа, его войсками и жи-

телями» [43, 165]. Параллельно войска Нур ад дина захватили расположенный южнее Тель Башира Тель Халид. Фактически начался раздел территории графства между султаном и атабеком, в котором приняли участие и Артукиды Диар Бакра, что в дальнейшем предопределило обострение отношений между ними в борьбе за наследие Жослена II. В этих условиях, стремясь получить еще оставшиеся под контролем графини Беатрисы крепости, Мануил Комнин направил к прибывшему в Антиохию Бодуэну III посольство, сопровождаемое воинскими контингентами. Послы предложили королю санкционировать покупку императором крепостей у укрывшейся в Тель Башире Беатрисы. После бурных дебатов знати Антиохийского княжества и Иерусалимского королевства и в отсутствие посланцев графини король согласился на продажу крепостей. Беатриса и ее дети получали ежегодные выплаты из византийской казны, достаточные для «достойного существования». В августе король, сопровождая посланцев василевса, направился к Тель Баширу, чтобы вывести из города население и семью графа. Гийом Тирский пишет, что, забрав эвакуируемых, король «передал страну грекам. Крепостями, которые оставались в то время во владении христиан, были Турбессел, Хантаб, Равендел, Ранкулат, Биле, Самосата и некоторые другие. Все они были переданы под власть греков» [31, 786]. На обратном пути король повел армию и эвакуируемых через Дулук и Айнтаб. Несмотря на просьбы приближенных отдать им Айнтаб, крепость была передана грекам. Однако из крепостей, которые по соглашению августа 1150 г. должны были перейти под контроль греков, реально им были переданы лишь Тель Башир и Айнтаб. Дулук попал в этот перечень лишь постольку, поскольку через него прошли войска короля, но о передаче его Гийом ничего не сообщает. Равендан был взят атабеком в августе 1150 г. Ранкулат-Ромкла была продана Беатрисой армянскому католику Григору между маем—августом 1150 г., хотя враждебно настроенный по отношению к нему яковитский патриарх и летописец Михаил Сириец сообщает о том, что Григор отнял крепость у наместника графа [41, 297]. Если Биле Гийома Тирского — это Пир, то, по данным Ибн аль Асира, он был отнят Нур ад дином у франков в 1151 г. [49, 481]. Дата не должна смущать, так как этим годом датирует он и пленение

Жослена II. Но если Пир был отнят у франков, а Бодуэн III с византийскими посланцами дальше Тель Башира не пошел, то грекам он сдан не был. Если же Биле — не Пир, а расположенная на Евфрате около Каркара крепость Бейт Буле, то она перешла в руки Артукида Кара Арслана еще в конце 1149 г. Таким образом, реально Мануил Комнин получил лишь Тель Башир и Айнтаб. По данным Гийома Тирского и Бар Эбрея, введенные в них византийские гарнизоны «смогли продержаться в крепостях лишь год», будучи полностью отрезаны от имперских владений в Равнинной Киликии [31, 789; 38, 445]. Восточные хронисты довольно подробно рассказывают о том, что летом 1151 г. против Тель Башира был послан полководец Нур ад дина Хасан аль Мамбиджи, которому 12 июля и был сдан город. Представители городской верхушки специально прибыли в лагерь атабека под Дамаск, чтобы договориться об условиях сдачи [52, 309; 43, 166; 51 б, 526—527]. Лишь Григор Ереци пишет, что Тель Башир был сдан гарнизоном [43, 166]. Как бы то ни было, Византия не только не смогла использовать в своих интересах резкое ослабление Антиохийского княжества после Инаба, но и не смогла удержать в своих руках то небольшое, что она купила у графини Беатрисы — Тель Башир и Айнтаб. Сам факт покупки свидетельствует об отступлении империи от всегда прокламировавшейся ею теории ойкуменизма, согласно которой власть василевса в пределах ойкумены была абсолютна, а вассальные правители-архонты управляли отдельными ее частями лишь с санкции василевса, имевшего право в любой момент лишить их этой власти и возвратить управляемые ими территории под свой прямой контроль, т. е. в состав Византии. На этом были основаны как Константинопольское соглашение 1097 г., так и последующие договоры империи с Антиохийским княжеством — 1108 и 1137 гг. Возможно, покупка крепостей была связана с тем, что в это время Византия была втянута в сложную дипломатическую и военную борьбу на западе. Весной 1149 г., ведя военные действия против Сицилийского норманнского королевства и стремясь укрепить союзные отношения с Конрадом III, Мануил выдал замуж за его сводного брата, герцога Баварии и маркграфа Австрии Генриха, свою племянницу Феодору. Сам Мануил весну и лето 1149 г. был занят возвращением захваченного

ранее норманнами о. Корфу, затем — войной с Сербией, за спиной которой стояла Венгрия. Параллельно Рожер II продолжал усилия по сколачиванию антивизантийского союза с Францией. Бернар Клервосский через Оттона Фрейзингенского убеждал Конрада III разорвать союз с Мануилом. К началу 1150 г. Византия столкнулась с перспективой создания враждебной ей коалиции в составе Сицилии, Франции и папства, к которой могли присоединиться Сербия и Венгрия. Летом 1150 г., когда решалась судьба графства Эдесского, Мануил был вынужден обратить основное внимание на Балканы, где уже осенью начались военные действия против Сербии и Венгрии, завершившиеся поражением Сербии. Жупан Урош признал себя вассалом императора и обязался представить ему войска: две тысячи воинов для борьбы с врагами империи на Балканах и пятьсот — для борьбы на востоке. Однако поражение Сербии привело к открытому вмешательству в борьбу на Балканах Венгрии. В 1151 г. началась византийско-венгерская война. Смерть Конрада III в феврале 1152 г. положила конец «союзу двух империй». В этих условиях ближневосточные проблемы надолго отошли на второй план внешней политики Византии, что во многом предопределило прогрессирующее ослабление позиций империи на Ближнем Востоке, где на протяжении 50-х годов XII в. она утрачивает не только влияние на судьбы государств крестоносцев, но и территорию Равнинной Киликии, вошедшую в состав постепенно усиливавшегося княжества Рубенидов.

После битвы при Инабе внешнеполитическое положение государств крестоносцев резко ухудшилось. Ослабление Антиохийского княжества и гибель графств Эдесского и Марашского привели к резкому изменению соотношения сил между самими государствами крестоносцев, где лидирующую роль приобрело менее пострадавшее Иерусалимское королевство. Но претензии Бодуэна III на сюзеренитет над остальными франкскими владетелями Ближнего Востока в дальнейшем неминуемо должны были столкнуть его с Византией. Пока же внутривосточные позиции короля были слишком слабы для того, чтобы активно вмешаться в дела Антиохийского княжества, которым как регентша при малолетнем сыне Боэмунде III правила двадцатилетняя вдова Раймунда де Пуатье Констанция.

После смерти Фулько Анжу 13 ноября 1142 г. королевством продолжала править Мелисенда, как наследница отца — Бодуэна II. Ведущую роль при ее дворе приобрела группировка феодалов, возглавляемая ее двоюродным братом Манасси, получившим пост коннетабля и удачно женившимся на вдове сира Рамлы Бальяна д' Ибелина Хельвис [31, 779—780; см. также 238, 116]. Недовольные всемоуствием временщика, бароны королевства объединились вокруг Бодуэна III, который с 1148 г. все активнее действует на международной арене, участвуя во втором крестовом походе, а затем в решении судеб графства Эдесского. Разрыв между группировками был неизбежен, и борьба между ними началась вокруг вопроса о коронации Бодуэна III как соправителя матери, так как в случае коронации сына ей

пришлось бы разделить с ним власть. Как следствие, утратила бы монопольное влияние при дворе и поддерживавшая Мелисенду группировка коннетабля Манасси, опиравшаяся на крупнейших вассалов короны. Обострение отношений сторонников матери и сына началось уже с конца 40-х годов, когда в ответ на призыв короля выступить на помощь Антиохийскому княжеству вассалы Мелисенды открыто отказались ему повиноваться. Поэтому и приобрел столь принципиальное значение вопрос о коронации Бодуэна III. Вассалы королевых-матери и католический клир потребовали, чтобы она была вторично коронована одновременно с сыном. В пользу этого высказался и патриарх Фульшер. Сторонники Бодуэна III во главе с Онфри Торонским смогли организовать его коронацию 30 марта 1152 г., после чего король потребовал от матери передачи ему реальной власти в домене [31, 779—781]. Вынужденная согласиться, Мелисенда потребовала выделения ей территории с Иерусалимом и Навплузой и добилаь этого. Король получил лишь Тир и Акру. Фактически решался вопрос о судьбе королевства, которому угрожала опасность распада на два удела. К тому же часть сторонников короля оказалась держащей свои феодалы от королевых, например Онфри Торонский. Поэтому под предлогом роста внешней опасности Бодуэн потребовал от матери передачи ему Иерусалима и Навплузы, «чтобы защитить их от турок». Отказ королевых привел к вспышке военных действий, которые, несмотря на свою скоротечность, отличались ожесточенным характером. Королева попыталась организовать оборону Навплузы, тогда как Бодуэн III осадил коннетабля Манасси в его замке Мирабель около Яффы. Манасси был вынужден сдаться на милость победителя и был отпущен на запад при условии, что он никогда более не ступит на землю Палестины. Затем после непродолжительной осады король захватил Навплузу. Мелисенда ранее бежала в Иерусалим с младшим сыном, графом Яффы Амори, и укрылась в городской цитадели — башне Давида. Известие о падении Навплузы ослабило партию королевых. Ее сторонники стали переходить в лагерь сына, войска которого, беспрепятственно войдя в Иерусалим, начали осаду цитадели. Попытка патриарха примирить враждующие стороны на условиях сохранения Мелисендой ее владений была безуспешна. Поэтому

королева была вынуждена начать переговоры и сдала сыну башню Давида, сохранив Навплузу [31, 782—783; 191, Т. 2, 315—320; 251, т. 1, 401; 264, Т. 2, 333; 238, 165—171, 178—181]. Гражданская война длилась недолго, с 30 марта по 22 апреля 1152 г., но последствия ее были существенны. Несмотря на поражение в борьбе за власть, королева сохранила значительное влияние на государственные дела, что наглядно продемонстрировали последующие события. Это закономерно, учитывая, что Бодуэн III обладал правами на престол именно по линии матери, объявленной королевой Иерусалима еще Бодуэном II.

Приход к власти Бодуэна III по времени совпал со значительными изменениями в составе правящей верхушки государств крестоносцев, где один за другим сходили с политической арены представители второго поколения их правителей. После гибели в 1149 г. Раймунда де Пуатье в 1152 г. при загадочных обстоятельствах погиб и граф Триполи Раймунд II. Распри графа с женой — сестрой королевы Мелисенды Годиерной приняли столь острый характер, что королева с сыном лично прибыла в Триполи в попытке примирить супругов. Однако она была вынуждена увезти сестру в Иерусалим, оставив в Триполи сына. Сразу же после проводов жены граф был убит в городских воротах в присутствии вассалов короля. И хотя Гийом Тирский приписывает убийство исмаилитам-ассасинам [31, 791], а Р. Груссе полагает, что у Годиерны не было причин избавляться от мужа [191, Т. 2, 315 п. 52], но именно она стала регентшей при малолетнем Раймунде III с санкции Бодуэна III и его матери. Таким образом, почти одновременно в Антиохийском княжестве и графстве Триполи пришли к власти несовершеннолетние правители при регентстве матерей, одна из которых была теткой короля, вторая — его двоюродной сестрой. Р. Груссе пытается объяснить дальнейшую политику короля высшими интересами государств крестоносцев, выразителем которых он якобы являлся. Однако правомернее признать, что король действительно стремился поставить остальные франкские государства под свой жесткий контроль, используя все возможные средства. Наиболее показательна в этой связи политика Бодуэна III в отношении Антиохийского княжества.

После гибели Раймунда де Пуатье при Инабе, по

словам Иоанна Киннама, Констанция «тотчас же себя и антиохийские дела вверила василевсу». По-видимому, Констанция обратилась к Мануилу, помня о судьбе своей матери, отстраненной от регентства баронами при поддержке короля Иерусалима. К тому же по условиям договоров 1108 и 1137 г. княжество было связано вассальными отношениями с Византией, что было подтверждено Раймундом во время его вынужденного визита в Константинополь в 1145 г. Поэтому вполне возможно, что княгиня стремилась опереться на империю в борьбе за регентство при своем сыне Боэмунде III. «Василевс послал в Антиохию кесаря Рожера, чтобы он вступил в брак с Констанцией. Но она, передумав, по общему совету антиохийцев, соединилась в браке с каким-то Райнальдом, ибо антиохийцы опасались, как бы им не пришлось платить ромеям дань, если эта женщина выйдет замуж за Рожера» [4, 196]. Отправка в Антиохию кесаря Рожера как возможного жениха княгини должна была усилить здесь византийское влияние. Фактически началась борьба за контроль над княжеством между Мануилом и Бодуэном III, ибо король также предпринял попытку выдать Констанцию замуж за одного из своих вассалов, что несомненно укрепило бы его позиции в Антиохии. Констанции были предложены последовательно кандидатуры Ива де Несля, Готье де Сен Омера, Рауля де Мерло, присутствовавшего, кстати, при убийстве Раймунда II в Триполи. После отказа княгини король собрал в Триполи специальную ассамблею своих вассалов — иерусалимских баронов и прелатов для решения судеб антиохийского престолонаследия. Это было нарушением статуса княжества, которое не являлось феодалом короля и было независимо со времен получения Боэмундом Тарентским княжеского титула от патриарха Даимберта, действовавшего как легат папы. На ассамблее Констанция подверглась давлению со стороны теток — королевы Мелисенды и графини Годьерны, принуждавших ее согласиться на «иерусалимский» брак [31, 790]. Присутствовавшие не могли не знать, что, вмешиваясь в дела Антиохийского княжества, Бодуэн III нарушает и права Мануила Комнина как сюзерена князя Антиохии. В то же время часть антиохийских баронов была против «иерусалимского» брака, понимая, что это усилит позиции короля в ущерб их собственному влиянию в кня-

жестве. Гийом Тирский пишет, что против брака был и патриарх Антиохии Аймери, тайно поддерживавший Констанцию [31, 790—791]. Позиция патриарха вполне ясна: он был противником любой сильной светской власти в княжестве, так как ее отсутствие усиливало его влияние, что наглядно продемонстрировали события 1130—1135 гг. Тем не менее решающую роль в последующих событиях, несомненно, сыграло мнение антиохийских баронов, не желавших подчинения княжества ни Византии, ни Иерусалиму. Поэтому в начале 1153 г. княгиня вышла замуж за прибывшего на восток с Людовиком VII Райнальда Шатильона, хотя ранее обязалась не вступать в брак без разрешения короля [31, 802]. Брак был заключен до мая 1153 г., так как этим месяцем датирована хартия, данная Райнальдом как князем Антиохии венецианцам [31, 72, № 282]. До этого князь лично ездил к осаждавшему Аскалон Бодуэну III просить утверждения его брака с Констанцией. Таким образом, дипломатическая борьба вокруг судеб Антиохийского княжества завершилась поражением Византии. Хотя и сохранял силу договор 1137 г., подтвержденный в 1145 г., фактически Райнальд стал князем Антиохии без санкции императора. Но и победа Бодуэна III, если рассматривать в качестве таковой водворение Райнальда в Антиохию, оказалась мнимой. Новый князь уже в это время в своей внешней политике менее всего был склонен считаться с интересами короля, временами прямо действуя вопреки им. Так, в 1154 г. началась борьба за власть в княжестве между Райнальдом и патриархом Аймери, завершившаяся заключением последнего в цитадель Антиохии [31, 816]. Лишь специальные посланники короля епископ Акры Ферри де Рош и канцлер королевства Рауль смогли добиться освобождения патриарха из заточения и увезли его в Иерусалим, где он оставался до 1160 г. Текст послания короля, переданного тогда князю, свидетельствует о том, что Бодуэн III пытался диктовать Райнальду свою волю как вассалу. Как бы то ни было, ухудшение отношений с королем отнюдь не укрепило внешнеполитических позиций князя, не урегулировавшего своих отношений и с императором. Византия в это время вела борьбу с Сербией и Венгрией. Как следствие, она неуклонно утрачивала свои позиции на Ближнем Востоке, и в частности в Равнинной Киликии,

отвоевание которой начал в это время Торос II Рубенид. Назначенный стратигом в «Тарс и Мопсуэстию» двоюродный брат Мануила Андроник Комнин прибыл в страну и, «так как Торос имел местопребывание в Мопсуэстии, со всем своим войском приступил к осаде этого города». В сражении у стен Мопсуэстии византийская армия была наголову разбита. В плен к Торосу попали воевавшие на стороне империи как ее вассалы владетели Ламбронна (Ошин), Бардрзберда (Васил), Праканы (Тигран). Погиб владетель Паперона Смбаг [43, 168]. Все они либо сохранили свои владения после аннексии Иоанном II княжества Рубенидов, либо получили их от Византии, как, например, князь Тигран (Пракана-Прака была захвачена султаном Масудом в 1143 г. и возвращена им Маунилу в 1146 г.). Причем все эти княжества протянулись цепью вдоль Киликийского Тавра, отделяя Горную Киликию от ее равнинной части, принадлежавшей империи. Таким образом, и здесь империя создала или воссоздала, сохранила буферные образования, отделявшие ее владения от враждебного ей княжества Рубенидов. Они-то и были поставлены под контроль Тороса II после битвы при Мопсуэстии, так как Ошин уплатил огромный выкуп и согласился на брак своего сына и наследника с дочерью Тороса. Таким образом, в политическом плане плоды победы при Мопсуэстии были очень значительны для князя, который не только захватил принадлежавшие Византии районы Равнинной Киликии, но и разрушил ограждавшую их систему буферных княжеств. Византия сохранила лишь районы Тарса и Аданы. Изменение соотношения сил в этом районе ставило под угрозу коммуникации, связывавшие Византию с государствами крестоносцев, как, впрочем, и позиции империи на Ближнем Востоке в целом. Не имея достаточных сил для возвращения Равнинной Киликии, Мануил в 1153 г. спровоцировал нападение на княжество Рубенидов султана Рума Масуда, послав ему «значительные суммы с тем, чтобы он напал на Тороса» [43, 169]. Румские войска вторглись в Киликию. Султан предложил князю вернуть империи захваченные города и статус ее вассала. По-видимому, Торос пошел на признание сюзеренитета султана, отказавшись вернуть Византии захваченные ранее районы. Таким образом, попытка империи использовать военные силы Рума для восстанов-

ления своих позиций в Киликии не удалась. Поэтому в конце 1153 г. Мануил был вынужден обратиться к не признанному им в качестве князя Антиохии Райнальду Шатильону, пообещав ему выплаты из казны и признание в качестве владетеля Антиохии. Внешнеполитическое положение княжества в данный период было очень сложным. Падение Эдессы (1144), битва при Инабе (1149), присоединение Дамаска (18 апреля 1154 г.) окончательно изменили соотношение сил в Сирии в пользу Нур ад дина, окружившего государства крестоносцев своими владениями. В этих условиях признание со стороны Византии существенно укрепляло как внешние, так и внутривосточные позиции князя. В конце 1153 г. Райнальд потребовал, чтобы Торос «отдал укрепленные места, которые армяне отняли у греков... потому что эти крепости некогда были отняты греками у франков» [31, 834]. По Гийому Тирскому, захваты Тороса в Киликии вызвали недовольство Мануила, но так как этот район находился далеко от империи, василевс «написал Райнальду Антиохийскому, с тем чтобы тот послал своих рыцарей изгнать Тороса из земель империи и чтобы владения ее киликийских подданных были ограждены от его набегов», обещая взамен предоставить князю «достаточные суммы» [31, 835]. По-видимому, обращение василевса к Райнальду следует рассматривать как признание его в качестве князя Антиохии если не юридически, то фактически. Но столкновение его с Торосом было результатом отнюдь не византийской интриги и обещания ему «изрядных сумм». Как и ранее, империя использовала противоречия двух государств, дабы, поддержав одно из них, ослабить другое, в данный период представлявшее большую опасность для интересов Византии в этом районе. Райнальд потребовал от Тороса возвращения тамплиерам отвоєванных Рубенидом пограничных замков, важнейшим из которых был Гастин-Баграс, прикрывавший Портеллу — проход между берегом моря и Аманским хребтом, и Бейланский проход в горах Амана, связывавший Сирию с Киликией¹. В битве при Александретте армия Рубенида была разбита², спорные территории возвращены тамплиерам, которые обязались «помогать армянам во всех случаях и защищать их вплоть до смерти» [41, 303]. Но дальнейшая борьба с княжеством Рубенидов не входила в планы князя Антиохии, так как

его дальнейшее ослабление привело бы к восстановлению и укреплению имперского влияния у границ Антиохийского княжества. Поэтому под предлогом того, что Византия не выплатила обещанных сумм, до мая 1154 г. Райнальд заключил мир с Торосом³. Довольно скоро отношения двух государств приобрели союзнический характер, причем с ярко выраженной антивизантийской направленностью.

Поэтому вскоре, когда султан Рума вновь оказался в Месопотамии, у границ княжества Рубенидов, к нему было направлено византийское посольство, привезшее Сельджукиду деньги и предложившее ему совершить второй поход против Тороса II. Румская армия вторглась на территорию княжества и, пройдя мимо укрепленных Мопсуэтии и Аназарбы, 27 мая 1154 г. осадила Тил Хамдун. Полководец султана Якуб совершил набег на территорию Антиохийского княжества, но был разбит отрядом брата Тороса Степане и его союзниками тамплиерами у Портеллы [43, 171]. В то же время сам Торос совершил набег на владения Масуда в Каппадокии, что и вынудило султана отвести войска. Смерть Масуда в 1155 г. лишила Византию возможности использовать Рум против княжества Рубенидов.

Между тем процесс ослабления византийского влияния на Ближнем Востоке продолжался, свидетельством чего явился совместный набег Райнальда Шатильона и Тороса II на византийский о. Кипр (1156). Остров был разграблен. Племянник Мануила Иоанн и дука Михаил Врана были взяты в плен. Союзники захватили Никосию, «застав врасплох жителей... Они рассматривали их как неверных, грабили их города и деревни, изгоняли из домов, отнимали их богатства, избивали население» [43, 187; 31, 835; 41, 303; 4, 196]. Пленные были уведены в Антиохию. Таким образом, империи не удалось сделать Райнальда Шатильона орудием своей политики на Ближнем Востоке. Более того, воспользовавшись ее дипломатической поддержкой, в столкновении с Торосом II князь реализовал свои собственные планы, ни в коей мере не связанные со стремлением Византии восстановить свои позиции в Равнинной Киликии.

Между тем после присоединения Дамаска Нур ад-дин стал единственным противником государств крестоносцев, окружив их своими владениями. Как следствие, они все более нуждались в помощи извне, будь то по-

мощь Запада или Византии. В этих условиях набег князя Антиохии на Кипр вызвал резкое недовольство короля Иерусалима, все более заинтересованного в военной помощи империи. Это, в свою очередь, привело к резкому же обострению отношений Бодуэна III с Райнальдом Шатильоном, что наиболее ярко проявилось в 1157—1159 гг. В это время Нур ад дин начал все более активно вмешиваться во внутривосточную борьбу в халифате Фатимидов Египта и после смерти Масуда — в Румском султанате, отняв у наследника Масуда Килич Арслана II территории графств Эдесского и Марашского и заключив союз с противником Сельджукида эмиром Севастии Якуб Арсланом (начало 1155 г.). Успехи атабека в Приевфратье, где он захватил часть владений умершего в конце 1152—начале 1153 г. Артукида Тимурташа, стали возможны благодаря тому, что он смог заключить годичное перемирие с франками. Угроза, исходившая от Нур ад дина, вынудила и Килич Арслана II искать союза с франкскими владетелями. В октябре 1157 г. он направил посольства к владетелям Антиохии и Иерусалима, а также к Торосу II в Киликию, предложив им заключить союз против «сына Зенги». К этому времени франки собственными силами предприняли попытку отвоевать у атабека ряд пограничных крепостей. Летом 1157 г. в Сирии разразилось катастрофическое землетрясение, разрушившее многие города, в том числе и Шейзар, под руинами цитадели которого погибли все Мункидиты. Нур ад дин захватил руины города, когда к ним подошла армия франкских владетелей. Раймунд III, Райнальд Шатильон и прибывший с запада Тьерри Фландрский собрались у Крак де Шевалье, затем неудачно осаждали Шастель Руж. Не преуспев в этом, узнав о болезни атабека, увезенного в цитадель Алеппо, союзники двинулись к Шейзару. В ожидании смерти Нур ад дина его сподвижники — наместники Хомса (Ширкух) и Дамаска (Эйюб) не предприняли никаких мер против младшего брата атабека Нусрат ад дина Амира Мирана, успевшего захватить Алеппо и начавшего осаду цитадели, в которой находился Нур ад дин. Воспользовавшись усобицей, франки осадили цитадель Шейзара, призвав на помощь Тороса II. Тотчас же началась борьба за право владения Шейзаром между Райнальдом Шатильоном и зятем Бодуэна III, неудачливым претендентом на Дамаск

Тьерри Фландрским. Райнальд заявил, что «Шейзар и его окрестности составляли с самого начала часть наследия князя Антиохии. Следовательно, кто бы ни владел им, он должен принести ему клятву верности как своему сеньору» [31, 849]. Но граф отказался принести вассальную присягу князю Антиохии или его пасынку Боэмунду III, заявив о своей готовности признать сюзеренитет Бодуэна III, что поставило бы Шейзар под власть последнего. В конечном счете это привело к дальнейшему ухудшению отношений князя Антиохии с королем Иерусалима и к снятию осады цитадели Шейзара. Лишь в январе 1158 г. союзники, к которым присоединился Бодуэн III, достаточно успешно действовали против одной из пограничных крепостей, ранее принадлежавшей Антиохийскому княжеству, так как после ее захвата крепость (возможно, Харим) была возвращена Райнальду Шатильону. На этом военные действия в Сирии и завершились. Кампания 1157—1158 гг. показала, что силами государств крестоносцев, даже с привлечением сил княжества Рубенидов, достичь существенных успехов в восстановлении их позиций в Сирии без прямой вооруженной конфронтации с Нур ад дином невозможно. Поэтому, по-видимому, еще до кампании 1157—1158 гг. Бодуэн III вступил в дипломатические контакты с Византией. В сентябре 1157 г. в Константинополь было направлено иерусалимское посольство, возглавляемое архиепископом Назарета Аттардом и коннетаблем Онфри Торонским, которое от имени короля просило у императора руки одной из его племянниц. Мануил согласился на брак, и через год, после прибытия в Константинополь второго иерусалимского посольства, осенью 1158 г. в качестве невесты Бодуэна III на восток была отправлена тринадцатилетняя дочь севастократора Исаака Феодора. По условиям брачного контракта она приносила супругу в качестве приданого огромные суммы, получая во вдовью часть Акру [см. 31, 856]. В сентябре 1158 г. в отсутствие патриарха Иерусалима (Амори де Несль еще не был утвержден папой) беглый патриарх Антиохии Аймери совершил в Тире обряд бракосочетания принцессы с королем [31, 857—858].

Отъезд Феодоры в Палестину по времени совпал с началом давно готовившегося киликийского похода императора. Среди причин похода византийские и латин-

ские авторы называют захват Торосом II городов Равнинной Киликии и разграбление им совместно с Райнальдом Шатильоном Кипра [4, 196; 14, 129; 31, 859]. По-видимому, в плане дипломатического обеспечения похода и следует рассматривать переговоры императора с королем Иерусалима и его согласие на брак Бодуэна III с Феодорой Комниной, знаменовавший установление более тесных контактов между Византией и Иерусалимским королевством. Григор Ереци пишет, что «в этой связи император обещал королю лично прийти на помощь Иерусалиму и христианам, что он не замедлил сделать» [43, 186]. Пока же, используя противоречия короля с князем Антиохии и заключив союз с первым, империя в известной степени изолировала второго.

Непосредственными целями похода Мануила явились восстановление как власти Византии в Равнинной Киликии, так и имперского сюзеренитета над Антиохийским княжеством. Союз владетелей Антиохии и Киликии делал комплексное решение этой проблемы первоочередной задачей императора. Победив в сражении на территории Фригии сельджуков, в сентябре — октябре 1158 г. Мануил «направился в Киликию, между тем как делал вид, что ведет борьбу с персами. Посредством этого он намеревался напасть на Тороса, когда тот не будет подозревать об этом» [4, 197].

Оставив часть армии в Атталии, император быстрым маршем повел главные силы к Селевкии, где полководец Алексей Кассиан должен был собрать фемные отряды. Захватить Тороса II врасплох не удалось, так как князь был предупрежден о выступлении императора латинскими паломниками и успел вывезти семью и казну в горы. В горы была уведена и армия, перекрывшая ущелья. Сам князь укрылся в крепости Бардрзберд [43, 187; 31, 859]. Мануилу без сопротивления были сданы Ламос, Кистрам, Аназарба, Лонгиниада, Тарс и Тил Хамдун.

С захватом последнего византийская армия вышла на границу Антиохийского княжества. Уже после падения Тарса, захваченного Феодором Ватацем, «Торос и князь Райнальд никак не осмеливались направить к василевсу послов, ибо знали за собой великие преступления, но послали просить некоторых его родственников, чтобы они склонили самодержца к милости. Когда же и родственники не достигли своей цели, Райнальд, от-

чаявшись во всем, обещал сдать василевсу антиохийский акрополь, если он забудет о его злых делах. При этом Райнальду было известно, что антиохийский архиерей, сидевший в Иерусалиме (патриарх Аймери. — В. С.), питает к нему недовольство и вражду. Он уже не раз посылал к василевсу и предлагал ему выдать этого человека» [4, 200; ср. 31, 860].

Положение князя было предельно сложным. Его отношения с королем Иерусалима приобрели открыто враждебный характер. У Бодуэна III укрылся ушедший, точнее, изгнанный из Антиохии патриарх Аймери, наложивший на город интердикт. А так как и в изгнании патриарх продолжал играть активную политическую роль, действуя с санкции короля, то его предложение выдать Райнальда императору свидетельствует о непрочности позиций князя в Антиохии. В этих условиях Райнальд счел за благо капитулировать перед Мануилом, послав к нему епископа Лаодикий Жерара, а затем и лично, «во главе толпы монахов пройдя через весь город, предстал перед государем с веревкой на шее и с мечом в левой руке». В одеянии кающегося грешника князь стал одним из главных действующих лиц спектакля примирения с императором, зрителями которого были послы Нур ад дина, Данышменда Якуб Арслана, «авазгов, иверийцев, палестинцев и армян, живших за исаврами». Райнальд «клятвами утвердил как многое другое, чего желалось василевсу, так и то, чтобы в Антиохию по древнему обычаю архиерей был посылаем из Византии» [4, 201; 31, 862].

Таким образом, появление византийской армии у границ Антиохийского княжества вынудило Райнальда вспомнить об условиях соглашения 1137 г. и предложить Мануилу сдать ему цитадель города. Вследствие личной встречи с императором князь признал себя его вассалом и согласился, опять-таки по условиям предыдущих договоров, впустить в Антиохию сидевшего на Кипре титулярного греческого патриарха. Это стало возможным в отсутствие врага Райнальда латинского патриарха Аймери и было до некоторой степени направлено против него. Церемония покаяния князя Антиохии в присутствии послов соседних государств в лагере императора при Мопсуэстии должна была продемонстрировать могущество Византии. К сожалению, внешняя сторона событий заслонила от хронистов их суть. Лишь вскользь

упоминает Иоанн Киннам, что Райнальд обязался **вы-**ставлять по требованию императора определенное количество войск [4, 205], что свидетельствует о том, что **вассальные обязательства Райнальда стали шире по отношению к империи, чем у его предшественников.** **Выполнение всех условий соглашения:** сдача цитадели, принятие греческого патриарха, поставка войск — ставило князя в большую зависимость от императора. Показательно, что на этот раз были сняты все территориальные статьи соглашения, нереалистичность которых (отвоевание Хомса, Хамы, Алеппо и Шейзара) стала очевидной.

В данном аспекте соглашение 1158 г. более учитывало реальную политическую ситуацию в Сирии, чем предшествующие. На этот раз император стремился теснее привязать князя отношениями зависимости, усилить византийское влияние, не ставя широкомасштабных задач немедленного захвата Антиохии и перемещения князя как вассала империи на территории, которые лишь теоретически могли быть отвоеваны у Нур ад дина. В послании Людовику VII Мануил назвал бывшего ранее вассалом короля Райнальда «одним из главных архонтов империи» [160, 446, п. 1].

И в то же время капитуляция князя явилась следствием не столько военной мощи империи (после быстрого захвата Киликии, впрочем, мало защищаемой Торосом, сомневаться в ней нет оснований), сколько опыта византийской дипломатии. Она смогла использовать внешнеполитическую ситуацию (изоляцию Райнальда, его внутрисполитические трудности) и, заключив соглашения с его противниками — Бодуэном III и, по-видимому, Аймери, не применяя военной силы, принудить князя признать имперский сюзеренитет. Киннам пишет, что Бодуэн III также стремился использовать появление Мануила на востоке в своих интересах и посредством соглашения с императором получить Антиохийское княжество даже на условиях признания византийского сюзеренитета. «Задумав властвовать над Антиохией, но не зная, как овладеть ею, пока не было известно ему, что случилось с Райнальдом, Бодуэн советовал василевсу не выпускать этого человека из рук, чтобы таким образом после низложения его подчинить себе антиохийцев, так как он либо спас бы их, либо, если они откажутся подчиниться тому и другому, тем не менее

повелевать ими» [4, 202]. Письмо Мануилу с данными предложениями было доставлено иерусалимским посольством еще до того, как на пути к Мопсуэстии король появился в Антиохии [31, 861], где в обстановке неуверенности и страха ему было нетрудно внушить горожанам и баронам, «что он прибыл сюда из Палестины для их пользы и что они обязаны ему великой благодарностью. Когда же антиохийцы подтвердили его слова, он вновь стал просить василевса о свидании с ним» [4, 202].

Вопреки рассказу официального историографа королевства Гийома Тирского, о многом умалчивавшего [31, 861—862], Киннам пишет, что Мануил «понял намерения этого человека» и поспешил принять от Райнальда вассальную присягу [4, 202]. То есть византийская дипломатия использовала претензии Бодуэна III на Антиохию, о которых явно было сообщено князю, чтобы поторопить его с капитуляцией. И действительно, условия договора 1158 г. в той его части, о которой так или иначе сообщают современники, были тяжелее для князя, нежели условия предшествующих соглашений. Они быстро стали известны в Антиохии, вызвав недовольство горожан. И вслед выехавшему к Мопсуэстии Бодуэну III было отправлено антиохийское посольство к Мануилу с просьбой о снижении численности войск, «которыми обязывались помогать самодержцу... и относительно архиерея». И если по ходатайству короля численность войск была сокращена («и малая дружина... есть достаточное свидетельство служебной покорности» [4, 205]), то вопрос о принятии греческого патриарха император пересмотреть отказался.

В целом, исследователями принята трактовка данных событий, предложенная Ф. Шаландоном. Спорным остается лишь статус короля Иерусалима. Ф. Шаландон полагал, что Бодуэн III действительно стремился получить Антиохию из рук императора [160, 443]. Р. Груссе писал, что даже если бы Райнальд «был низложен византийцами, то король не смог бы аннексировать Антиохию, не смог бы уничтожить ни юного Боэмунда, законного наследника княжества (Райнальд Шатильон был не более чем регентом, принцем-консортом приданного Констанции), ни саму Констанцию. События 1160 г. должны были это доказать» [191, Т. 2, 401]. Действительно, речь здесь могла идти не столько о передаче

Бодуэну власти князя Антиохии, сколько о признании его регентом при малолетнем Боэмунде III. Благо, такие прецеденты были значительны, ибо дед короля Бодуэн II был регентом княжества с 1119 по 1126 г., а его отец Фулько Анжу — с 1130 по 1136 г. Значение регентства в Антиохии, как института, усиливавшего власть королей Иерусалима в рамках государств крестоносцев, убедительно показал Г. Э. Майер [239, 139—147].

К сожалению, источники дают незначительную информацию для решения вопроса о характере отношений Мануила Комнина с Бодуэном III. Из Антиохии король направил в ставку императора второе посольство, возглавляемое его братом Амори, графом Яффы и Аскалона, аббатом церкви Гроба Готфруа и Жосленом Писселем [31, 861]. Навстречу королю Мануил направил своих «племянников» — протосебаста Иоанна Комнина и Алексея Аксуха. Рассматривая вопрос о статусе Бодуэна III после оформления его отношений с императором, Ф. Шаландон и А. А. Васильев полагали, что во время свидания при Мопсуэстии король признал сюзеренитет василевса ромеев [160, 447—449; 273, 257—264], тогда как Р. Груссе и Дж. Ла Монт отрицали это, приписывая королю роль посредника на переговорах императора с князем Антиохии [191, Т. 2, 407; 219, 80—81]. Но роли этой Бодуэн III не мог играть уже потому, что прибыл под Мопсуэстию после капитуляции Райнальда Шатильона. Не склонный адекватно освещать события, если это умаляет достоинство его сюзерена — короля Иерусалима, Гийом Тирский пишет, что Бодуэн III получил от Мануила значительные суммы денег и обязался по договору предоставить ему определенное количество войск [31, 862—863]. Но аналогичные обязательства брали на себя жупан Сербии, султан Рума и князь Антиохии, чей вассалитет де-юре в отношении императора несомненен. Смбат Спарапет сообщает, что Мануил вручил Бодуэну III диадему [46, 45]. Все это свидетельствует в пользу того, что во время встречи при Мопсуэстии король признал сюзеренитет императора, хотя степень его зависимости могла быть и меньшей, нежели Райнальда. Анализируя терминологию Гийома Тирского, характеризующую отношения Бодуэна III с Мануилом [31, 861], Р. Груссе полагает, что «это больше похоже на выражения, присущие вассалу в отношении сюзерена, чем племяннику к дяде», но, вопреки этому, заключает: «От-

ношение короля к императору не дает оснований для подобной интерпретации» [191, Т. 2, 404]. Р. Груссе полагает, что «пребывание Бодуэна у Мануила Комнина при Мамистре, последовавшее за его браком с племянницей столь могущественного василевса, отметило дипломатический триумф короля Иерусалима и, вероятно, даже дипломатический апогей истории франкской Сирии. Скрепленное единством фамилий франкского королевства и Византийской империи... не было ли это единение в состоянии остановить турецкий реванш?» [191, Т. 2, 405]. На наш взгляд, оснований для столь оптимистической оценки событий нет. Противоречия между союзниками были достаточно сильны и связаны с диаметральной противоположностью их внешнеполитических устремлений. Если империя стремилась поставить под свой контроль франкские государства Сирии и Палестины, применяя как дипломатический, так и военный нажим, то каждое из данных государств пыталось использовать военную мощь империи для достижения своих локальных целей, будь то отвоевание «соседних исмаилитских городов» или же санкции Византии на присоединение владений соседа, союзника, вассала. Но если зависимость Антиохийского княжества от Византии на протяжении 60-х годов XII в. постепенно росла, то отсутствие общей границы между империей и Иерусалимским королевством и тот факт, что к концу правления Мануила антиохийская проблема так и не была решена империей, привели к тому, что Византия так и не смогла воспользоваться прогрессирующим ослаблением королевства в 70—80-е годы для превращения его в орудие своей политики в данном районе. Тем не менее эволюция последующих отношений двух государств шла в сторону втягивания королевства в орбиту византийского влияния.

Показательно, что если в 1138 г. сюзеренитет Иоанна II признал граф Триполи [14, 34], то в 1158 г. Раймунд III уклонился от встречи с императором. Возможно, это было связано с тем, что вплоть до конца похода Мануил не мог решить киликийской проблемы. Торос II с армией укрылся в горах, и император так и не рискнул начать военные действия в Горной Киликии. По ходатайствам Бодуэна III, Райнальда Шатильона и тамплиеров Торос был «прощен» Мануилом, возможно, пройдя через церемонию, аналогичную той, которую претерпел

князь Антиохии [31, 862]. Киннам сообщает, что Торос «явился жалким просителем в лагерь ромеев. Приняв его, самодержец причислил его к ромейским подданным и наконец прекратил войну» [4, 206]. «Наведя ужас на этого человека, — отмечает Никита Хониат, — он не пошел далее и не стал по примеру Иоанна сражаться за обладание всей Арменией. Те же крепости, которые тот (Торос. — В. С.) покорил силой, он не потребовал и не отнял у властителя армян... Обманутый хитрыми и коварными речами Тороса, увлеченный обольстительными условиями союза, он повернул в сторону и прибыл в Антиохию» [14, 129—130]. Торос II получил инвеституру на Горную Киликию с Аназарбой, сан севаста, тогда как Равнинная Киликия к ноябрю 1158 г. вновь вошла в состав империи. Утверждение А. Бозояна о том, что после этого между 1159—1162 гг. Торос II «взял на себя обязанности правителя византийской провинции Киликия» [56, 13], являются домыслом, так как не подтверждаются сведениями источников и полностью противоречат практике, сложившейся в имперской провинциальной администрации.

Под Мопсуэстией Мануил оставался до начала 1159 г. Инфеодация Торосу II Горной Киликии отнюдь не была добровольным актом императора. Гийом Тирский отмечает, что «Мануил хотел захватить его крепости, которые были в горах», но не смог этого сделать [31, 862]. Между ноябрем 1158 — апрелем 1159 гг. император вступил в переговоры с атабеком Алеппо. Посол Нур ад дина находился в лагере Мануила при Мопсуэстии во время приема Райнальда Шатильона, после чего император отправил атабеку дары. «Тогда король Иерусалима, князь Антиохии, севаст Торос и братья (тамплиеры. — В. С.) решили обеспечить спасение христиан и, двинувшись со всеми своими контингентами, встали лагерем у Антиохии. Сверх того, король Иерусалима и другие князья убеждали императора греков постараться на благо христиан. Он дал им обещание, но без верности и без чистосердия. На самом же деле он намеревался войти в Антиохию, но не для того, чтобы сделать какое-нибудь полезное дело» [46, 45]. Киннам сообщает, что когда Мануил «захотел вступить в Антиохию, жители города стали опасаться, как бы силы ромеев, впущенные в него, не попытались изгнать их самих оттуда» [4, 206]. Но князь Антиохии был вынужден со-

гласиться с требованием императора. В город для организации триумфального въезда был отправлен логофет Иоанн Каматир. Над городской цитаделью Антиохии был поднят штандарт императора. Чтобы гарантировать безопасность Мануила от любых неожиданностей со стороны населения города, Каматир «потребовал, чтобы жители Антиохии дали ему в качестве заложников сыновей знатных фамилий» [43, 189; 4, 206]. После этого 12 апреля 1159 г. состоялся торжественный въезд императора в город. «Король, князь и граф Аскалона вышли ему навстречу вместе со всеми другими баронами королевства и княжества» [31, 863]. Мануила встречал и католический клир во главе с патриархом Аймери. Византийские авторы подробно описывают, как Мануил во всех регалиях верхом на коне, которого вел под уздцы, исполняя маршальскую службу, Райнальд Шатильон, въехал в Антиохию. Позади императора без знаков королевского достоинства ехал Бодуэн III. Императорский кортеж проследовал в центр города к кафедральному собору. Празднества длились восемь дней. Населению раздавали мелкую серебряную монету. Был организован рыцарский турнир, в котором принял участие и сам Мануил. Во время пребывания в городе, император, как сюзерен князя, обладал высшей юрисдикцией, что отметили современники [4, 207; 14, 137—138; 31, 863]. Учитывая сведения Григора Ереци о том, что «сыновья знатных фамилий» были взяты в залог лояльного поведения населения Антиохии, можно предположить, что описываемое византийскими авторами ликование горожан во многом было вынужденным. Триумфальный въезд Мануила в Антиохию имел скорее репрезентативное, нежели практическое значение, продемонстрировав современникам сюзеренные права императора на Антиохийское княжество. Но его реальные плоды были незначительны. Византийская армия так и не была впущена в цитадель города, хотя это и было предусмотрено соглашением 1158 г.

Появление византийской армии в Северной Сирии создавало потенциальную угрозу владениям Нур ад дина, тем более что атабеку не были известны намерения императора. Поэтому Нур ад дин принял меры предосторожности, укрепив пограничные крепости и эвакуировав ценности за Евфрат. Были приведены в состояние боевой готовности военные силы атабека и его вассалов

для отражения возможного вторжения византийской армии. И действительно, «король Иерусалима, князь Антиохии и другие правители пали к ногам Мануила, повелителя греков... убеждая его совершить поход против Нур ад дина и не заключать с ним соглашения». Когда же император отказался от похода под предлогом необходимости спешного возвращения в Константинополь, «впав в глубокую печаль, все молили его неотступно посвятить только три дня походу против Алеппо, после которого он мог бы заключить мир с мусульманами» [46, 47]. Но не желая воевать за интересы своих номинальных вассалов, Мануил отказался от похода. В то же время, уступая настояниям франкских владетелей, он направил к Нур ад дину посольство с заведомо невыполнимыми требованиями: возвратить всю территорию графства Эдесского, захваченные районы Антиохийского княжества и дать свободу пленным христианам. Первые требования были отвергнуты, но противники достаточно быстро урегулировали свои отношения на условии освобождения пленных (март 1159 г.) [176, 534]. Мануил явно не желал обострять отношения с Нур ад дином, учитывая, что у них был общий враг — султан Рума. Поэтому наиболее существенным пунктом подписанного соглашения было обязательство атабека «помогать самодержцу в войнах с азиатскими неприятелями», т. е. Килич Арсланом II [4, 208]. Среди пленников, получивших свободу, современники называют магистра тамплиеров Бертрана де Бланшафора и Бертрана Тулузского ([31, 864; 46, 48; 43, 192; 4, 208]. Соглашение вызвало резкое недовольство франкских владетелей, не успевших в том, чтобы в своих интересах столкнуть императора с атабеком. Отражая эти настроения, Смбат Спарапет пишет, что «храбрый император греков Мануил, который прибыл как могучий орел, возвратился как слабый лис» [46, 48]. Как бы то ни было, соглашение 1159 г. показало, что Византия отнюдь не отождествляет свои интересы с интересами государств крестоносцев и не собирается поступаться первыми ради вторых. Мануил менее всего был расположен воевать с Нур ад дином в пользу франкских владетелей, зная, что угроза со стороны атабека вынуждала их в той или иной степени признавать сюзеренитет императора. Отсюда Византия была заинтересована в сохранении неустойчивого равновесия сил на Ближнем Востоке, как фактора, опре-

деляющего степень ее собственного влияния в регионе.

На обратном пути из Сирии Мануил повел армию по так называемому диагональному пути, проходившему по территории Рума. Назревавший конфликт с Килич Арсланом, если верить Смбату Спарамету, был урегулирован при посредничестве Тороса II [46, 48]. В то же время, заключив перемирие с франками, Нур ад дин обрушился на владения своего брата Нусрат ад дина Амир Мирана, захватил Эдессу и Харран (12 июля 1159 г.), а затем вторгся во владения Килич Арслана II в Приевфратье и захватил Кесун, Рабан, Бехесни и Мараш. Атабек действовал исходя из собственных интересов, но объективно, в духе соглашения 1159 г. Ослабление Рума было выгодно и Византии, учитывая, что в конце 1159 г. Килич Арслан начал набеги на пограничные районы империи. Расширение театра военных действий вынудило Мануила обратиться за помощью к своим вассалам. В начале 1160 г. он «послал Иоанна Кондостефана в Палестину, чтобы переговорить с королем Бодуэном и привести оттуда силы, которые Бодуэн обещал ему в помощь в случае нужды, и, кроме того, собрать наемное войско. Такое же приказание было дано и тогдашним правителям Армении Торосу и Тиграну, киликийцу Хрисафию и так называемым Кокковасилиям, которые командовали военными силами и давно уже добровольно приняли подданство василевса» [4, 219]. Мануил заручился поддержкой и брата султана, владельца Анкиры и Гангр Шаханшаха, и владельца Севастии Якуб Арслана. Получив от Бодуэна III войска, Кондостефан на обратном пути через Малую Азию столкнулся с частью армии султана и неожиданно нанес ей поражение. Это вынудило Килич Арслана поторопиться с отправкой посольства к императору. Таким образом, Византия смогла использовать сама военные силы государства крестоносцев для решения своих малоазийских проблем.

Летом 1161 г. в ходе визита Килич Арслана в Константинополь он признал сюзеренитет Мануила и подписал мирный договор, неоправданно воспринятый в столице империи как триумф византийского оружия и решающий успех имперской дипломатии в деле умиротворения Малой Азии. Дальнейшие события показали, что договор был скорее поражением империи, ибо фактически предоставил Румскому султанату свободу рук в регионе, чем не преминул воспользоваться Килич Арслан,

сокрушивший Данышмендов и завершивший объединение Малой Азии в составе Рума. Вместе с султаном в Константинополе появился и беглый брат Нур ад дина Нусрат ад дин Амир Миран. Это разрушило союзные отношения империи с атабеком и лишило ее возможности совместных действий с Нур ад дином против Рума, в чем были заинтересованы обе стороны.

Договор 1161 г. в определенной степени отразился на ситуации, сложившейся в начале 60-х годов на Ближнем Востоке в целом и на позициях империи здесь в частности. Отношения Византии с государствами крестоносцев в данный период все более определялись растущей мощью Нур ад дина, вынуждавшей владетелей Антиохии и Иерусалима все чаще обращаться за помощью к Византии. В 60-е годы борьба за более тесные контакты с империей приобрела своеобразный характер, так как после смерти жены Берты-Ирины Зульцбахской Мануил начал переговоры о втором браке не на Западе и не на Балканах (его матерью была венгерская принцесса), а на франкском востоке. Выбор кандидатов был ограничен: либо сестра графа Триполи Раймунда III Мелисенда, либо одна из дочерей Констанции Антиохийской, Мария или Филиппа. Вокруг вопроса о втором браке Мануила и началась борьба между франкскими владетелями, известная нам по информации Гийома Тирского и Иоанна Киннама. Оба они предельно тенденциозны, но сопоставление их сведений дает более или менее достоверную картину происходивших событий.

Византийское посольство на восток, возглавляемое севастом Иоанном Кондостефаном и экскувитом Феофилактом [4, 230; 31, 872—873], отбыло весной — летом 1160 г. из Никеи через территорию Рума в Антиохию. Отсюда через Сяхем в Иерусалим [160, 517] Бодуэну III был доставлен хрисовул Мануила Комнина, в котором император уполномочил короля вести переговоры о его втором браке. Опасаясь, что антиохийский брак усилит византийское влияние в княжестве в ущерб его собственному, Бодуэн III предложил Мануилу руку своей двоюродной сестры Мелисенды. И хотя в империи не спешили с окончательным ответом, в Иерусалиме и Триполи были настолько уверены в том, что он будет положительным, что в хартии Бодуэна III от июля 1161 г. Мелисенда названа императрицей Константинопольской [32, 67, № 366]. Раймунд III в течение года готовил

флот из двенадцати галей, свадебные дары и свиту для отправки сестры в Константинополь. Византийские послы оставались в Триполи, ожидая инструкций из столицы империи. Но трипольский брак был обречен еще с ноября 1160 г., когда в Византии стало известно о пленении Нур ад дином князя Антиохии Райнальда Шатильона в Приевфратье между Кесуном и Марашем [31, 868—869; 43, 198; 39, 302; 51 а, 533]. Это привело к борьбе за регентство в княжестве, в которую тотчас же вмешался король Иерусалима, лично прибывший в Антиохию и передавший власть своей креатуре — патриарху Аймери⁴. По-видимому, решающую роль в этом вновь сыграли антиохийские бароны, не желавшие регентства Констанции при малолетнем Боэмунде III и выступившие против нее, как в 1130 г. — против ее матери Алисы. Показательно, что и тогда и ныне они получили полную поддержку со стороны короля. В этих условиях, помня о судьбе матери, Констанция обратилась за поддержкой в Константинополь [41, 324]. Возможно, тогда же она предложила Мануилу и руку одной из своих дочерей. Византийское вмешательство в дела антиохийского престолонаследия во многом было связано с тем, что юридически княжество являлось вассалом империи, но мнение Мануила при назначении регентом патриарха не было опрошено. Р. Груссе пытается объяснить это тем, что в рамках межгосударственных отношений франков князь Антиохии был вассалом короля Иерусалима [191, т. 2, 427—428]. Тем не менее права императора как сюзерена князя были намеренно игнорированы. Поэтому для Констанции обращение в Константинополь и возможный брак императора с ее дочерью были гарантиями того, что Византия поддержит ее претензии на регентство в противовес притязаниям Аймери и Бодуэна III. В тайне от короля из Константинополя в Антиохию было направлено византийское посольство во главе с аколупом Василием Каматиром, которое избрало в качестве невесты императора дочь Констанции Марию [4, 232]. Тогда же Бодуэн III отправил из Триполи в Константинополь своего посланца Оттона Рисберга, возвратившегося с посланием, в котором Мануил сообщил о своем отказе от брака с Мелисендой (лето 1161 г.) [31, 874—875]. Византийское посольство бежало из Триполи на Кипр. Оскорбленный Раймунд III использовал свадебные галей для совершения набега на Кипр и разгра-

бил побережье острова. По-видимому, в это время из Константинополя в Антиохию было направлено второе посольство, возглавляемое сыном Анны Комниной и Никифора Вриенния Алексеем Дукой, зятем Мануила севастом Никифором Вриеннием и епархом Андроником Каматиром [4, 232—233]. Сюда же прибыли с Кипра Иоанн Кондостефан и Феофилакт. Когда Бодуэн III появился в Антиохии, переговоры о браке были завершены. Король опоздал. 25 декабря 1161 г. в Константинополе Мария была обвенчана с Мануилом. Еще в 1141 г. Иоанн II намеревался женить сына на Констанции. Почти двадцатью годами позже проект антиохийского брака был реализован. По времени данные события почти совпали с появлением в Константинополе Килич Арслана II и заключением договора, расцененного как триумф малоазийской политики императора. Антиохийский брак лишь укрепил в Константинополе мнение о прочности позиций империи на Ближнем Востоке. Действительно, при поддержке Мануила регентшей в Антиохии стала Констанция. К тому же 10 февраля 1162 г. после принятия лекарств, данных ему, как считали современники, сирийцем — врачом графа Триполи, умер в Бейруте 33-летний Бодуэн III [31, 879—881]. Приход к власти его брата графа Яффы и Аскалона Амори сделал явными и ранее существовавшие в византийско-иерусалимских отношениях противоречия. Король просил помощь Запада не только против «неверных», но и против греков. Показательно, что его послание на запад повез титулярный латинский архиепископ Мамистры, с 1136 г. принадлежавший Византии [см. 32, 104]⁵. Однако дальнейшее развитие событий вынудило Амори I продолжить политику сохранения союзных отношений с Византией. Внутриполитические позиции 27-летнего короля были непрочными. Значительная часть баронов не желала признавать его наследником брата. Лишь поддержка церкви в лице патриарха Амори де Несля (1158—1180) и легата папы кардинала Сен Жана дала возможность Амори короноваться 18 февраля, через неделю после смерти Бодуэна III, в церкви Гроба в Иерусалиме [31, 883—884]. Тогда, поддержанные патриархом, бароны потребовали развода короля с женой Агнесой де Куртенэ, дочерью последнего графа Эдессы и вдовой последнего графа Мараша, под предлогом их близкого родства. Они прямо заявили Амори, что Агнес-

са «не может быть королевой столь высокого града, как Иерусалим» [21, 17], соглашаясь в то же время признать наследниками короля его детей от брака с Агнессой [31, 889].

К этому времени ситуация на Ближнем Востоке вновь обострилась. На этот раз поводом для вспышки военных действий между Византией и княжеством Рубенидов явилось убийство византийским наместником Равнинной Киликии, племянником императора Андроником Фервином брата Тороса Степане. Рубенид был приглашен в Тарс и убит у стен города (1162)⁶. По-видимому, в ходе военных действий Торосу II удалось отвоевать часть территорий, утраченных в 1158 г. Но главным ударом по позициям Византии в регионе явилось вмешательство Рубенида в борьбу в Антиохийском княжестве. Михаил Сириец пишет, что, не имея сил для борьбы с оппозицией, Констанция «обратилась к императору греков, который был ее родственником, с просьбой прибыть, чтобы она сдала ему город. Патриарх и бароны узнали об этом и пригласили Тороса из Киликии. Он вступил в Антиохию, сверг правительницу и водворил на престол ее сына» [41, 324]. Датируется переворот в Антиохии второй половиной 1163 г.⁷ По-видимому, Византии пришлось примириться с ним, так как Боэмунду III пришлось продолжить политику сотрудничества с империей. Тогда же при посредничестве Амори I был урегулирован конфликт княжества Рубенидов с Византией на условии смещения Андроника Фервина с его поста [44, 356; 47, 508]. Инициатива переговоров исходила от Византии.

Известная перегруппировка сил франкских государств в 60-е годы, упрочение их союза с княжеством Рубенидов⁸ и, главное, сотрудничество с ними византийской администрации Равнинной Киликии, явление новое для политики империи на Ближнем Востоке, были связаны с резко усилившейся угрозой со стороны Нур ад дина, начавшего фронтальное наступление на Антиохийское княжество и графство Триполи. Не имея возможности, а быть может, и желания для открытого вмешательства в конфликт на стороне своих вассалов и союзников, Мануил, по-видимому, дал новому стратигу Равнинной Киликии, своему родственнику Константину Коломану широкие полномочия на самостоятельные действия в Сирии. Параллельно, не рассчитывая на помощь империи, Амо-

ри I в 1164 г. обратился за помощью к Людовику VII^ю. Уже в 1163 г. атабек осадил замок Крак де Шевалье в графстве Триполи. На помощь осажденным двинулись войска владетелей Антиохии и Иерусалима, к которым присоединился византийский стратиг Киликии. В сражении при Бика'а армия Нур ад дина потерпела поражение и отошла. Но в сражении при Хариме 10 августа 1164 г. атабек наголову разгромил войска христианской коалиции — Боэмунда III, Константина Коломана, Раймунда III, представлявших короля Иерусалима Гуго Лузиньяна и Жослена III де Куртенэ, брата экс-королевы Агнессы [31, 895—897]. На стороне Зенгида сражались войска его вассалов — Артукида Кара Арслана, его родственника, владетеля Мардина Наджм ад дина Алпы, атабека Мосула Зенгида Кутб ад дина Маудуда [50, 221]. По несколько преувеличенным данным Камал ад дина, было убито около десяти тысяч человек и «взято в плен без счета» [51 а, 540]. Лишь Торос II, понеся тяжелые потери, смог увести свои войска с поля боя. 12 августа атабек взял Харим. Плененные владетели были уведены в Алеппо. Полководцы Нур ад дина настаивали на походе на Антиохию, убеждая его в возможности захвата города. Для политики поддержания равновесия сил в Сирии, которая была равно выгодна и Нур ад дину, и Мануилу Комнину, характерно заявление атабека о том, что «взятие города будет для нас легким, но цитадель сильна, и чтобы ее покорить, нужна длительная осада. Если мы запрем гарнизон, он призовет малика греков и сдаст ему город. Лучше иметь соседом Боэмунда, чем малика греков» [51 а, 540; 50, 224; 49, 240]. Конница Нур ад дина разграбила территорию княжества вплоть до Лаодикеи и Сен Симеона, не пощадив и монастырь Симеона Столпника — знаменитый Калат Семан [41, 325]. Следует согласиться с Р. Груссе, считавшим, что Антиохию спас византийский сюзеренитет [191, т. 2, 465—466]. Роль княжества как буфера между владениями империи и атабека сознавали и в Константинополе, и в Дамаске. Нур ад дин предпочитал слабое княжество сильной империи в качестве своего соседа в Сирии. В то же время ослабление Антиохийского княжества в борьбе с Нур ад дином ставило его во все большую зависимость от Византии. Но, занятый войнами на Балканах, Мануил не смог активно использовать ситуацию, сложившуюся в Сирии после Харима, тем более что пле-

нение Коломана и разгром его контингентов поставили владения империи в Киликии под удар Тороса II. Мануил сам готовился к походу на восток, но борьба с Венгрией вынудила его отправиться на Балканы. «Посему ...Алексея (Аксуха.— В. С.), сына domestika, [он] направил со значительными силами в Киликию и сделал полновластным в той войне главнокомандующим, так как сатрап Веррии Нур ад дин... возымел надежду скоро овладеть городом Антиохия, а властвовавший над армянами Торос коварно захватил много подвластных василевсу исаврийских городов» [4, 239]. Под контролем Аксуха остались лишь Тарс и Мопсуэстия¹⁰. Последняя была утрачена при его преемнике Андронике Комнине, около 1166 г. потерпевшем поражение от Тороса и бежавшем в Антиохию, а затем в Иерусалим¹¹. Борьба за Равнинную Киликию шла с явным перевесом княжества Рубенидов, в то же время сохранявшего союзнические отношения с государствами крестоносцев. Тогда же начинается процесс сближения Византии с Иерусалимским королевством, решающую роль в котором сыграла не растущая опасность, угрожавшая второму со стороны атабека Алеппо, но египетские проекты Амори I.

В 50-е годы XII в. Египет Фатимидов вступил в период внутривосточного кризиса. Между 1154—1160 гг. на престоле в Каире сменилось три халифа. Началась борьба за визират, фактически за власть в стране между различными претендентами, искавшими поддержки извне. Раздираемый усобицами Египет казался легкой добычей для соседей. Уже в 1160 г. Бодуэн III направил в Каир посольство с требованием уплаты дани [41, 317; 31, 890]. Используя как предлог ее неуплату, Амори I в сентябре 1163 г. осадил пограничную крепость Бильбейс-Пелузий, но после неудачи отступил. Все это вынуждало короля искать союзников для завоевания Египта. Были направлены послания Людовику VII во Францию. Но более перспективными оказались контакты с Византией, так как с этого времени во внутривосточную борьбу в Египте все активнее вмешивается Нур ад дин, успех которого был равно неприемлем для обеих сторон. Поводом для появления в Египте войск атабека явилось посольство визиря Фатимидов Шавара, принятое Нур ад дином в конце 1163 г. Визирь просил о помощи против «франков», обещая признать сюзерен-

нитет атабека и передать ему часть территории халифата [49, 533; 50, 215—216]. В апреле 1164 г. Нур ад дин направил в Египет армию во главе с полководцем Асад ад дином Ширкухом. Противник Шавара эмир Диргам обратился за помощью к Амори I [31, 892]. В мае 1164 г. Ширкух занял Каир и восстановил Шавара на посту визиря. Но не получив обещанных денег, он занял Бильбейс и восточную часть Дельты [49, 534; 50, 216—217]. Тогда Шавар сам обратился к королю, указав ему на опасность водворения Зенгида в Египте в первую очередь для франков [31, 894; 49, 535]. Это и явилось поводом для второго похода Амори на Бильбейс, занятый Ширкухом. Осада крепости, продолжавшаяся с августа по октябрь 1164 г., была безрезультатна, хотя на помощь Амори пришел Шавар. Арабские авторы полагают, что визирь не желал быстрой победы франков, опасаясь их не меньше, чем Ширкуха. Известие о разгроме франкских войск при Хариме и пленении владельцев Триполи и Антиохии вынудило короля снять осаду и спешно возвратиться в свои владения. По условиям перемирия и Ширкух увел свои войска в Сирию в октябре 1164 г. [50, 217—219; 49, 535—536]. Встретившись на территории королевства с прибывшим из Европы Тьерри Фландрским, король был вынужден спешно прибыть в Антиохию. Регентом княжества был назначен граф Фландрии [31, 899—900].

В 1165 г. иерусалимское посольство прибыло в Константинополь. Цели его были многообразны: получить военную и дипломатическую помощь империи в борьбе за Египет, закрепить союзные отношения браком короля с одной из византийских принцесс и, как считали византийские хронисты, добиться санкции императора на переход под власть короля Антиохийского княжества, ибо «антиохийцы, будучи вероломными по природе, пришли в Палестину к Бодуэну (ошибка хрониста.— В. С.) и добровольно вверили ему власть над собой и своим городом» [4, 265]. Возможно, определенную роль в этом обращении антиохийцев к королю сыграл страх перед возможными, но непредсказуемыми акциями императора, в том числе и направленными на ликвидацию независимости княжества. В этих условиях власть короля, по-видимому, казалась меньшим злом. И на этот раз, «зная, что город подвластен самодержцу, Амори счел нужным сначала просить его о нем. Самодержец ему от-

вечал: «Просьба о браке... будет исполнена. Что до Антиохии, то она как издревле была данницей ромеев, так и поныне подвластна нашей державе. И пока мы живы, то ни ты, никто другой не может управлять ею» [4, 265]. Ф. Шаландон полагал, что в данном случае король пытался повторить попытку, предпринятую в 1158 г. Боэмуном III, тогда как Р. Груссе категорически отрицал это [160, 535; ср. 191, т. 2, 469]. Возможно, попытка Амори I утвердиться в Антиохии ускорила выкуп из плена Боэмунда III. Объединение Антиохии и Иерусалима также не входило в расчеты Нур ад дина. Поэтому летом 1165 г., оставив атабеку заложников, князь был отпущен для сбора выкупа, отправился за ним в Константинополь и «возвратился богатым в Антиохию» [31, 901; 41, 235]. Тогда же Боэмунд III принес императору вассальную присягу, аналогичную той, что дал в 1158 г. Райнальд Шатильон, и увез с собой в Антиохию греческого православного патриарха Афанасия. Это привело к резкому конфликту князя с патриархом Аймери, наложившим на город интердикт и демонстративно ушедшим с клиром в крепость Курсат, где весной 1169 г. его навестил Михаил Сириец [41, 236]. Придя к власти в 1163 г. благодаря поддержке Тороса II и Амори I после отстранения от власти матери, княгини Констанции, Боэмунд III лишь в 1165 г. оформил свои отношения с Византией, признав сюзеренитет Мануила и получив в жены одну из его родственниц, Феодору или Ирину Комнину [31, 1069; 84, 76]. Укрепив свое влияние в Антиохии, Византия предприняла попытку отвоевания у Тороса II Равнинной Киликии, завершившуюся поражением Андроника Комнина и его бегством в Антиохию (1166).

В январе 1167 г. Амори I начал очередную египетскую кампанию, подробно исследованную Г. Шлюмбержье [269]. Король вновь действовал в союзе с Шаваром, дойдя до Фустата. После неудачной осады Александрии 20 августа 1167 г. Амори с армией возвратился в Аскалон, затем — в Тир, куда уже прибыло византийское посольство, привезшее ему невесту, внучатую племянницу императора Марию Комнину [31, 942]. Этому предшествовали двухлетние переговоры, которые вели в Константинополе посланцы короля Одо де Сен Аманд и архиепископ Кесарии Гернесий [21, 18; 31, 942]. В Тире их продолжили послы Мануила Георгий Палеолог и

двоюродный брат императора севаст Мануил Комнин. Именно с Тиром связывает Ф. Шаландон начало переговоров о судьбах Египта [160, 536], которые были продолжены вторым византийским посольством во главе с Александром Гравиной и Михаилом Отрантским, прибывшим в Тир в начале 1168 г. [31, 945]. Наконец, осенью 1168 г. в Константинополе появился канцлер королевства, архиепископ Тира Гийом. Не застав императора в столице, он нагнал его на Балканах в г. Битоль, где Мануил заканчивал подготовку похода на Сербию. Здесь и были завершены переговоры о совместных действиях в Египте. По условиям договора в случае нападения Амори на Египет Мануил соглашался оказать ему военную помощь. Гийом Тирский пишет, что взамен император потребовал передачи ему части территории еще не завоеванной страны и, что показательно, некоторых районов Иерусалимского королевства — требования, привезенные еще посольством Александра Гравины. Разделяя мнение Ф. Шаландона о том, что речь шла именно о передаче императору каких-то территорий государств крестоносцев, Р. Груссе полагал, что это могла быть территория Антиохийского княжества [160, 536; 191, т. 2, 509]. Это представляется ошибочным уже потому, что король Иерусалима не был правомочен решать судьбы княжества с императором, который, безусловно, считал себя сюзереном его владетеля. Вернувшись в Иерусалим, Гийом Тирский не застал здесь короля. В конце октября Амори отплыл из Акры к египетской границе. Поход вновь не увенчался успехом, и 2 января 1169 г. король отвел армию назад. В это время после убийства 18 января Шавара главнокомандующий армией Нур ад дина в Египте Шаркух получил пост визиря, а 23 февраля, после его смерти, визирем Египта стал его племянник Салах ад дин. В это время в качестве дипломатического прикрытия похода против Египта Мануил направил в Каир посольство с требованием уплаты дани. Салах ад дин, успевший расправиться с оппозицией и перебить мятежную нубийскую гвардию Фатимидов (23 августа), отверг ультиматум, что и дало императору благовидный предлог для нападения на Египет. Казалось бы, успеху предприятия должна была способствовать вовлеченность Нур ад дина в события на восточных границах его владений, в Месопотамии и Диар Бакре, где началась борьба за наследие умершего Артуки-

да Кара Арслана. Позже атабек был занят подавлением мятежа своего вассала полководца Хасана аль Мамбиджи и, наконец, осадой крепости Кала Джабар на Евфрате, которую ему удалось в конечном счете обменять на Серудж, Баб и Бизу с ее владельцем Укайлидом Шихаб ад дином [49, 551—553; 50, 241, 244—245; 41, 332].

В начале июля византийский флот, возглавляемый Алексеем Кондостефаном, отплыл к Кипру. В Сесте на корабли был посажен десант. В конце августа флот подошел к Тиру, а затем направился к Акре. Отсюда иерусалимская армия и византийские контингенты сушей через Аскалон двинулись к границам Египта, тогда как флот встал в дельте Нила. 27 октября началась осада Дамьетты, продолжавшаяся до конца декабря. Византийские хронисты сетуют на то, что флот и армия имели всего лишь трехмесячный запас продовольствия, а Кондостефан приказом императора был подчинен Амори и не имел права на самостоятельные военные действия [4, 310]. Союзники действовали крайне нерешительно. Король заставил византийского полководца прекратить штурм города, убеждая «не сражаться с людьми, которые давно объявили ему, что без кровопролития сдадут себя и город василевсу». Вступив в переговоры с осажденными, он заключил мир, «более выгодный для потомков Агари, нежели славный для ромеев» [14, 215; 31, 964—969]. При известии об этом византийские воины самовольно сожгли осадные машины и, не ожидая команды, сели на корабли, взяв курс на Византию (21 декабря). Сам Кондостефан через Иерусалим сушей возвратился в Константинополь. По-видимому, непосредственным результатом похода явилось появление в столице египетского посольства, которое привезло дары и подписало мирный договор [14, 216]. Киннам пишет, что Мануил «отверг посольство и отослал его ни с чем, имея в мыслях снова предпринять нападение на всю страну» [4, 310—311]. Но если подобные планы и существовали, то переворот в Каире и приход к власти Салах ад дина (1171) резко изменили ситуацию в Египте и обрекли на провал все последующие попытки повторения похода. В марте 1171 г. Амори I лично прибыл в Константинополь, прося у Мануила помощи [31, 980—987]. «Получив желаемое, он согласился, кроме многого другого, и на службу василевсу» [4, 341], т. е.

признал сюзеренитет императора¹². Гийом Тирский, естественно, умалчивает о результатах визита. Если соглашение, заключенное между Амори и Мануилом, касалось судеб Египта, то никаких реальных результатов оно не имело. Одной из причин этого явилось дальнейшее усиление Нур ад дина. В сентябре 1170 г., после смерти брата Кутб ад дина в Мосуле, атабек вмешался в борьбу племянников за власть и в январе занял Мосул, введя в цитадель свой гарнизон. Утвержденный им в качестве атабека Мосула и Джазиры Сайф ад дин Гази II признал сюзеренитет дяди. Успех Нур ад дина до некоторой степени был связан с тем, что Иерусалимское королевство и Византия только что завершили полностью провалившуюся египетскую экспедицию, их вовлеченность в которую развязала руки атабеку для упрочения своего влияния в Месопотамии. Антиохийское княжество оказалось территориально изолированным от империи, когда после смерти Тороса II, свергнув племянника, к власти пришел брат умершего Млех (1169), ранее изгнанный из княжества и получивший в феоде от Нур ад дина Гурис. Захватив власть с помощью атабека, Млех круто изменил внешнеполитическую ориентацию княжества, порвав с традиционным для Тороса союзом с государствами крестоносцев. Во многом это было оправдано, так как в условиях тесного сотрудничества последних с Византией решение основной внешнеполитической проблемы княжества — отвоевания у империи Равнинной Киликии — было невозможно, так как малейшая попытка нарушить статус-кво в этом районе могла привести к объединению Византии и ее вассалов-союзников против Рубенида.

Первой же акцией Млеха было изгнание тамплиеров из крепостей Амана, в 1155 г. отвоеванных Райнальдом Шатильоном у Тороса II. Тамплиеры апеллировали к князю Антиохии, которого поддержал Амори I. Союзники вторглись на территорию Киликии, когда пришло известие об осаде Нур ад дином замка Крак на границе Иерусалимского королевства, вынудившее Амори спешно возвратиться назад (начало 1170 г.)¹³. К концу 1172 г. «Нур ад дин вручил ему часть своей армии, с которой Мелих напал на Адану, Тарс и Массису, которые он захватил у правителя страны Рум. Он отослал Нур ад дину большую часть добычи и триста пленных, которых он отобрал из знати страны Рум» [51 б, 554]. Та-

ким образом, Равнинная Киликия вошла в состав княжества Рубенидов. Успех Млеха явился прямым следствием вмешательства Нур ад дина, который смог таким образом подорвать позиции Византии у границ своих сирийских владений, территориально разъединив империю и ее франкских союзников. Более того, в это время атабек переходит в наступление и на Румский султанат, поддерживая все более слабевших противников его — Данышмендов. Дважды войска вассалов Нур ад дина совершали походы против Килич Арслана II. Летом 1173 г. сам атабек появился в Малой Азии, введя свой гарнизон в Севастию, дабы укрепить здесь власть своего вассала Данышменда Зун нуну.

Смерть Нур ад дина в Дамаске 15 мая 1174 г. привела к распаду созданного им государства. Против наследника атабека аль Малик аль Салих Исмаила выступили его мосульские родственники и Салах ад дин, которому 27 ноября без боя был сдан Дамаск, в декабре — Хомс. Попытки атабека Мосула Сайф ад дина Гази приостановить наступление султана были безуспешны. В апреле 1175 г. Салах ад дин захватил аль Маарру, Кафртаб и Барин у границ франкских государств, а через год, в июне 1176 г. — Мембидж и Азас. Успехи султана во многом были связаны с ухудшением внутривосточного положения в государствах крестоносцев, оставшихся в стороне от борьбы за раздел владений Нур ад дина.

11 июля 1174 г. умер Амори I, оставив регентом при малолетнем Бодуэне IV сенешала Милона де Планси. Сразу же после коронации 13-летнего короля, 15 июля, началась борьба за регентство, в которой противником сенешала выступил граф Триполи Раймунд III. Позиции графа в королевстве усилились благодаря тому, что по второму браку с вдовой графа Тивериады Готье де Сен Омера до совершеннолетия пасынков он получил право распоряжения феодалом, став, таким образом, одним из наиболее влиятельных вассалов Бодуэна IV. В конце 1174 г. Милон был убит в Акре [31, 1008—1010]. Став его преемником в качестве регента королевства, Раймунд III сохранял власть три года. С 1176 г. Бодуэн IV стал править самостоятельно. Больной проказой король назначил наследником племянника, сына сестры Сибиллы и Гийома Монферратского. Выдав ранее овдовевшую Сибиллу замуж за Гвидо Лузиньяна, получив-

шего в феоде Яффу и Аскалон, до 1183 г. Бодуэн IV опирался на группировку Гвидо, активно поддержанного королевой-матерью Агнессой. Но когда в 1183 г. Салах ад дин осадил Крак, король был вынужден обратиться к Раймунду, дав ему власть коннетабля. Осада была снята. После этого при поддержке графа Бодуэн IV начал борьбу с зятем, введя свой гарнизон в Яффу. Но он не был впущен в Аскалон, а на ассамблее в Акре, где король потребовал от баронов и прелатов королевства поддержать его требования о разводе Сибиллы с Гвидо, правящая верхушка королевства раскололась. Борьба группировок продолжалась с переменным успехом вплоть до падения Иерусалима в 1187 г., сыграв не последнюю роль в разгроме армии королевства при Хаттине. Она надолго парализовала внешнюю политику преемников Амори I. Лишь Боэмунд III попытался воспользоваться распадом державы Нур ад дина, для того чтобы возвратить утраченные ранее пограничные крепости. В декабре 1176 г. он осадил Харим, наместник которого взбунтовался против наследника атабека. Но в марте 1177 г. гарнизон сдал крепость аль Малик аль Салих Исмаилу.

Разгром византийской армии при Мириокефале 17 сентября 1176 г. не только решил судьбу Малой Азии в пользу Рума, но и привел к отказу империи от активной ближневосточной политики в целом. После Мириокефала как бы по инерции продолжают дипломатические контакты Византии с Иерусалимским королевством. В конце 1176 — начале 1177 г. в Иерусалим было направлено посольство во главе с Андроником Ангелом, великим этериархом Иоанном Дукой, Александром Гравиной и Георгием Синаитом [31, 1030—1031] с целью организации нового египетского похода. В условиях неоспоримой гегемонии Салах ад дина на Ближнем Востоке эти проекты были предельно нереалистичны. Тем не менее вопрос был решен положительно. Мануил давал деньги на найм рыцарей и предоставлял флот. Действительно, флотилия из 70 судов прибыла в Акру. Выход из плена после 17-летнего заключения в Алеппо Райнальда Шатильона и прибытие в Акру с ополчением графа Фландрии Филиппа, казалось бы, делали египетский поход реальным предприятием. Но граф отказался не только возглавить его, но и участвовать в авантюре, предпочтя принять участие в безуспешной осаде Хари-

ма¹⁴. Византийское посольство и флот возвратились ни с чем.

Наконец, в конце 1179 г., возвращаясь с Латеранского собора, в Константинополе в течение семи месяцев находился Гийом Тирский, на обратном пути заезжавший с византийскими посланцами в Антиохию. Суть его миссии неизвестна. Когда же в середине 1183 г. из Иерусалима в Константинополь прибыл с просьбой о помощи дядя короля сенешал Жослен III де Куртенэ, внутриполитическая ситуация в империи была такова (переворот Андроника Комнина), что ей было уже не до помощи франкам [31, 1069]. В это время Византия утрачивает последние владения на территории Ближнего Востока: Равнинную Киликию и Кипр.

После смерти Нур ад дина произошел переворот и в княжестве Рубенидов. В результате заговора знати Млех был убит (1175). Его преемник, сын Степане Рубен III восстановил союзные отношения с франкскими государствами, возвратив Антиохийскому княжеству пограничные крепости и женившись на Изабелле, дочери Онфри III Торонского [46, 57]. По-видимому, события, последовавшие за убийством Млеха, дали возможность Византии вернуть районы Тарса, Аданы и Мамистры. По крайней мере, в Тарс, а отсюда в Константинополь бежал вследствие ссоры с Рубеном его брат и преемник Левон (1181) [46, 57]. Вскоре князь отвоевал у Византии Адану и Мамистру, тогда как Тарс он получил около 1183 г.¹⁵ В 1185 г., если верить Эрнулю, Исаак Комнин, опираясь на армян, захватил власть на Кипре [21, 91; 281, 136 — после октября 1183 г.]. Падение Тарса и утрата Кипра подвели черту под ближневосточной политикой Византии.

**ИМПЕРИЯ РОМЕЕВ И РУМСКИЙ
СУЛТАНАТ В 60—70-е ГОДЫ XII в.
ОТ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО
МИРА ДО МИРИОКЕФАЛА**

Киликийский поход 1158—1159 гг., иллюзорность результатов которого отмечали уже византийские хронисты, породил в Константинополе неоправданный оптимизм, будучи расценен как свидетельство возрождающейся мощи империи и личный успех Мануила. Эти настроения в целом породили иллюзии того, что посредством единовременной акции, применением военной силы можно раз и навсегда решить все проблемы ближневосточной политики Византии, даже если они накапливались десятилетиями. И это несмотря на то, что в 1159—1160 гг. главную роль во временном усилении позиций империи в Киликии и Сирии сыграла не столько армия, сколько дипломатия, которая смогла использовать противоречия между королем Иерусалима и князем Антиохии для того, чтобы, изолировав последнего, навязать ему византийский сюзеренитет.

С этого времени разрыв между реальными результатами ближневосточной политики и преувеличенно оптимистической оценкой их в Константинополе начинает углубляться. Возникает иллюзия того, что нужно лишь одно, последнее усилие для восстановления позиций империи в Малой Азии, Сирии и Палестине. Подобные настроения уже имели место в Византии в 40-е годы, когда после достаточно скромных успехов в Киликии Иоанн II писал папе Иннокентию II, что василевс ромеев держит в руках светский меч, а глава католической церкви — меч духовный. Общими усилиями они могут возродить как единую империю, так и единую церковь. Показательна в этой связи и предсмертная речь императора, в которой были четко сформулированы далеко

идушие цели ближневосточной политики Византии: возвращение Сирии и Месопотамии и даже присоединение Палестины [14, 53].

Победная эйфория, имевшая следствием преувеличенную оценку сил и возможностей империи, породила египетский поход и завершилась только Мириокефалом. В то же время было бы ошибочным утверждать, что в малоазийской политике Византии в данный период отсутствовали черты реализма, но не они преобладали. Так, продолжалась политика заселения пограничных территорий, предельно эффективная в долгосрочном плане, хотя она так и не стала доминирующей в системе восточной политики империи. Киннам пишет: «Азиатские города Хлиара, Пергам и Адраматтий много страдали от персов, так как пограничные области прежде были мало заселены, обитаемы лишь по деревням и оттого легко подвергались грабежу неприятелей. Император и эти города прикрыл стенами, и соседние открытые равнины оградил крепостями. Оттого теперь эти маленькие города так славятся многочисленностью жителей и всеми удобствами спокойной жизни, что даже превосходят многие цветущие города. Возделанные поля стали приносить теперь обильные плоды, и рука садовода всюду насадила разные плодоносящие деревья, так что пустыня... преобразилась в пристанище вод и земля, прежде необитаемая, стала местом многолюдным... Эти крепости получили свое, приличествующее им название Неокастра, имеют своего стратига, посылаемого из Византии и доставляют в казну василевса ежегодный доход» [4, 191—192].

Продолжая политику отца, Мануил между 1162—1173 гг. создал здесь фему Неокастра — «новые крепости» [133, 133]. Но в целом необходимость более последовательного и энергичного проведения данной политики была осознана слишком поздно, накануне Мириокефала, возможно, потому, что она не давала мгновенных результатов. О том, что именно она была наиболее эффективным орудием восстановления власти Византии в Малой Азии, свидетельствует и реакция Рума на восстановление пограничных крепостей Дорилей и Сувлей, в конечном счете ускорившее решающее столкновение двух государств, завершившееся Мириокефалом.

В конце 1159 г. после киликийской экспедиции Мануил совершил поход против Рума, «послав к начальни-

кам ромейских областей в Азии и приказав напасть на персидскую землю с разных сторон в одно определенное время» [4, 211]. Сам император совершил набег на район Дорилея, захватив добычу и пленных. Операции византийских войск на территории Рума зимой 1159/60 г. привели к тому, что, когда Мануил прибыл в Пиле (Вифиния), его догнали послы Килич Арслана с предложением мира. Но переговоры были безрезультатны. По-видимому, весной 1160 г., собрав армию в Филладельфии, Мануил решил повторить набег. На этот раз византийская армия столкнулась с румской, пройдя по долине р. Риндак от Абидоса к Дорилею. Происшедшее здесь сражение было выиграно императором ценой крайнего напряжения сил, после чего он «разграбил страну сатрапа Сулеймана». В качестве ответной акции сельджукские отряды совершили набег на византийскую территорию, «напали на восточный город Филиту, разорили Лаодикею во Фригии и увели пленных» [4, 218].

Это явилось поводом для нового похода императора против Рума. На этот раз было решено развернуть крупномасштабную операцию с привлечением вассалов. К Бодуэну III в Палестину был направлен Иоанн Кондестефан, чтобы «привести оттуда силы, которые Бодуэн обещал в случае нужды дать василевсу в помощь, и, кроме того, собрать наемное войско» [4, 219]. Райнальд Шатильон и Торос II получили приказ императора явиться к нему на помощь со своими войсками. Были направлены послания брату султана, владельцу Анкиры и Гангр, Шаханшаху и Данышменду Якуб Арслану. Летом же 1159 г. совершил поход на восточные границы Рума Нур ад дин, захвативший месопотамские крепости. Таким образом, к лету 1160 г. против Румского султана формируется коалиция всех его противников. Политика Мануила Комнина в Малой Азии в это время была четко определена Никитой Хониатом, который писал, что «василевс желал гибели обоим (и султану, и Данышменду.—В. С.), желал, чтобы их неприязнь не ограничивалась только одной ссорой, но чтобы они, взявшись за оружие, открыто вступили в борьбу друг с другом и этим дали бы ему возможность спокойно наслаждаться их бедствиями. С этой целью через тайных агентов и того и другого возбуждал друг против друга» [14, 148].

Однако главным противником империи в Малой Азии

оставался Румский султанат. Поэтому Мануил «явно склонялся на сторону Ягубасана и ему оказывал помощь своими дарами. Вследствие этого Ягубасан, полагаясь на василевса, выступает войной против султана, а тот, в свою очередь, выходит против него. Много раз сходились и расходились они. Победа склонялась на сторону Ягубасана, они на время сложили оружие. Ягубасан остался в своей стране, а султан отправился к василевсу, который только что возвратился в столицу из западных стран» [14, 149]. В изложении Хониата события даны предельно суммарно и обобщенно. Так, потеряв поражение, султан пошел на соглашение с Данышмендом, признав захват им района Джахан с Абластой, датированный Григором Ереци 609 г. армянской эры (10.2.1160—8.2.1161) [43, 194]. В пользу данной датировки свидетельствует и Киннам, который пишет, что «султан уступил обитателям соседних стран вместе со многими другим и города, завоеванные прежде с великим трудом» [4, 220]. В это время, ведя вспомогательные войска из Палестины, Кондостефан столкнулся с частью сельджукской армии (Киннам определяет ее численность в 22 тысячи человек [4, 220]) и разбил ее. Это совпало с посольством Килич Арслана к Мануилу, которое предложило вернуть пленных. Фактически цели его были серьезнее и заключались в том, чтобы предотвратить начало военных действий со стороны Византии. Известие о победе Кондостефана заставило султана пойти на большие уступки. «Он обещал в случае нужды давать ромеям вспомогательные войска на всякое лето и объявил, что персы никогда не будут нападать на их земли с его согласия. Обязался также, что если кто-нибудь нападет на ромейские провинции, вступить с ним в войну. Точно выполнять то, что прикажет василевс... Если какой-либо подвластный ему город подпал под персидскую власть, стараться возвратить его ромеям» [4, 221]. По-видимому, на этих условиях и было заключено перемирие, так как Киннам пишет, что «склоненный этим к миру, василевс обязал его страшными клятвами и, прекратив вражду, отправился домой».

Заключение перемирия или мира между императором и султаном Ф. Шаландон датирует после брака Мануила с Марией Антиохийской, т. е. после 25 декабря 1161 г. [160, 462], ссылаясь на Хониата. Но у последнего эти данные помещены в отдельный экскурс, посвя-

щенный семейной жизни Мануила, в частности смерти его первой жены Берты-Ирины и второму браку. Этому предшествует столь же обширный экскурс о малоазийской политике императора с 1155 г. (смерть султана Масуда) до 1162 г. Поэтому мир может быть датирован лишь по труду Киннама, который после сообщения о нем рассказывает о смерти императрицы Ирины в конце 1160 г. Но до этого Мануил из Малой Азии выступил в поход против печенегов и успел переправиться на Балканы [4, 222]. Таким образом, перемирие может быть датировано осенью 1160 г. Пойти на него султана вынудила та изоляция, в которой он оказался благодаря активности византийской дипломатии. Его обязательства в отношении василевса сходны с теми, которые ранее были приняты жупаном Сербии, князем Антиохии и королем Иерусалима. То есть Килич Арслан был вынужден пообещать признать сюзеренитет Мануила Комнина, с тем чтобы разрушить созданную против него коалицию. И ему удалось это сделать, нейтрализовав Византию накануне решающей схватки с Данышмендами.

Первую половину 1161 г. Мануил провел на Балканах, а летом того же года в сопровождении мятежного брата Нур ад дина — Нусрат ад дина Амир Мирана — Килич Арслан прибыл в Константинополь с целью завершения переговоров о мире. В ходе переговоров султан вновь «обещал иметь вражду с теми, кто питает вражду к василевсу, и наоборот, дружбу с теми, кто сохраняет благорасположение к нему, передать василевсу большие и значительные города, которыми он владел, ни в коем случае не заключать мирных договоров с кем-либо из врагов без позволения василевса. Когда будет нужно, помогать ромеям и для этого являться со всеми своими силами, где бы ни шла война, на востоке или на западе, не оставлять без наказания тех из своих подданных, которые привыкли жить грабежами и которых обычно называют туркменами, если они совершат какое-либо преступление против ромейской земли» [4, 228—229].

Таким образом, Константинопольский договор 1161 г. зафиксировал вассалитет Килич Арслана II. В то же время очевидно, что султан максимально использовал те внешнеполитические выгоды временной нормализации отношений с империей, выгоды соглашения, пусть

даже неравноправного для него по форме. Судя по сообщению Хониата, султан был признан «сыном» василевса в рамках ойкуменического сообщества, а Рум вошел, таким образом, в состав византийской системы сюзеренно-вассальных отношений [14, 156]. Тогда же Килич Арслан «обещал предоставить василевсу Севастию и ее область» [14, 153]. Но Севастия в данный период принадлежала союзнику Мануила Данышменду Якуб Арслану! Предложив ее императору и получив согласие принять ее, султан тем самым разрушил союз василевса с эмиром, который и был причиной вынужденного появления Килич Арслана в Константинополе.

Здесь наглядно проявилась предельная близорукость византийской дипломатии и самого императора. Мануил предпочел отказаться от союза с Данышмендом, который был единственным средством давления на Сельджукида, чтобы получить из рук султана владения своего бывшего союзника. В оценке ситуации в Малой Азии Мануил исходил из ошибочного представления о том, что признавший его сюзеренитет и, следовательно, ослабленный султан перестал быть опасным противником. В своей малоазийской политике империя придерживалась тактики взаимного ослабления соперников, поддерживая слабейшего. В данный момент слабейшим казался именно Рум, с которым как со своим младшим партнером и объединилась Византия против ставшего, как считали в Константинополе, потенциально опасным Данышменда Севастии. Но Рум не был ослаблен. Килич Арслану нужна была передышка и изоляция Якуб Арслана, чего он и достиг посредством признания сюзеренитета Мануила. Соглашение императора с султаном, владетелей двух крупнейших государств Малой Азии, делали бесперспективной любую попытку противостоять им. Поэтому соглашение 1161 г. фактически означало отказ Мануила от поддержки какой-либо оппозиции Руму в Малой Азии. Используя его, Килич Арслан принудил Данышмендов урегулировать отношения с ним на его условиях. И действительно, описывая реакцию малоазийских владетелей, противников султана, на соглашение 1161 г., Киннам сообщает: «Посему филархи, рассудив, что союз между василевсом и султаном не послужит им к добру, отправили к автократу послов и просили, чтобы он примирил их с султаном. Василевс выслушал их не без удовольствия, но, предоставив это

дело как бы воле султана, отослал их к нему... Лишь только явились они к султану для объяснений, тотчас же успели прекратить взаимную вражду и убедили Килич Арслана быть за них ходатаем перед василевсом. Уважая их ходатайства, василевс принял их в число своих друзей. И ромейская империя на последующее время приобрела мир и покой» [4, 229—230].

Заключение соглашения вызвало ликование в Константинополе. «Мануил вследствие посещения султана не только льстил себя надеждой хорошо устроить восточные дела... но и считал это событие славой своего правления. Поэтому, вступив с султаном в столицу, он приказал устроить триумф... Предполагалось, что василевс будет шествовать в триумфе при радостных кликах... и вместе с ним пойдет султан в этой великолепной процессии и будет разделять торжество и восклицания в честь императора» [14, 149—150]. Лишь землетрясение помешало провести Килич Арслана в триумфальном шествии, по-видимому, в роли поверженного противника.

Константинопольское соглашение 1161 г. и последующие действия императора были крупнейшими внешнеполитическими просчетами в борьбе за Малую Азию. Потерпев поражение в борьбе с Данышмендом, Сельджукид пошел на временные и чисто формальные уступки Комнину, признав его сюзеренитет. Но ни одно из обещаний территориальных уступок не было выполнено, вспомогательные войска никогда не были предоставлены. Мир и покой Византии были куплены ценой отказа ее от активной политики в Малой Азии. Перспектива получения Севастии ни в коей мере не компенсировала утраты империей ее стратегических преимуществ — возможности играть на противоречиях Сельджукидов и Данышмендов для постепенного взаимного ослабления борющихся сторон и восстановления византийских позиций в Малой Азии. Успех Килич Арслана заключался именно в том, что он смог нейтрализовать Византию в преддверии решающей схватки с Данышмендами. К тому же прибытие в Константинополь изгнанного из Месопотамии брата Нур ад дина Нусрат ад дина Амир Мирана объективно являлось враждебным актом в отношении атабека Алеппо и Дамаска и освобождало его от каких-либо обязательств в борьбе против Рума, принятых Нур ад дином по соглашению с Мануилом в 1159 г. Таким образом, для Рума снималась

опасность совместных действий императора и атабека.

Формально в Малой Азии, с точки зрения византийской дипломатии, образуется «семья архонтов» во главе с василевсом. Архонты признали его сюзеренитет, получив статус «друзей», а главный противник — султан Рума стал «сыном» императора. Но называя себя в переписке с Мануилом «сыном», а его «отцом», Килич Арслан получил свободу рук в Малой Азии и уже в 1162 г., пользуясь дружественным нейтралитетом империи, начал военные действия против Данышмендов. Так как Якуб Арслан в союзе с эмиром Амиды в это время воевал в Месопотамии против Артукида Кара Арслана Сельджукид в его отсутствие «опустошил Севастию и покорил смежные с ней области, обратив все это в свое собственное владение» [14, 154]. Но посланный к султану с дарами и поздравлениями от императора Константин Гавра, который должен был получить Севастию, возвратился ни с чем. Начавший войну с Венгрией, Мануил не смог принудить султана выполнить условия соглашения. Более того, между 1161—1173 гг. император фактически отказался от активной внешней политики в Малой Азии, всецело занятый решением балканских проблем.

В этой связи уместно привести мнение А. А. Васильева, писавшего, что Иоанн II вел в Европе оборонительные войны и лишь к концу его правления в связи с образованием Сицилийского норманнского королевства «европейские дела получили для Византии очень большую важность. Главный же интерес внешней политики Иоанна был сосредоточен на востоке, а именно в Малой Азии» [60, 39], уточнив, что последнее утверждение верно лишь для второй половины царствования императора, 30—40-х годов XII в. В период правления Мануила приоритет балканской политики сохранялся, тогда как ближневосточная определенно играла подчиненную роль. Объективно прекращение активной политики в Малой Азии было связано с невозможностью для империи параллельно воевать на двух фронтах — здесь и на Балканах. Так было при Иоанне II, так было и при Мануиле. Но субъективно отказ от данной политики в 60-е годы был основан на ошибочной оценке ситуации в Малой Азии, где, по мнению имперской дипломатии, враги были «замирены» и не представляли существенной опасности для позиций Византии в данном районе. Именно

нейтралитет империи дал возможность Руму завершить объединение Малой Азии под своей властью. К сожалению, хронология событий 1162—1173 гг. в Малой Азии известна недостаточно. Данные источников на сей счет отрывочны и противоречивы. Византийские хронисты пишут, что до войны с Якуб Арсланом султан «лишил Дудуна (Зун нуна) принадлежавшей ему области и присвоил Кесарию, принудив его бежать и скитаться... Он ...обратился против Ягубасана, который тоже стал собирать войска... но смерть скоро прервала его заботы» [14, 154]. Данышменд в 1164 г. внезапно скончался в Ганграх у своего союзника Шаханшаха. Тотчас же началась усобица его наследников. Отпала Абласта, в которой укрепился некий Махмуд ибн Маади. В Севастии, которая к 1164 г. оставалась под властью Якуб Арслана (ранее Сельджукид опустошил ее район, но не сам город), армия объявила эмиром его сына Джамала Гази. Однако вскоре он был свергнут дядей Ибрахимом. Килич Арслан воспользовался этим, чтобы захватить Абласту и Лоранду. Михаил Сириец под 1168 г. отмечает захват султаном Кесарии и Цаманда, т. е. владений Зун нуна, что противоречит сведениям Киннама и Хониата. Но последние предпочтительнее, так как Хониат пишет, что после смерти Якуб Арслана (в контексте событий 1164 г.) «Дудун тайно вошел было в Амасийскую сатрапию, как оставшуюся без владельца, но был изгнан оттуда, став причиной смерти пригласившей его жены Якуб Арслана. Амасийцы возмутились и отомстили ей смертью за то, что она хотела отдать власть Дудуну, а Дудуна далеко прогнали, так как не хотели иметь его своим владельцем. Но не смогли они сделать этого с Килич Арсланом. Напротив... как прежде овладел он Каппадокией, так теперь взял и Амасию» [14, 154]. Хониат приписывает султану и захват Мелитены, после чего, «тайно прокравшись к брату, он и его заставил бежать. Все эти беглецы пришли к императору» [14, 155]. Последнее утверждение спорно, так как хронист очень кратко описывает события 1164—1175 гг., опуская детали. Так, известно, что в 1169 г. Килич Арслан изгнал Шаханшаха из Анкиры и Гангр, взяв в плен его семью. Сельджукид бежал не к Мануилу, а к Нур ад дину в Дамаск, где уже нашел убежище Зун нун.

Новый этап борьбы за Малую Азию начался в 70-е годы XII в. Вряд ли можно всецело согласиться с ут-

верждением о том, что к этому времени «внешняя политика Византии достигла серьезных успехов: печенеги были разгромлены, половцы устрашены, Венгрия и Сербия превратились в вассальные государства. Сельджуки, оттесненные вглубь Малой Азии, не решались нападать на империю» [80, 329]. На Балканах успехи Византии были действительно значительны, но сельджуки не решались нападать на империю лишь потому, что Килич Арслан II был занят в это время захватом владений Данышмендов, лишь после завершения которого он и обрушился на Византию. В мае 1171 г. султан совершил поход на Мелитену, где продолжалась борьба за власть сыновей Айн ад даула. Из окрестностей города было выведено во владения Килич Арслана тридцать тысяч человек. Сохранялась угроза с его стороны и для Севастии. Все это вынуждало Данышмендов апеллировать к Нур ад дину. По призыву эмира Севастии Исмаила Нур ад дин направил в Малую Азию контингенты своих вассалов — атабека Мосула, Артукидов Диар Бакра и князя Киликии Млеха Рубенида, которые собрались в Севастии зимой 1171/72 г., а затем двинулись к захваченной Килич Арсланом Кесарии, где стояла армия султана. Здесь противники простояли до весны, так и не вступив в борьбу. В ходе начавшихся переговоров посланцы атабека потребовали от султана возвращения владений Шаханшаху и Зун нуну, освобождения семьи первого и возвращения пленных в районе Мелитены. В качестве ответа Килич Арслан прислал брату тело его сына, заявив, что перебьет остальных, если Шаханшах будет настаивать на возвращении владений. В качестве компенсации за них султан предложил брату содержание и статус частного лица. Из требований атабека было выполнено лишь одно — возвращены пленные. По-видимому, войска вассалов Нур ад дина еще не ушли, когда в Севастии, подняв голодный бунт, население перебило семью эмира. Погиб и он сам. Опасаясь захвата города Сельджукидом, жители пригласили в качестве правителя находившегося в Дамаске Зун нуна. Его появление в Севастии весной 1172 г. привело к возобновлению попыток султана захватить город. Осажденный в стенах Севастии войсками Килич Арслана, Данышменд обратился за помощью к Нур ад дину. На этот раз сам атабек с собственными войсками и контингентами вассалов появился в Малой Азии.

Летом 1173 г., сопровождаемый дядей султана Кок Арсланом, изгнанным племянником из его удела в Кесуне, Нур ад дин вновь захватил Кесун, Бехесни, Фарзман и Мараш (17 июня). После этого армия атабека вступила в район Джахан, где уже расположились контингенты султана. До вооруженного столкновения дело вновь не дошло. Противники начали мирные переговоры. Условия подписанного здесь соглашения были компромиссны. «Сивас был отдан Зун нуну, с которым была оставлена часть армии Нур ад дина, поставившего условием Килич Арслану оказание ему помощи против неверных» [49, 592; 51 б, 555; 41, 350]. Одной из причин, вынудивших атабека пойти на переговоры, было то, что «франки Сирии» нарушили перемирие и начали военные действия против его владений. Против них-то и было направлено соглашение с султаном. Атабеку так же была нужна свобода рук в Сирии, как султану в Малой Азии. Но соглашение вызвало неожиданно острую реакцию в Константинополе, так как формально нарушало условия византийско-румского договора 1161 г., согласно которым султан обязался не вступать в соглашение без санкции императора. По-видимому, в Византии справедливо опасались, что урегулирование отношений Килич Арслана с Нур ад дином, пусть даже временное, отразится и на ситуации в Малой Азии не в ее пользу. Киннам пишет, что «Нур ад дин, султан, управляющий Ликаонией (Килич Арслан. — В. С.), владетель Армении Мелия, а также владетель Анкиры и всей Галатии Шаханшах согласились между собой вступить в войну с ромеями. Поэтому-то василевс столь спешно возвратился с запада и расположился лагерем в Филадельфии» [4, 320]. Отсюда Мануил дважды направлял посольства к Килич Арслану, «чтобы отделить друг от друга упомянутых варваров». Сделав это и «украсившись сиим бескровным трофеем, император возвратился в Константинополь» [4, 323]. Угрожая применением силы, Мануил, как ему казалось, разрушил соглашение султана с атабеком. Реально же оно рассматривалось Килич Арсланом лишь как временное перемирие, и естественно, что он не собирался выполнять его условий, в частности помогать Нур ад диному в борьбе с франкскими владетелями Сирии. Именно поэтому «король Иерусалима и князь Антиохии, узнав об этом, осмелели и, двинувшись против варваров Веррии (Алеппо.—В. С.), на-

несли им много вреда» [4, 323]. Таким образом, Нур ад дину не удалось использовать Килич Арслана для совместных действий в Сирии в качестве младшего партнера.

Неизвестно, как бы стали развиваться события на Ближнем Востоке дальше, если бы 15 мая 1174 г. в Дамаске не умер Нур ад дин. Вскоре, 11 июля, скончался король Иерусалима Амори, и в малолетство его преемника Бодуэна IV началась борьба за регентство в королевстве, значительно его ослабившая в то время, как распад державы Нур ад дина повлек за собой резкое усиление султана Египта Салах ад дина, начавшего поэтапное завоевание владений своего бывшего сюзерена в Сирии и Месопотамии. В этих условиях контингенты Нур ад дина покинули Севастию. Лишенный поддержки извне и не располагая достаточными военными силами для борьбы с Килич Арсланом, Зун нун бежал в Константинополь. Осенью 1174 г. султан захватил Севастию и Коману. 15 февраля 1175 г. произошел очередной переворот в Мелитене. Но Килич Арслан не смог воспользоваться им, так как в конце 1174 г. на границах Рума появилась византийская армия, возглавляемая самим Мануилом. Готовясь к осаде Мелитены и стремясь выиграть время, султан направил к императору посольство с предложением передать ему города, обещанные по условиям договора 1161 г. Они принадлежали Данышмендам и к этому времени лишь частично были отвоеваны у них Сельджукидом. Согласившись с предложением Килич Арслана, Мануил отправил к нему для получения этих городов шеститысячный отряд во главе с Алексеем Петралифой. Килич Арслан постарался как можно шире оповестить население об условиях соглашения с императором, поставив его перед дилеммой: либо сдать города Византии, либо признать власть Рума. Последнее касалось тех из них, кто после краха Якуб Арслана и Зун нуна еще сохранял автономию, например, Амасия и Неокесария. Показательно, что население (каких именно городов — неизвестно) решило их судьбу в пользу Килич Арслана, и «те из городов, которые не были подвластны ему... поневоле ему покорились» [4, 326]. Таким образом, опасаясь вмешательства Мануила в малоазийские дела и понимая, что он выступит против него, султан предложил императору раздел владений Данышмендов: «прислать в Азию ро-

мейские войска для занятия городов, которые василевсу будет угодно избрать». Поэтому Петралифа был направлен не только с армией, но и с деньгами, необходимыми «для ведения войны». Используя угрозу передачи городов Византии и добившись признания ими своей власти, султан «не захотел уступать ромеям ни одного города» [4, 326].

Потеряв время и не использовав весны, удобной для похода против Рума, Мануил предпринял укрепление принадлежавших ему номинально пограничных крепостей. Начав с восстановления Дорилея, император послал в Пафлагонию для занятия еще не захваченных Килич Арсланом городов и крепостей Данышмендов армию с братом султана Шаханшахом. Поход был неудачен, и Сельджукид возвратился ни с чем. Тогда же «Амасия была готова присоединиться к ромеям». К городу был послан Михаил Гавра, которому было поручено собрать войска в Трапезунде и Инее [4, 327; 38, 385].

К этому времени Мануил завершил восстановление стен Дорилея. «Тщательно снабдив его всем нужным для охраны, василевс выступил из тамошних стран и, прибыв в Сувлей, восстановил и этот город и поставил в нем гарнизон». Земли вокруг городов были розданы греческим и латинским поселенцам [114, 258; см. также 278, 21—29]. Фактически восстановление Дорилея и Сувлея и начало колонизации их районов были частью целого комплекса мероприятий, направленных если не на восстановление статус-кво в Малой Азии, существовавшего до 1161 г., то по меньшей мере на выравнивание явно менявшегося в пользу Рума соотношения сил в данном районе. К этому комплексу следует отнести и походы в Пафлагонию и к Амасии. Именно поэтому, узнав о восстановлении пограничных городов и трезво оценив возможные последствия колонизации Византией пограничных районов, где она создавала себе опору в лице поселенцев, Килич Арслан вновь отправил к Мануилу посольство с предложением отдать города, обещанные в 1161 г. Пока шли переговоры, стали известны подробности неудачи Гавры при Амасии. Подойдя к городу, он действовал крайне нерешительно, хотя население и сдало ему Амасию и цитадель. Введя в нее византийский гарнизон, полководец так и не решился ввести армию в город. Подход же к Амасии армии Килич Арслана обратил Гавру в бегство. Был забыт и остав-

ленный в цитадели гарнизон. Опасаясь штурма города, население сдало его султану. Известия об этом дошли до Мануила, еще находившегося в Дорилее. К Килич Арслану был послан некий Фома с требованием передачи Амасии, естественно, возвратившийся ни с чем. Захват Пафлагонии дал султану возможность прервать переговоры и бросить армию на Мелитену. Начавшаяся в июне осада завершилась сдачей его Килич Арслану 25 октября 1175 г. Этим фактически завершился процесс объединения большей части Малой Азии под властью Рума, чем был окончательно решен вопрос о гегемонии в данном районе. Единственным противником султаната в Малой Азии осталась Византия.

По-видимому, значение происшедшего осознали и в Константинополе. Но из этого вновь был сделан ошибочный вывод о том, что одна победоносная кампания способна раз и навсегда решить все проблемы империи в Малой Азии в ее пользу. Вновь не был учтен печальный опыт предыдущих походов, особенно киликийского 1158—1159 гг. С началом весны 1176 г. Мануил собрал войска из «латинян, скифов», т. е. своих вассалов на Ближнем Востоке и на Балканах, и выступил в поход. Он повел армию через Лаодикею и Сувлей к истокам р. Меандр. Явно избегая решающего сражения, Килич Арслан возобновил переговоры и «просил мира, соглашаясь на исполнение всех желаний императора» [4,229]. Несмотря на советы придворных, Мануил отказался вести переговоры, заявив, что ответит на предложения султана в его столице Иконии. Двинув армию к столице Рума, Мануил отправил к Неокесарии, во фланг армии султана, контингенты во главе с Зун нуном и своим племянником Андронником Ватацем. Фактически был повторен поход Гавры к Амасии. И на этот раз предполагалось, что появление Данышменда с византийской армией в его бывших владениях приведет к восстановлению его власти в Пафлагонии и Понте, что создаст угрозу Руму с севера. Этого не произошло. Взаимное недоверие эмира и византийского полководца, оторванность византийской армии от своих баз, ложное известие о гибели Мануила, постоянные нападения сельджукской конницы — все это привело к тому, что начатая было осада Неокесарии была снята. На обратном пути к границам империи византийская армия понесла значительные потери. Сам Андронник погиб. Голова его

была показана Мануилу в сражении при Мириокефале².

Неудача армии Ватаца во многом осложнила положение основной армии, медленно продвигавшейся к Иконию. В горном массиве Дуз Бел сельджуки организовали засаду в Ивирицком ущелье, «через которое должны были пройти ромеи по выходе из Мириокефала», небольшой крепости, расположенной неподалеку от входа в ущелье. Пропустив через него византийский авангард, сельджуки обрушились на шедшее в походной колонне правое крыло армии во главе с братом императрицы Бодуэном Антиохийским. Началось избиение запертой в ущелье византийской армии. Резня была прекращена лишь к ночи 17 сентября 1176 г. Разгром был полным. Тут же на поле боя Мануил подписал привезенные ему посольством султана условия мирного договора, по которым он обязался разрушить Дорилей и Сувлей и, по-видимому, отказаться от поддержки Данышмендов. После этого император отвел остатки армии к Хонам. Отдельные сельджукские отряды преследовали отступавших, грабя и убивая отстававших. На пути к Хонам во исполнение договора был разрушен Сувлей.

Сам Мануил, по словам Никиты Хониата, сравнивал свое поражение при Мириокефале с разгромом Романа Диогена при Манцикерте [14, 246]. Все исследователи отмечают, что при кажущемся параллелизме событий их масштабы несопоставимы [160, 513; 80, 332; 67, 165; 230 а, 257—275]. При Манцикерте византийская армия потерпела поражение от войск султаната Великих Сельджукидов, объединявшего в тот период огромные территории от Средней Азии до границ Египта, тогда как при Мириокефале она была разгромлена войсками малоазийского Румского султаната. Это сопоставление наиболее наглядно демонстрирует путь по нисходящей, пройденный Византией за столетие. И ближневосточная политика Комнинов, зачастую основывающаяся не на реальной оценке своих сил и сил противника, а на внешнеполитических концепциях и амбициях, унаследованных от XI в., во многом ускорила падение империи.

Последние годы правления Мануила (1177—1180) ознаменовались прекращением активных военных действий империи в Малой Азии. Этот период отмечен усилением сельджукских набегов на пограничные районы Византии. Так как Дорилей не был разрушен, сельджуки разграбили Траллы, Луме, Антиохию Фригийскую и

ряд других городов. И хотя византийские отряды захватили их на обратном пути при р. Меандр, освободить всех пленных не удалось. Позже сельджуки вновь грабили районы Харакса и Панасиона. Мануил был вынужден лично выступить в поход на север Вифинии, когда сельджуки осадили Клавдиополь [289, 68—73]. В целом, несмотря на отдельные успехи, Византия переходит к обороне на своей малоазийской границе, тогда как стратегическая инициатива всецело переходит к Румскому султанату. К этому времени Килич Арслан II заключил союзный договор с Салах ад дином (1178), и султан Египта во исполнение договора совершил поход против княжества Рубенидов, становившегося все более опасным противником Рума в Малой Азии (1179). В свою очередь, Сельджукид выступил в качестве посредника в примирении Салах ад дина с Зенгидами Мосула и Артукидами Диар Бакра. Тем не менее объективно на южных границах Рума растет египетская опасность: в 1182 г. Салах ад дин захватил Эдессу, Ракку, Серудж и Амиду. 11 июня 1183 г. египетские войска завершили завоевание Сирии, вступив в Алеппо. Лишь борьба с франкскими государствами Сирии и Палестины отвлекла Салах ад дина от малоазийских проблем. Тем не менее его войска дошли до Хлата у оз. Ван, лишив Рум возможности продолжать экспансию на своих юго-восточных границах. Раздел султаната на двенадцать уделов между наследниками Килич Арслана (1190) ослабили Рум, свидетельством чего явился разгром его столицы Икония участниками третьего крестового похода.

К концу XII в. в целом закрепляется то соотношение сил, которое сложилось в Малой Азии между Византией и Румом после 1176 г. Распад султаната и резкое ослабление Византии после краха Комнинов (1185) сделали обе стороны неспособными кардинально изменить положение в регионе в свою пользу.

После 1071 г. в Малой Азии происходят необратимые экономические, демографические и этнические изменения. Вследствие сельджукского завоевания региона (разгром городов, гибель или бегство населения в прибрежные районы полуострова, запустение огромных территорий) земледельческий уклад в центральной части его почти повсеместно вытесняется кочевым скотоводством, а греческое и армянское население — кочевниками-тюрками. Переселенческая политика самой Византии, выселявшей вглубь своей территории население пограничных районов, лишь способствовала этому. Как следствие, в стремлении отвоевать у Румского султаната центральные районы Малой Азии империя не могла опереться здесь на местное земледельческое население и сколь-нибудь прочно удержать данные территории под своей властью. Но в предшествующий период именно переселенческая политика была одним из наиболее действенных средств восстановления власти Византии на Ближнем Востоке, так как реконкиста империей Малой Азии сопровождалась заселением вновь приобретенных территорий греками, армянами, болгарями, сирийцами, вследствие чего арабское население здесь было вытеснено за пределы новых границ Византии.

В условиях значительного экономического и военного ослабления империи, даже после известной стабилизации ее внешнеполитического положения к концу XI в., она была уже не в состоянии достичь решающего перелома в борьбе за Малую Азию собственными силами. Единственным существенным успехом ее было

использование военных сил крестоносцев для отвоевания у Рума юго-западной части полуострова. Оформившаяся к этому времени граница с султанатом, несмотря на некоторые изменения в пользу империи в последующие годы, в целом сохранялась до конца XII в.

Одной из причин относительно скромных успехов Византии в Малой Азии, да и на Ближнем Востоке в целом, явилось возрождение ею с 30-х годов XII в. глобальной внешней политики, целью которой было не только возвращение утраченных после 1071 г. территорий как в Азии, так и в Европе, но и возвращение ей статуса мировой державы, т. е. воссоздание ойкуменического сообщества как системы международных отношений, центром которой вновь стала бы окруженная вассальными государствами Византия. Уже в период правления Алексея I внешняя политика империи, сохраняя в целом оборонительный характер, в долгосрочном плане была ориентирована на будущую экспансию от Балкан до Тигра и Евфрата (об этом пишет Анна Комнина). В то же время реально успехи императора на Балканах в борьбе с половцами, печенегами и норманнами были достигнуты ценою признания утраты им Малой Азии по соглашению с Румским султанатом на р. Дракон (1081) и отказа от активной политики здесь вплоть до первого крестового похода.

В условиях явной невозможности параллельного ведения наступательных действий на всех фронтах Византия все чаще сочетает войну с дипломатией, средства которой становятся все тоньше и изощреннее. В ход был пущен весь арсенал испытанных средств и методов, а также некоторые нетрадиционные: связанное с отказом от политики «блестящей изоляции» заключение дипломатических и военных союзов (за которые империи все чаще приходилось расплачиваться экономическими уступками), широчайшее использование брачной дипломатии, ранее невозможной уже с точки зрения ойкуменизма, возрождение политики «борьбы с варварами руками самих же варваров». Все это во многом было связано с тем, что собственных ресурсов империи для реализации поставленных перед нею целей было явно недостаточно.

Активная малоазийская политика империи начинается с 30-х годов XII в. Попытки решения ее проблем военным путем чаще всего завершались провалом. По-

требовавшие колоссальных затрат сил и средств походы Иоанна II против Рума и эмирата Данышмендов в целом дали весьма скромные результаты, которые к тому же никогда не удавалось закрепить. Примерами здесь могут служить судьбы пограничных Кастамона, Гангр, Филомилия, Созополя и других: для того, чтобы отвоевать их, потребовалось несколько походов Иоанна II, но удержать в составе империи не удалось. Поэтому с 40-х годов Византия все более переходит от войны к дипломатии, поддерживая и разжигая конфронтацию Румского султаната и эмирата Данышмендов в целях взаимного их ослабления, а следовательно, восстановления своих позиций в регионе. Политика эта была достаточно эффективна в 40—50-е годы XII в., в известной степени замедлив процесс консолидации Малой Азии под властью Рума.

В 1161 г. с целью получить свободу рук на Балканах в условиях, когда невозможность наступательной политики на всех фронтах стала объективной реальностью, Византия отказалась от ставшей уже традиционной политики поддержания равновесия сил и состояния перманентной борьбы между Румом и эмиратами Данышмендов. Договор 1161 г. ознаменовал собой отказ империи от попыток продолжения наступательной политики в Малой Азии, что и дало возможность Руму завершить объединение полуострова. Формально договор явился дипломатической победой империи: в рамках ойкуменического сообщества султан Рума признал сюзеренитет императора, получив статус «сына». В то же время противники Рума, ранее поддерживаемые Византией, теперь были вынуждены урегулировать свои отношения с султаном на его условиях, формально признав сюзеренитет империи и получив статус ее «друзей». В итоге следование ойкуменической доктрине вступило в явное противоречие с реальными потребностями внешней политики Византии, ибо статус «сына», полученный султаном, был интерпретирован в Константинополе как возвращение Малой Азии под верховную власть василевса в рамках ойкуменического сообщества, что также не могло не повлиять на свертывание малоазийской политики империи. Как следствие, вплоть до 1173 г. она была всецело занята решением балканских проблем, предоставив султану свободу рук в Малой Азии и отказавшись от поддержки Данышмендов. Все это

привело к тому, что, уничтожив эмираты, Рум к 1176 г. стал единственным, к тому же резко усилившимся, противником Византии в регионе. Это и предопределило финал — разгром византийской армии при Мириокефале, положивший конец попыткам империи вернуть утраченные после 1071 г. малоазийские территории.

Второе направление ближневосточной политики Византии формируется в связи с первым крестовым походом. Нуждаясь в военной помощи для отвоевания утраченных территорий, Византия использовала для этого крестоносцев, навязав им Константинопольское соглашение 1097 г. Получив статус «сына», дары и византийские саны, предводители ополчений крестоносцев были вынуждены признать сюзеренитет василевса ромеев в рамках ойкумены и обязались возвратить Алексею Комнину все принадлежавшие ранее Византии территории, которые они отвоюют у сельджуков. Но если в Малой Азии условия соглашения были в основном выполнены и империя получила эти территории, то в Сирии и Месопотамии образуются государства крестоносцев. Образуются вопреки условиям соглашения, как считали в Константинополе. Именно нарушение их предводителями похода явилось для Византии предлогом для борьбы с данными государствами с целью возвращения их территорий в состав империи. На первом этапе (конец XI — начало XII в.) Византия пыталась решить эту проблему военным путем, но поражение ее в войне 1107—1108 гг. с Антиохийским княжеством вынудило империю, при сохранении прежних целей, изменить тактику. От попыток быстрой ликвидации государств крестоносцев она возвращается к традиционной политике постепенной их инкорпорации в состав ойкуменического сообщества в качестве прямых своих вассалов. Претерпевают изменения и воззрения правящих кругов Византии на будущее данных государств. На известный период времени им была отведена роль буферных вассальных образований на восточных границах империи. Аннексия государства крестоносцев и включение их территории в состав Византии должны были сопровождаться сохранением их политической структуры, как и структуры восточной границы империи, которая оставалась бы окаймленной цепью буферных государств. В этих целях Византия преду-

смащивала перемещение вассальных правителей на новые территории, которые еще предстояло отвоевывать у мусульман. Но проведение и тем более успех этой политики были возможны лишь в благоприятных внешнеполитических условиях, которых не было уже с 30-х годов XII в., когда Южная Сирия вошла в состав владений атабеков Мосула, реально угрожавших самому существованию государств крестоносцев, особенно после присоединения Алеппо (1128) и Дамаска (1154). Византия предельно эффективно использовала эту угрозу и, как следствие, заинтересованность данных государств в поддержке извне, от кого бы она ни исходила — от Византии или от стран запада. Но военная помощь империи обуславливалась навязыванием государствам крестоносцев статусов ее вассалов. Отсюда их попытки получить военную помощь с далекого и поэтому более безопасного запада вызывали недовольство империи. Именно с этим была связана ее предельно активная роль в срыве второго крестового похода, хотя значителен был вклад в это и самих государств крестоносцев, опасавшихся образования у своих границ нового государства, которое могли бы создать король Франции или император Германии в случае успешной осады Дамаска (1148).

Общее ухудшение внешнеполитического положения государств крестоносцев в конце 40-х — начале 50-х годов XII в. было использовано Византией для упрочения своего влияния на них. Но уже к концу 50-х годов ситуация в Сирии, где соотношение сил окончательно меняется в пользу Зенгидов, все более выходит из-под контроля империи. Провал предпринятого совместно с Иерусалимским королевством похода против заранее поделенного Египта, затяжные войны с Сербией и Венгрией на Балканах, потребовавшие сосредоточения там основных сил империи, провал южнотальянской кампании, союз Сельджукидов Рума с Зенгидами Алеппо с целью совместного наступления на государства крестоносцев — все это предопределило то, что в момент, когда государства крестоносцев более чем когда-либо нуждались в военной и дипломатической помощи Византии, она оказалась не в состоянии ее оказать. А поражение ее войск при Мириокефале сделало все последующие попытки империи сохранить свое влияние на

Ближнем Востоке обреченными на провал: начинается процесс объединения его под властью султана Египта Салах ад дина, одной из первых жертв которого и стали в 80-е годы XII в. государства крестоносцев. Византия в это время была уже парализована внутривосточным кризисом, завершившимся крахом «клана Комнинов».

Вопреки традиционно оптимистической оценке результатов восточной политики Византии 1171—1176 гг., сложившейся в историографии к концу XIX в. и существующей поныне, следует отметить, что на протяжении исследуемого периода империи так и не удалось возвратить утраченные после 1071 г. территории. Возможно, это было связано с тем, что потребности реальной политики были подчинены задачам глобальным, став их составной частью: войны с Сербией и Венгрией на Балканах, попытки отвоевания Южной Италии, малоазийские походы и активная политика в Сирии — все это требовало колоссального напряжения сил, огромных экономических и военных ресурсов, которыми Византия в это время уже не располагала. Наряду с причинами социально-экономического плана, приведшими империю к гибели к началу XIII в., значительную роль в этом сыграли и внешнеполитические факторы как объективного, так и субъективного характера. К их числу следует отнести и традиционную глобальную внешнюю политику Византии, когда одновременно предпринимались усилия достичь восстановления ее влияния на международной арене повсюду — от Балкан до Месопотамии и от Египта до Италии. После Манцикерта данная политика вела лишь к колоссальному расходованию экономических и человеческих ресурсов, ни в коей мере не компенсируемому реальными результатами предпринимавшихся внешнеполитических усилий.

Унаследованный от прошлого арсенал средств и многие новые, созданные на протяжении исследуемого периода, служили реализации замыслов универсалистского толка, политике возрождения былого величия империи. Трагедия заключалась в том, что объективные процессы социально-экономического развития делали попытку воссоздания монархии универсального типа обреченной на провал. Известной параллелью здесь могут служить и судьбы союзницы, а затем — про-

тивницы Византии в Европе, Германской империи Штауфенов. Не случайно поражение Мануила при Мириокефале совпало с разгромом армии Фридриха I Барбароссы ополчениями ломбардских городов в битве при Леньяно (1176). Мировые империи рушились одновременно, и не последнюю роль в их гибели сыграла внешняя политика, призванная способствовать достижению ими мирового господства в рамках ойкумены.

К главе I

¹ 108, 72—80; 110, 163—172; 125, 36—45; 137; 166, 41—117.

² Основными работами по сельджукской экспансии и международным отношениям на Ближнем Востоке в конце XI — начале XII в. являются труды Ж. Лорана [224] и К. Каэна [145, 219—276; 147, 5—67; см. также 141, 18—44; 150].

К главе II

¹ Вопрос остается дискуссионным. В. Хольцман, на наш взгляд, убедительно доказал достоверность информации латинских источников [205, 38—67]. Его выводы поддержал Я. Н. Любарский [7, 558, прим. 970]. Аргументы «против» приводил П. Лемерль [229, 600], аргументы «за» — Д. Мурро [240]. Но наиболее убедительной представляется точка зрения М. А. Заборова, датировавшего контакты 1091 г. [74, 39—41].

² Точная дата письма не установлена. Традиционно оно датируется серединой 1088 г. Но, на наш взгляд, оно явно следует за встречей в Боруе, датированной концом 1089 — началом 1090 г. [7, 535, прим. 777]. Латинский текст и немецкий перевод — [6], русский перевод — [5, 84—90], английский — [209, 811—832]. Библиография письма огромна. Подлинность его признавали В. Г. Васильевский, К. Каэн [151, 84—90], П. Харанис [162], отрицали — П. Риан, Ф. Шаландон, П. Лемерль и Е. Джорансон. Библиография — [74, 40, прим. 53]. Об отношениях Алексея I с Робертом — [151, 84—90; 186, 64; 60, 61, прим. 2].

³ Даты приводятся по «Хронологии крестовых походов» Х. Хагенмайера [195]. О походе см.: [153, 7—30; 154, 118—125; 211, 79—100; 215, 235—250; 229, 595—620; 262, 207—221]. Из общих работ основными являются труды Х. Хагенмайера [195], В. Стефенсона [271], Р. Груссе [191], С. Рэнсимена [264] и коллективная монография, в написании которой приняли участие К. Каэн, П. Харанис, С. Рэнсимен, Дж. Финк, Р. Никольсон, М. Балдвин и В. Бэрри [202].

⁴ Е. Крей считал, что данный пассаж является позднейшей интерполяцией в тексте «Деяний франков», призванной постфактум оправдать захват Бозмундом Тарентским Антиохии, так как

до лета 1098 г. князь никогда не ссылался на это соглашение в оправдание захвата им Равнинной Киликии. Он объяснял этот захват тем, что сам император нарушил Константинопольское соглашение, чем и развязал руки норманну [214, 57—78]. С точкой зрения А. Крея в целом согласилась и Р. Хилл [25, 12, п. 2].

⁵ Источники фиксируют лишь обязательства крестоносцев и, по-видимому, не в полном объеме, тогда как обязательства императора, возможно, со слов рыцарей из окружения Бодуэна Фландрского (иных источников у него не было) излагает Маттеос Урхайеци. Сведения его, при всей их апокрифичности, заслуживают особого внимания [42, 255]. Ср. мнение А. А. Васильева [60, 34].

⁶ У М. А. Заборова они слились в одно лицо [79, 66].

⁷ В источниках нет единства мнений о том, кто овладел Аданой. Поэтому и появилась точка зрения о тождестве рыцаря Урсинуса, армянского князя Ошина и византийского стратига Равнинной Киликии Аспнета. Так считали Р. Груссе [191, т. 1, 45] и Ф. Шаландон [158, 105]. Утверждение Я. Н. Любарского, что именно Ж. Лоран доказал тождество Урсинуса, Ошина и Аспнета,— недоразумение [7, 498, прим. 498]. Ж. Лоран как раз доказывал обратное [226, 159—168]. См. также [88, 43] и библиографию там же.

⁸ Вопрос имеет обширную библиографию — от работ Э. Дюлорье [173] и Ж. Лорана [227] до С. Рэнсимена [265, 621—634] и А. Людерс [231]. См. также [70, 281—283].

⁹ «Деяния франков» фиксируют присутствие в лагере крестоносцев под Антиохией египетского посольства 9 февраля 1099 г. [25, 37—38]. См. также [29, 247].

¹⁰ Вопрос связан с переговорами, ведущимися между Алексеем I и Боэмундом в апреле 1097 г. в Константинополе накануне подписания общего соглашения с крестоносцами (см. выше, прим. 4 к главе II). Достоверность «дара Татикия» признавали Дж. Франс, пытавшийся обосновать свою точку зрения аргументами психологического плана [183, 137—147], и М. А. Заборов [79, 79]. Ф. Шаландон и С. Рэнсимен [264, т. 1, 224, п. 1] отрицали его достоверность. Без комментариев воспроизвел эти данные К. Каэн, по-видимому, признавая их достоверность [146, 218]. Вопрос требует дальнейшего изучения.

¹¹ Боэмунд снабдил продовольствием свой гарнизон в цитадели, а Сен Жилье приказал укрепить дворец Яги Сиана и комплекс Морских ворот [25, 75].

К главе III

¹ События в Киликии показательны для ситуации, сложившейся в Малой Азии в целом, когда после прохода крестоносцев и разгрома армии Килич Арслана I при Дорилее здесь образовались «ничейные» территории, покинутые кочевниками. Таким образом, между летом 1097 — весной 1098 г. за счет захвата их и было возможно расширение территорий как Византии, так и Антиохийского княжества.

² Оформление независимости Антиохийского княжества и графства Эдесского, а также претензии на нее Танкреда, признанные Даимбергом, серьезно ослабили позиции Готфрида Бульон-

ского, так и не принявшего королевского титула, в борьбе с новым патриархом Иерусалима [см. 100, 3—5, 86—89; 194, 321—330].

- ³ Вопрос тесно связан с датой киликийского похода Вутумита и Монастры. См. историографию [95, 52—54]. Дату, предложенную Я. Н. Любарским (конец 1099 — начало 1100 г.), подтверждают данные Маттеоса Урхайеци, который датирует присутствие в Мараше византийского стратига уже летом 1100 г. [42, 272; 88, 127—128]. Библиография — [88, 127, прим. 2]. Ср. [230, 64]: Р. Лили датировал поход 1104 г.!
- ⁴ О вводе в Мелитену отряда из 50 рыцарей пишет лишь Альберт Ахенский [17, 526; ср. 23, 407]. Город сохранял автономию до 1103 г. до захвата его Данышмендом. Около 1103 г. датируется и брак второго графа Эдессы Бодуэна Буржского с дочерью Гавриила Морфией (лето 1100 — весна 1103 г.).
- ⁵ Во второй половине января 1099 г. в его руки попали Крак и Рафания [29, 680], около 17 февраля — Тортоса [30, 276; 25, 83]. Вторично Тортоса была захвачена 21 апреля 1102 г. с помощью флота Генуи [17, 583; 23, 399; 49, 212]. К 1105 г. были захвачены Джебель-Джабала, Акра, Джебелет, затем частично утраченные (Акру пришлось вновь отвоевывать Гиому Журдену) [19, 71; 17, 528, 605—606, 607—608; 31, 442, 466—467; 158, 232; 146, 244; 259, 103—108]. Хронология — [195, № 403].
- ⁶ Ср. [199, 222—227]. Но вряд ли, вопреки мнению Дж. и Л. Хилл, Сен Жилль был причастен к «стремлению папы Урбана II установить или восстановить греко-латинскую дружбу» [201; 161; 215, 235—250].
- ⁷ См. [158, 239; 146, 237—240]. Армия Джекермиша осадила Эдессу [31, 443—445; 41, 195; 39, 78—80; 51 а, 592; 17, 618, 619].
- ⁸ Сарвантикар, по-видимому, принадлежал Антиохийскому княжеству уже в 1101 г., так как в него, если верить Маттеосу Урхайеци, был заключен Танкредом возвращавшийся на восток после крестового похода 1101 г. Сен Жилль [42, 243]. О Сарвантикаре — [189, 103].
- ⁹ О захвате его среди событий 1107 г. явно ошибочно сообщает Михаил Сириец [41, 195]. Но 1105 г. датирует Маттеос Урхайеци изгнание из города антиохийского гарнизона [42, 302].
- ¹⁰ Хронология византийско-антиохийской войны известна недостаточно, особенно заключительного ее этапа [112, 142—147].
- ¹¹ Ибн аль Каланиси датирует взятие Танкредом Тарса 503 г. хиджры (31. 7. 1109—19. 7. 1110) [52, 99]. Если принять предложенное еще Р. Рерихтом отождествление Курика с Коризо, владетель которого Теобальд, вассал князя Антиохии, подписал хартию антиохийского барона Готье Сурдеваля Госпиталю [32, 37, № 150], то Курик был взят в 1109/10 г. Сравнительно недавно мнение Р. Рерихта развил Р. Лили [230, 99], который считает так же.
- ¹² Для латинских хронистов показательно почти полное умолчание о причинах и ходе конфликта 1108—1109 гг. О нем пишут более подробно Маттеос Урхайеци и, главным образом, арабские хронисты. Гиом Тирский и Альберт Ахенский излагают различные версии событий. Поэтому даже Р. Л. Никольсон, автор наиболее фундаментальной работы о регентстве Танкреда в Антиохии, ничего не знает о переходе Мараша под власть последнего, полагая, что триполитский арбитраж восстановил

территориальную целостность графства Эдесского, существовавшую до Харрана [242, 185]. Для остальных западноевропейских исследователей характерно замалчивание данных событий, так как они не вписываются в концепцию «христианского единения» пришельцев с запада в борьбе с «неверными». О разделе владений Сен Жилля и о судьбах графства Марашского см. [258, 31; 111, 53—63].

К главе IV

¹ Судьбы Равнинной Киликии в этот период известны недостаточно. Вопрос о ее государственной принадлежности предельно запутан. Ф. Шаландон допускал возможность того, что между 1108—1135 гг. район мог быть отвоеван Византией у Антиохийского княжества [158, 235; 160, 108—109]. Р. Груссе, ссылаясь на соответственно интерпретированное мнение предшественника, писал, что «Левон отнял Мамистру, Адану и Тарс не у франков Антиохии, но у византийцев, которые между 1104—1108 гг. отвоевали их у Танкреда» [191, т. 2, 51]. Исследователь явно исходил из уверенности в том, что Деволский договор был Византией реализован, хотя источники сообщают обратное. Точку зрения Р. Груссе разделил и Н. Елисеев, писавший, что Иоанн II Комнин отвоевал Равнинную Киликию не у Антиохийского княжества, но у «сыновей Левона Армянина» [176, 363]. В. Х. Рюдт-Колленберг полагал, что к 20-м годам XII в. данный район принадлежал уже Левону I Рубениду [260, 49]. Г. Г. Микаелян считал, что Равнинная Киликия принадлежала Византии до 1132 г. и была отвоевана у нее Левонем, но начало этого процесса он относит еще к первым годам правления его брата Тороса (1100—1129) [98, 98—99]. Однако ссылка исследователя на свидетельство Усамы ибн Мункыза [48, 297], которое не датировано, не подтверждает его точку зрения. Столь же ошибочна и трактовка им сообщения Михаила Сирийца [41, 227], никак не свидетельствующего о вхождении Равнинной Киликии в состав княжества Рубенидов. На основе тезиса о принадлежности данного района Рубенидам строит свою концепцию международных отношений на Ближнем Востоке и политики Византии в Киликии и А. Бозоян [56; 57, 5—13].

Странным образом все исследователи, кроме Ф. Шаландона, игнорировали изданные еще в XIX в. хартии князей Антиохии и баронов княжества. Так, хартию Танкреда Пизе, по которой он даровал ей за помощь в отвоевании у Византии Лаодикии квартал в городе, подписали католический епископ Тарса Рожер и архиепископ Мамистры [32, 11, № 53]. До 1114 г. вассал князя Антиохии Рожера Видо Каприолис даровал монастырю Богоматери в Иосафатовой долине в Иерусалиме касаль св. Павла на территории Мамистры и землю в местности Хоссе [33, 115, № 4]. В 1114 г. дар Видо среди даров прочих своих вассалов специальной хартией подтвердил Рожер [34, 26, № 4]. Наконец, вдова Рожера и сестра короля Иерусалима Цицилия, получившая Тарс и Мамистру после гибели мужа (1119) во вдовью часть, по хартии 1126 г., подтвержденной князем Антиохии Боэмундом II, утверждает ранее сделанные монастырю Богоматери дары и делает новые. Здесь так-

же фигурируют четыре касая на территории Мамистры, в том числе и Оэсси за рекой Джейхун [33, 123, № 13]. П. Рнан в комментариях к «Антиохийским войнам» Готье Канцлера назвал Видо Каприолиса Ги де Шеврие, что и утвердилось во франкоязычной литературе, в частности после труда Ф. Шаландона. Альберт Ахенский, перечисляя вассалов регента Антиохии Танкреда, под 1110 г. называет Видо принцем Тарса и Мамистры [17, 682—683], что совпадает с данными хартий до 1114 и 1114 гг. Видо упомянут Готье Канцлером как вассал Рожера и участник его последних кампаний 1118 и 1119 гг. [24, 74]. Издатель хроники Х. Хагенмайер отождествил его как с Видо хартий до 1114 и 1114 г., так и с Видо Альберта Ахенского, полагая, что речь идет об одном лице — вассале Танкреда и Рожера, получившем Тарс и Мамистру в феоде после того, как Танкред отвоевал их у Византии в 1109 г., и удерживавшем их вплоть до 1119 г. [24, 189, п. 34]. После 1119 г. Тарс и Мамистру получила во вдовью часть Цицилия, сестра Бодуэна II и вдова Рожера, известная по хартии 1126 г. как «дама Тарса и сестра короля». Исходя из тезиса о принадлежности Равнинной Киликии в 20-е годы XII в. княжеству Рубенидов и зная о хартии, В. Х. Рюдт де Колленберг «выдал» Цицилию замуж за Левона I Рубенида, что явно не соответствует действительности [260, 49, № 6], так как хартию Цицилии утвердил не Левон, а князь Антиохии Боэмунд II, которому в 1126 г., как пишет Маттэос Урхайеци, регент Бодуэн II, брат Цицилии и король Иерусалима, передал «Антиохию и всю Киликию» [42, 366]. Лишь в 1132 г., после объединения уделов Тороса и Левона (до этого княжество Рубенидов как единое целое не существовало), Левон I принял отвоєвание Равнинной Киликии у Антиохийского княжества. Но все завоеванное было им утрачено к 1136 г. Гийом Тирский прямо пишет, что Равнинная Киликия, которой Антиохийское княжество владело около 40 лет, была несправедливо отнята Иоанном II Комнином [31, 642]. Р. Лили в последней по времени работе, затрагивающей данную проблему, также полагает, что после 1108 г. Равнинная Киликия принадлежала Антиохийскому княжеству, хотя ему был известен лишь факт принадлежности Курика антиохийскому вассалу Теобальду [230, 99].

² Ибн аль Асир, единственный об этом писавший, сообщает, что это сделала вдова Гоха [49, 393]. По-видимому, к этому времени были восстановлены отношения с Антиохийским княжеством, так как в армии Тга находились рыцари-наемники из Антиохии, ушедшие после того, как князь признал сюзеренитет атабека между 5 мая — 4 июня 1114 г. [42, 330].

³ В дальнейшем они фигурируют в качестве византийских полководцев в период правления Мануила [4, 219, 300; см. 88, 42—43].

⁴ Ф. Шаландон [158, 102], Р. Груссе [191, т. 1, 494] и Г. Г. Микаелян [98, 80] датировали аннексию Каркара графом Эдессы 1117 г., тогда как наш единственный источник по данному вопросу Маттэос Урхайеци связывает гибель князя Константина с землетрясением 2 декабря 1114 г. Константин погиб в заключении в Самосате [42, 338; см. также 43, 289]. Само же княжество, которым правил сын и наследник Константина Михаил, а затем брат армянского католикоса Григора Васил,

будучи вассальным по отношению к графству Эдесскому, погибло в конце 1149 г.

⁵ Уникальные сведения о конфликте сохранили лишь Михаил Сириец и Аноним 1234 г. [41, 205—206; 39, 86, 91].

⁶ Об этом сообщает источник поздний и в датах малодостоверный — «Рифмованная хроника» Рахрама Рабуни XIII в. Однако имя наследника Тороса (Константин), явно названного в честь деда, и сообщения Михаила Сирийца о реакции князя Антиохии и эмира Севастии на объединение уделов Рубенидов придают этой информации достоверность [47, 500].

⁷ Так, Е. Рей причиной всех внутривизантийских распрей в княжестве считал «руку Византии» [255, 351, 356, 357, 365].

⁸ [160, 121—122]. Король был в это время ректором и балли княжества, как он назван в хартии 1133 г. [32, 37, № 149].

⁹ Хронология событий гипотетична. Ни одна из двух версий, приводимых Михаилом Сирийцем, армянскими и латинскими хронистами, не может быть принята. Следует отметить, что поход на Селевкию мог быть предпринят лишь после захвата Левонном принадлежавшего Антиохийскому князю Курика, владелец которого Теобальд 2 января 1134 г. подписал хартию Готье Сурдеваля в Лаодикее. Так что, возможно, к этому времени Курик и был захвачен Рубенидом. Данный вопрос теснейшим образом связан с датировкой киликийского похода Иоанна II Комнина [см. 82, 14, прим. 43].

К главе V

¹ [13, 207] — эпинакий на триумф Иоанна после взятия Кастамона. Киннам пишет о трех походах императора на Кастамон, первый из которых завершился взятием города, второй был прерван сообщением о смерти императрицы Ирины, третий последовал за смертью Данышменда [4, 12, 14].

² По Киннаму, Мануил возвратился из Киликии в столицу [4, 35]. Короновался. Совершил поход против Раймунда де Пуатье. Вступил в брак с Ириной (12 января 1146 г.). Совершил поход в Вифинию, решив отстроить Мелангий. Узнав о болезни сестры, кесарисы Марии, возвратился в Константинополь, после чего отправился в Лопадий. По Хониату [14, 67], после коронации Мануил совершил поход к Мелангию, затем против Раймунда, после чего направился к городам на р. Меандр. Таким образом, Хониат несколько «сжимает» события во времени, опуская некоторые из них.

³ Об этом пишет только Киннам, не уточняя, кто конкретно это мог быть [4, 59]. Ф. Шаландон игнорирует эти данные [160, 255]. Так как среди убитых в армии Данышменда упомянут Гавра [см. 152, 145—149], «происшедший от ромеев, но выросший и воспитанный в Персии и потом какими-то судьбами около этого времени получивший сатрапию», то, возможно, этим Данышмендом был Якуб Арслан, чьи владения граничили с районом Трапезунда.

⁴ Союз двух империй — Византийской и Германской, скрепленный браком Мануила и Берты-Ирины Зульцбахской, на сестре которой был женат Конрад III, был создан для борьбы с равно угрожавшим как интересам Византии в Южной Италии и на Балканах, так и интересам Германской империи в Ломбардии

и Средней Италии Сицилийским норманнским королевством, образовавшимся в 1130 г. [см. 216; 62, 18—105].

- ⁵ [216, т. 2, 151]. Лучшая работа в русской историографии, посвященная данному вопросу, принадлежит В. Г. Васильевскому [63, 106—138; см. также 129, 195—216; 272, 187—204]. О Сицилийском норманнском королевстве (несмотря на ряд работ, изданных в последнее время, например, Дугласа) лучшим в плане фактологии остается монументальный труд Ф. Шаландона [159].

К главе VI

- ¹ Вопрос о времени появления Иоанна II в Киликии спорен. Ф. Шаландон датировал его весной 1136 г. [160, 112]; Р. Груссе [191, т. 2, 98], С. Рэнсимен [264, т. 2, 211] и Г. Острогорский [249, 336] — весной 1137 г.; К. Каэн [146, 369] — концом 1136 г.; А. П. Каждан — даже весной 1135 г. [82, 14, прим. 43]. Основанием для последней датировки послужило упоминание в составленном в октябре 1136 г. типике монастыря Пантократора в Константинополе о смерти «кесаря и зятя моей царственности Вриенния» [10, 42—43]. На это обратил внимание еще Э. Курц [12, 85], сопоставивший данные типика с сообщением Анны Комниной о смертельной болезни ее мужа Никифора Вриенния во время сирийского похода Иоанна II [7, 54—55] и сделавший вывод о том, что если к октябрю 1136 г. имя Вриенния появилось в типике, то, учитывая длительный период борьбы за Горную Киликию, начало похода следует датировать 1135 г. Но единственной датой, фиксирующей пребывание Иоанна в Киликии, является апрель 1136 г. Маттэос Урхайеци пишет, что, когда 9 апреля Малик Мухаммад Данышменд осадил принадлежавший графу Мараша Кесун, император находился в Киликии [42, 368]. А продолжатель Урхайеци Григор Ереци сообщает, что в июле 1137 г. Иоанн осаждал столицу княжества Рубенидов Аназарбу [43, 152]. В записи сирийского монаха Романа появление императора у стен Антиохии синхронизировано со смертью яковитского патриарха Иоанна Мауднана, которая датируется 20 августа 1137 г. [40, 77; ср. 188, 300]. Таким образом, появление византийских войск в Киликии следует датировать весной 1136 г. [см. 131, 641—642].
- ² Оба договора нуждаются в детальном сопоставлении, хотя информация о втором отрывочна и касается лишь его территориальных аспектов. Но общим для них является то, что в обоих речь шла не об аннексии Антиохийского княжества, не о ликвидации его как государства, но о перемещении князя и его вассалов на соседние территории, которые император обязался отвоевать для него. Информация о договоре 1137 г., содержащаяся в источниках, преимущественно трудах Гийома Тирского и Ордерика Виталиса, сопоставлена Р. Лили [230, 302—316].
- ³ Например, специально исследовавший данный вопрос Дж. Ла Монт [219, 256].
- ⁴ [158, 148, п. 3]. Антиохийский вопрос, как показали дальнейшие события, мог сыграть негативную роль и в византийско-фран-

цузских отношениях, так как Раймунд де Пуатье был дядей жены Людовика VII Алиеноры Аквитанской.

- * В. Х. Рюдт де Колленберг [260, 50] утверждает, что Торос II позже вступил в брак с дочерью Жослена II Изабеллой. Но известно, что Жослен II был двоюродным братом Тороса, ибо его мать, неизвестная нам по имени сестра Левона Рубенида, была выдана замуж за Жослена I де Куртенэ [260, 49, № 5]. Армянское каноническое право запрещало браки между родственниками до седьмой степени родства включительно. Даже если предположить, что в данном случае этот запрет был обойден, постулат исследователя основывается на ряде произвольных допущений. Михаил Сириец сообщает, что Торос вступил в брак с дочерью владетеля Рабана, франка Симона [41, 281]. Автор армянского перевода труда Михаила, сделанного в XIII в., когда о графстве Эдесском помнили мало, назвал владетеля Рабана Жосленом [44, 342]. А так как графом Эдессы был в это время (1131—1150) Жослен II, а Рабан входил в состав его владений, то В. Х. Рюдт де Колленберг предпочел сведения армянского переводчика, объявив Жослена графом Эдессы, а его дочь, имя которой не названо ни Михаилом Сирийцем, ни в его переводе, объявлена Изабеллой, которую лишь раз упоминает Гийом Тирский. Ее кандидатура, по-видимому, была избрана потому, что она была одной из двух дочерей графа Эдессы, явно младшей. А биография старшей ее сестры, Агнессы, и ее многочисленные браки были прекрасным известны современникам. Тем не менее мнение исследователя может быть признано как гипотеза лишь в том случае, если бы удалось доказать, что Рабан в 1144—1149 гг. входил в состав графского домена, а не принадлежал одному из его вассалов (например, в 1124 г. им владел, наряду с Айнтабом и Дулуком, граф Махи) [42, 357].
- ⁶ См.: [41, 281; 38, 342; 43, 166; 45, 452; 47, 503]. Можно предположить, что утрата Равнинной Киликии и сохранявшаяся угроза для Антиохии со стороны Византии предопределили дружеский прием, который был оказан Торосу Раймундом де Пуатье. Антиохийское княжество находилось на грани войны с империей, которая вспыхнула к концу 1144 г. А. Бозоян датирует бегство Тороса из Константинополя 1148 г. [57, 11].
- ⁷ Фактически речь шла о претворении в жизнь внешнеполитической программы князя, предусмотренной его соглашением с Иоанном II в 1137 г., но — руками крестоносцев, а значит, без риска утраты Антиохии, что предусматривало соглашение 1137 г.
- ⁸ Сибилла была дочерью Фулько от первого брака с Арембургой де Мэн [191, т. 2, 169, п. 1]. О Тьерри см. [151, 88—89]. О сеньорах Бейрута — [241, 141—185].

К главе VII

- ¹ О Гастине и других крепостях Амана см. [167, 65—71; 168, 378—388; 175, 415—455]. О контактах Орденос с Рубенидами — [58, 175—184].
- ² Лишь армянская версия «Хроники» Михаила Сирийца отдала победу Рубениду [44, 349].
- ³ Традиционная дата до 9 декабря 1155 г., так как к этому време-

ни, по Михаилу Сирийцу, отношения были урегулированы. Но, на наш взгляд, информация Григора Ереци о том, что во время второго похода Масуда на Киликию именно тамплиеры, действуя совместно со Степане, остановили сельджуков в районе Портеллы — Турна, дает возможность датировать военные действия и перемирие владетелей Горной Киликии и Антиохии до мая 1154 г. [41, 303; ср. 43, 171].

⁴ Предположение Г. Шлюмбержье, что он стал регентом с согласия Констанции, в свете последующих событий представляется маловероятным [268, 171].

⁵ Датировка писем затруднительна. Р. Перихт датировал их 1164 г., т. е. правлением Амори I [32, 104, № 394], тогда как Ф. Шаландон — 1162 г., т. е. правлением Бодуэна III [160, 524].

⁶ Источники называют Тарс и Хамус восточнее Сарвантикара. См. [41, 319; 43, 200—1162 гг. 46, 45; 47, 508], о Хамусе — [146, 141].

⁷ Дата переворота установлена косвенно по датировкам хартий Боэмунда III. Хартии января 1167, сентября 1172 и декабря 1181 гг. датированы соответственно 4-м, 9-м и 19-м годами правления князя [32, № 428, 493; 33, 152, № 44]. Таким образом, приход князя к власти датируется второй половиной 1163 г. Ф. Шаландон датировал регентство Констанции после отстранения от него патриарха Аймери временем, последующим за браком Мануила и Марии Антиохийской, т. е. после 1161 г. [160, 521, п. 1; см. также 28, 359; 44, 358; 41, 324].

⁸ По-видимому, около этого времени следует датировать и визит Тороса II в Иерусалим, практически неизвестный армянским хронистам. Более или менее подробно о переговорах, которые вел князь, сообщает лишь Эрнуль [21, 27—30]. Датируется визит временем после 1164 г., последними годами правления Тороса.

⁹ См. прим. 5 к главе VII. Мы принимаем датировку Р. Перихта — 1164 г. [32, 104, № 394]. К. Каэн датирует письма 1161 и 1165 гг., ссылаясь на мнение Ф. Шаландона [146, 6].

¹⁰ В Мопсуэстин через Аксуха велись переговоры об унии церквей между Мануилом и армянским католиком Григором III, представителем которого был его брат Нерсес Шнорали, будущий католикос [160, 655—660; 84, 235—236; 55, 92—98].

¹¹ Ф. Шаландон полагает, что после неудачной войны с Торосом Аксух был вынужден заключить с ним перемирие на условиях сохранения князем его завоеваний [160, 529]. Но глухая ссылка на Иоанна Киннама не подтверждает предположения исследователя. Андроник Комнин бежал в Антиохию, затем в Иерусалим, где он появился в начале 1167 г. [14, 175—177; 31, 943]. О хронологии дук Киликии см. [160, 526, п. 2; ср. 56, 13].

¹² Ф. Шаландон полагал, что сообщение Киннама может служить аргументом в пользу признания королем созеренитета императора. В пользу этого он приводит и известную надпись из церкви Рождества в Вифлееме. Надпись на греческом и латыни гласит, что декор был создан Ефремом в правление императора Мануила, в царствование Амори и в епископство Ральфа в год 6677, 2-го индикта. См. [36; 37, 99—103]. Естественно, что отрицание вассалитета короля вело и к отрицанию достоверности свидетельства Киннама, объявленного тенденциозным, и иной интерпретации надписи. См., в частности,

мнение Р. Груссе, рассматривавшего отношения Византии и Иерусалимского королевства с точки зрения «христианской солидарности», которая предопределила равноправный союз этих государств для борьбы с «неверными» [191, т. 2, 407]. Дж. Ла Монт также отрицал признание Бодуэном III и Амори I сюзеренитета Мануила Комнина, упрекая Киннама в тенденциозности и интерпретируя надпись 1169 г. как свидетельство реставрационных работ, проведенных на средства императора, и не более того [219, 262—264; 269, 328].

¹³ Хронология войны Млеха с Возмундом III и Амори I неизвестна. Уточнению ее препятствует наличие противоречивых сообщений о ней современников — Михаила Сирийца и Гийома Тирского. Тем не менее, вопреки мнению Дж. Правера [251, 457, п. 42], она может быть установлена.

¹⁴ Это не испортило отношений графа и императора, так как на обратном пути в Европу он вел переговоры о браке сына Мануила Алексея с дочерью короля Франции Агнессой [21, 46]. Западная политика Мануила пережила период резкого оживления именно в 1176—1180 гг., когда в поисках союзников против Сицилии и Германской империи он направил посольства в Англию, Францию и Арагон, пытаясь опереться на них. С Генрихом II Плантагенетом, внуком Фулько Анжу, Мануил находился в родственных отношениях, так как жена короля Алиенора Аквитанская, в первом браке супруга Людовика VII, была двоюродной сестрой супруги Мануила Марии Антиохийской. Шли переговоры о союзе с Арагоном, который должен был увенчаться браком короля Альфонсо с племянницей Мануила, дочерью Андроника Младшего Евдокией. Но переговоры не имели успеха, и прибывшая в Монпелье принцесса (1173) при известии о браке короля с Санчей Кастильской была спешно выдана замуж за графа Монпелье Гийома [275, 234—243; 191, т. 2, 376—377; 197, 70—74].

¹⁵ О борьбе за Равнинную Киликию см.: [31, 1071—1074; 21, 9; 41, 389—394; 47, 508—510; 191, т. 2, 430].

К главе VIII

¹ Р. Груссе [191, т. 2, 422] рассматривает договор 1161 г. как триумф малоазийской политики Мануила: «Эта дата... одна из великих дат восточной истории. Наследник прославленных сельджукских султанов XI в., предшественник Османов, турецкий султан Ближнего Востока, прибыл совершить акт вассалитета в Константинополь перед наследником римских императоров. Какое возрождение (по-видимому, имеется в виду возрождение военной мощи Византии.— В. С.), какая передышка перед 1453 г.!» Создается впечатление, что французский исследователь встал на точку зрения византийской дипломатии XII в. Но она за свои просчеты заплатила Мириокефалом... Ф. Шаландон полагал, что Мануил сознательно отказался от активной малоазийской политики для борьбы за «наследование венгерского престола» [160, 465]. Ближе к истине С. Врионис, писавший, что «эта дата отмечает поворотный пункт в фортунах Килич Арслана и в перемене византийского успеха на малоазийском фронте, дав Мануилу ложное чувство безопасности» [277, 122].

А. П. Каждан [80, 381] и Р. А. Гусейнов [67, 165, прим. 42] полагали, что информация Михаила Сирийца о гибели Ватаца при Неокесарии недостоверна [41, 368]. Но об этом пишет и Никита Хониат [14, 233], который считает, что он был послан к Амасии.

1. Маркс К. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. М., 1938. Т. 5.
2. Ленин В. И. Статистика и социология // Полн. собр. соч. Т. 30.

* * *

3. Никифор Вриенний. Исторические записки // Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной Академии. СПб., 1858.
4. Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118—1180) // Византийские историки... СПб., 1859.
5. Васильевский В. Г. Письмо Алексея Комнина к графу Роберту Фландрскому // ЖМНП. 1880. Ч. 207, отд. 2.
6. Alexii Comneni Romanorum imperatoris, Robertam I, Flandriae comitem, epistola spuria / Ed., P. E. Riant. Genevae, 1879.
7. Анна Комнина. Алексиада (Вступ. ст., пер. и комм. Я. Н. Любарского). М., 1965.
8. Василия Охридского, архиепископа Солунского, надгробное слово на смерть Ирины, первой супруги императора Мануила Комнина / Изд. текста и исследование В. Г. Васильевского // ВВ. 1894. Вып. 1.
9. Дмитриевский А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Киев, 1895. Т. 1: Типик Монастыря Пантократора.
10. Gautier P. Le Typicon du Christ Sauveur Pantocrator // REB. 1974. Vol. 32.
11. Пападимитриу С. Феодор Продром: Историко-литературное исследование. Одесса, 1905.
12. Kurtz Ed. Unedierte Texte aus der Zeit des Kaisers Joxannes Komnenos // BZ. 1907. N 16.
13. Högrandner W. Theodoros Prodromos: Historische Gedichte. Wien, 1974.
14. Никита Хониат. История. Ч. 1 // Византийские историки. СПб., 1869.
15. Byzantine Lead seals by G. Zacos. Berne, 1984. Vol. 2.

16. Schlumberger G. Sigillographie de l' Empire Byzantin. P., 1884.
17. Alberti Aquensis Liber christianae expeditionis // RHCocc. P., 1879. T. 4.
18. Balderici, episcopi Dolensis Historia Jerosolimitana // RHCocc. P., 1879. T. 4.
19. Cafari de Caschifellone De liberatione civitatem orientalis liber // RHCocc. P., 1881. T. 5.
20. La Continuation de Guillaume de Tyr. 1184—1187 / Publ. par M. R. Morgan. P., 1982.
21. La Cronique de Ernoul et de Bernard de Tresoier / Ed. par L. Mas-Latrie. P., 1871.
22. Eudes de Deuil. La croisade de Louis VII, roi de France / Publ. par H. Waquet. P., 1949.
23. Fulcherius Carnotensis. Historia Iherosolimitana (Gesta Francorum Iherusalem peregrinantium) // RHCocc. P., 1866. T. 3.
24. Galterius Cancelarius. Bella Antiochena / Ed H. Hagenmayer. Innsbruck, 1896.
25. Gesta Francorum et aliorum Hierosolimitanorum / Ed. and transl. by R. Hill. L., 1962.
26. Guiberti abbatiss monasterii Sanctae Marie Novigenti Historia, qui dicitur Gesta Dei per Francos // RHCocc. P., 1879. T. 4.
27. Ordericus Vitalis. Historia ecclesiastica / Ed. A. Le Prévost et L. Delisle. P., 1838—1855. T. 1—5 (2 ed.: N. Y., L., 1965).
28. Otto episcopi Frisigensis. Gesta Frederici Imperatoris // MGH. SS. T. 20 (1912).
29. Radulpho Cadomensis Gesta Tancredi in expeditione Hierosolimitana // RHCocc. P., 1866. T. 3.
30. Raimundi Aquillerii Historia Francorum, qui ceperunt Iherusalem // RHCocc. P., 1866. T. 3.
31. Willermi Tyrensis Historia rerum in partibus transmarinis gestarum // RHCocc. P., 1844. T. 1.
32. Regesta Regni Hierosolimitani (1097—1291) / Ed. R. Röhricht. Oenoponti, 1893.
33. Chartes de l' abbaye de Notre Dame de la Vallee de Josaphat (1108—1291) / Ed. par K. Köhler // ROL. 1899. T. 7.
34. Chartes de Terre Sainte, provenant de l' abbaye de Notre Dame de Josaphat // Bibliotheca des Ecoles francaises d' Athenes et de Rome. P.; Thorin, 1880. Fasc. 19.
35. Cartulaire General de l' Ordre du Temple. 1119?—1150 / Ed. Marquius d' Albon. P., 1913.
36. Hamilton R. W. Note on a mosaic inscription in the Church of the Nativity // Quarterly of the Department of Antiquities in Palestine. 1936. Vol. 6.
37. Vogue de M. Les eglises de la Terre Sainte. P., 1860.
38. Gregorii Adylpharagii sive Barhebraei Chronicon Syriacum / Ed. P. I. Bruns, G. G. Kirsch. Lipsiae, 1789. T. 2.
39. The First and the Second Crusades from an Anonymos Syriac Chronicle / Transl. by A. S. Tritton with notes by H. A. R. Gibb // JRAS. 1933. Vol. 1—2.
40. S.-Martin M. Les premieres croises et les syriens jacobites de Jerusalem // JA. X serie. 1889. Vol. 13.
41. Chronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d' Antioche (1166—1199) / Ed. et trad. par J.-M. Chabot. P., 1905. T. 3.
42. Маттэос Урхайеци. Хронография. Вагаршанат, 1898.
43. Gregoire le Pretre. Chronique // RHC. DA. P., 1859. T. 1.

44. Michel le Syrien. Chronique. Version arménienne // RHC. DA. P., 1859. T. 1.
45. Samuel d' Ani. Histoire universelle // RHC. DA. P., 1859. T. 1.
46. La Chronique attribuée au Connétable Smbat // Introduction et notes par G. Dédéyan. P., 1980.
47. Vahram d' Edesse. Chronique rimée des rois de la Petite Arménie // RHC. DA. P., 1859. T. 1.
48. Усама ибн Мункыз. Книга назидания / Пер. М. А. Салье. М., 1958.
49. Ibn al Athir. Chronique-Kamel Altevarykh // RHCori. P., 1887. T. 1.
50. Ibn al Athir. Histoire des atabecs de Mosoul // RHCori. P., 1876. T. 2, Fasc. 2.
51. Kamal al din. Histoire d' Alep. a) RHCori. P., 1884.. T. 3. b) Trad. par M. Blochet // ROL. 1896. T. 4.
52. The Damascus Chronicle of the crusades / Extracted and translated from the Chronicle of Ibn al Qalanisi by H. R. A. Gibb. L. 1932.
53. Extraits d' Ibn Moysser // RHCori. P., 1884. T. 3.

* * *

54. Арутюнова В. А. К вопросу о взаимоотношениях Византии с печенегами и половцами во время норманнской кампании // ВВ. 1972. Вып. 33.
55. Бартияян Р. М. Роль игумена Филиппопольского армянского монастыря Иоанна Атамана в армяно-византийских церковных переговорах при католикосе Нерсесе IV Благодатном: 1163—1173 гг. // ВОН АН Арм. ССР. 1984. Вып. 6.
56. Бозоян А. А. Восточная политика Византии и Киликия в 30—70-е гг. XII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1984.
57. Бозоян А. А. Восточная политика Византии и Киликия в годы правления императора Иоанна II Комнина до 1136 г. // Кавказ и Византия. Ереван, 1987. Вып. 5.
58. Борназян С. В. Из исторических и экономических сношений орденов крестоносцев с Киликийской Арменией // ИФЖ. 1963. № 3.
59. Босворт К. Э. Мусульманские династии: Справочник по генеалогии и хронологии / Пер. с англ. П. А. Грязневича. М., 1971.
60. Васильев А. А. Византия и крестоносцы. Пг., 1923.
61. Васильевский В. Г. Византия и печенеги // Васильевский В. Г. Труды. СПб., 1908. Т. 1.
62. Васильевский В. Г. Союз двух империй (1148—1155) // Васильевский В. Г. Труды. Л., 1930. Т. 4.
63. Васильевский В. Г. Южно-итальянская война (1156—1157) // Васильевский В. Г. Труды. Л., 1930. Т. 4.
64. Галстян А. Г. Смба́т Спарапет // Ближний и Средний Восток: Сб. ст. памяти Б. Н. Заходера. М., 1962.
65. Гордлевский Б. В. Государство Сельджукидов в Малой Азии // Гордлевский Б. В. Сочинения. М., 1960. Т. 1.
66. Гусейнов Р. А. «Хроника» Михаила Сирийца // ПС. 1960. 5.
67. Гусейнов Р. А. Из истории отношений Византии с сельджуками // ПС. 1971. Вып. 23.
68. Гусейнов Р. А. Сирийские источники по истории Византии XI—XII вв. // ВВ. 1972. Вып. 33.
69. Гусейнов Р. А. Сирийский аноним 1234 г. о Византии и ее соседях // АДСВ. Свердловск, 1973. Вып. 10.

70. Дмитриев Г. Рец. на: Людерс А. Крестовые походы в оценке сирийских и армянских источников // ИФЖ. 1966. № 3.
71. Дмитриев Г. Рец. на: Заборов М. А. Введение в историографию крестовых походов // ИФЖ. 1968. № 1.
72. Дмитриев Г. А. О западных и восточных источниках по истории крестовых походов // ИФЖ. 1971. № 3.
73. Заборов М. А. Папство и организация первого крестового похода // СВ. 1955. Вып. 7.
74. Заборов М. А. Византийская политика папства и начало крестовых походов // СВ. 1959. Вып. 14.
75. Заборов М. А. Современники-хронисты и историки крестовых походов // ВВ. 1965. Вып. 26.
76. Заборов М. А. Советская историография крестовых походов // СВ. 1965. Вып. 26.
77. Заборов М. А. Введение в историографию крестовых походов. Латинская хронография XI—XIII вв. М., 1966.
78. Заборов М. А. К вопросу о значении известий восточных современников крестовых походов // ИФЖ. 1968. № 3.
79. Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980.
80. История Византии. М., 1967. Т. 2.
81. Каждан А. П. Еще раз о Киннаме и Хониате // BS. 1963. № 24.
82. Каждан А. П. Загадка Комнинов: Опыт историографии // ВВ. 1964. Вып. 25.
83. Каждан А. П. Из истории византийско-армянских отношений в XII в. // ИФЖ. 1964. № 1.
84. Каждан А. П. Два памятника XII столетия // ВВ. 1964. Вып. 24.
85. Каждан А. П. Византийский публицист Евстафий Солунский // ВВ. 1967. Вып. 27; 1968. Вып. 28.
86. Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974.
87. Каждан А. П., Заборов М. А. Гийом Тирский о составе господствующего класса в Византии: конец XI—XII вв. // ВВ. 1971. Вып. 32.
88. Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи XI—XII вв. Ереван, 1975.
89. Карапетян М. Е. Монеты киликийского князя Тороса // ВОН АН Арм. ССР. 1972. Вып. 11.
90. Куглер Б. История крестовых походов. СПб., 1895.
91. Лэн Пуль С. Мусульманские династии: хронологические и генеалогические таблицы с историческим введением / Пер. с англ. с прим. и дополн. В. Бартольд. СПб., 1899.
92. Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960.
93. Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977.
94. Любарский Я. Н., Фрейденберг М. М. Девольский договор 1108 г. между Алексеем Комнином и Боэмундом // ВВ. 1962. Вып. 21.
95. Любарский Я. Н. Замечания к хронологии XI книги «Алексиады» Анны Комниной // ВВ. 1963. Вып. 29.
96. Любарский Я. Н. Об источниках «Алексиады» Анны Комниной // ВВ. 1964. Вып. 25.
97. Любарский Я. Н. Мировоззрение Анны Комниной // Учен. зап. / Великолук. пед. ин-т. 1964. Вып. 24.

98. **Микаелян Г. Г.** История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952.
99. **Орманян М.** Армянская церковь: ее история, учение, управление, внутренний строй, литургия, ее настоящее / Пер. с франц. Б. Рунт. М., 1913.
100. **Попов А. П.** Латинская Иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев. СПб., 1903. Ч. 1—2.
101. **Райт В.** Краткий очерк сирийской литературы. СПб., 1902.
102. **Скабаланович Н.** Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884.
103. **Соколов Н.** Восточная политика венецианской плутократии в XII в. // Учен. зап. // Горьк. ун-т. Сер. ист.-филол. 1950. Вып. 18.
104. **Соколов Н.** Образование Венецианской морской державы. Саратов, 1963.
105. **Степаненко В. П.** О статусе армянских владетелей Малой Азии, Сирии и Месопотамии: конец XI — начало XII вв. // Из истории международных отношений. Тюмень, 1976. Вып. 2.
106. **Степаненко В. П.** Из истории международных отношений на Ближнем Востоке XII в.: Княжество Васила Гоха и Византия // Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980.
107. **Степаненко В. П.** Государство Филарета Варажнуни: 1071—1086 // АДСВ. Свердловск, 1976. Вып. 12.
108. **Степаненко В. П.** К датировке получения сана куропалата Давидом II, Багратидом Тао // Тр. / Тбилис. ун-т. 1982. Вып. 227.
109. **Степаненко В. П.** Ишханы Эдессы и внешнеполитическая ориентация города в 70-е гг. XI — начало XII вв. // ВВ. 1985. Вып. 45.
110. **Степаненко В. П.** К идентификации личности веста «Матиане Картлиса» // ВВ. 1980. Вып. 41.
111. **Степаненко В. П.** Мараш и графство Эдесское в Деволском договоре 1108 г. // ВВ. 1987. Вып. 48.
112. **Степаненко В. П., Шорохов А. В.** К хронологии византийско-антиохийской борьбы за Равнинную Киликию: 1097—1108 // Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. Свердловск, 1983.
113. **Удальцова З. В., Каждан А. П., Бартикян Р. М.** Социальная структура восточных границ Византийской империи в IX—XII вв. // XIV-e Congrès International des études Byzantines. Bucarest, 1971. Rapports. 2.
114. **Успенский Ф. И.** Мелик Гази и Дзул-Нун Данышменды // ЗООИД. 1879. Вып. 11.
115. **Успенский Ф. И.** Царь Алексей II и Андроник Комнины (1180—1185) // ЖМНП. 1880. Ч. 212. 11; Отд. 2; 1881. Ч. 216. 3.
116. **Успенский Ф. И.** История крестовых походов. СПб., 1900.
117. **Успенский Ф. И.** Восточная политика Мануила Комнина: турки-сельджуки и христианские государства Сирии и Палестины // Сообщ. Росс. палест. о-ва. 1926. Вып. 29.
118. **Успенский Ф. И.** История Византийской империи. М.; Л., 1948. Т. 3.
119. **Ферлуга Ж.** Византијске војне операције против Угорске утоку — 1166 године // ЗРВИ. 1980. Т. 19.
120. **Ферьянчич Б.** Севастократоры в Византии // ЗРВИ. 1968. Т. 11.

121. Фрейденберг М. М. Труд Иоанна Киннама как исторический источник // ВВ. 1959. Вып. 16.
122. Шандровская В. С. Григорий Каматир и его печати в собрании Эрмитажа // ВВ. 1959. Вып. 16.
123. Шандровская В. С. Из истории армяно-византийских отношений в XII в: По данным сфрагистики // ВОН АН Арм. ССР. 1974. Вып. 4.
124. Хачикян Л. С. Акоп Санаини — хронист XI в. // Вестн. Ереван. ун-та. 1971. Вып. 3.
125. Юзбашян К. Н. Некоторые вопросы армяно-византийских отношений // ВОН АН Арм. ССР. 1971. Вып. 3.
126. Юзбашян К. Н. Экуссия в армянской надписи 1051 г. // ПС. 1972. Вып. 23.
127. Юзбашян К. Н. «Повествование» Аристакеса Ластивертци и закат «эпохи Багратидов»: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1975.
128. Юзбашян К. Н. Армения «эпохи Багратидов» в междуна-родно-правовом аспекте // ИФЖ. 1975. № 1.
129. Abulafia D. Ancona, Byzantium and the Adriatic. 1155—1173 // Papers of British School at Rome. 1984. 52.
130. Adontz N. L' aieul des Roubeniens. Notes arméno-byzanti-nes. 2 // Byz. 1935. 10. 1.
131. Ahrweiler H. Byzance et la mer. P., 1966.
132. Ahrweiler H. L' ideologie politique de l' Empire Byzantin. P., 1975.
133. Ahrweiler H. L' histoire et la geographie de la region de Smyrne entre les deux occupations Turques (1082—1317) // By- zance: les pays et les territoires. VR. L., 1976.
134. Ahrweiler H. Concept d' empire. P., 1980.
135. Andressohn I. C. The ancentry and life of Godefroy of Boullion. Bloomington, 1947.
136. Baldwin M. W. Raymond III of Tripoli and the Fall of Jerusalem (1140—1187). Princeton, 1936.
137. Bartikian R. La Conquete de l' Armenie par l' Empire By- zantin // REArm., NS. 1971. 8.
138. Beamont A. A. Albert of Aachen and the County of Edessa // The Crusades and other historical Essayes / Presented to D. Munro. N. Y., 1928.
139. Boehm L. Die Gesta Tancredi des Radulph von Caen // Hjb. 1956. 75.
140. Brand C. Byzantium confronts the West: 1180—1204. Camb- ridge Mass.; L., 1968.
141. Brice W. C. Turkish colonization of Anatolia // Bulletin of John Rylands Library. Manchester, 1955. 38.
142. Browning R. A. A new source on byzantine-hungarian re- lations in the XIIth century: The inaugural lecture of Michel of An- chial, ipatos of the philosophes // Balkan Studies. 1961. 2.
143. Browning R. The Death of John Comnenus // Byz. 1961. 31.
144. Cahen Cl. La campagne de Mantzikert d' apres les sources musulmanes // Byz. 1934. 9. 2.
145. Cahen Cl. Diar Bakr au temps des premiers Urtukides // JA. 1935. 227.
146. Cahen Cl. La Syrie du Nord à l' époque des croisades et le principauté franque d' Antioche. P., 1940.
147. Cahen Cl. La premiere pénétration Turque en Asie Mineure. Seconde moitié du XI-e s. // Byz. 1948. 18.

148. Cahen Cl. Qutlqmush et ses fils avant l' Asie Mineure // *Der Islam*. 1964. N 39.
149. Cahen Cl. La diplomatie orientale de Byzance face à la poussée seljukide // *Byz.* 1965. 35. 1.
150. Cahen Cl. *Pre-Ottoman Turkey*. C. 1071—1330. L., 1968.
151. Cahen Cl. La politique orientale des comtes de Flandre et la lettre d' Alexis Comnene // Cahen Cl. *Turcobyzantina et Oriens Christianus*. VR. L., 1974.
152. Cahen Cl. Une famille byzantine au service des Seljoucides d' Asie Mineure // Cahen Cl. *Turcobyzantina et Oriens Christianus*. VR. L., 1974.
153. Cahen Cl. An introduction to the First Crusade // *Turcobyzantina et Oriens Christianus*. VR. L., 1974.
154. Cahen Cl. Notes sur l' histoire des croisades et de l' Orient Latin. En quoi la conquête Turque appelait la Croisade? // *Turcobyzantina et Oriens Christianus*. VR. L., 1974.
155. Chabot J.-M. Edesse pendant la première croisade // *Comptes-rendues d' Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1918. Novembre.
156. Chabot J.-M. Un épisode inédit de l' histoire des croisades: La siège de Birta. 1145 // *Comptes-rendues d' Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1917. Octobre.
157. Chabot J.-M. Un épisode de l' histoire des croisades // *Mélanges offerts à Gustave Schlumberger*. P. 1924. 1.
158. Chalandon F. Les Comnènes. Études sur l' Empire Byzantin au XI—et XII siècles. I. Essai sur le règne d' Alexis Ier Comnène. (1081—1118). P., 1900.
159. Chalandon F. Histoire de domination normande en Italie et en Sicile. P., 1907. T. 1—2.
160. Chalandon F. Les Comnènes. Études sur l' Empire Byzantin au XI—et XII siècles. Jean II Comnène (1118—1143) et Manuel Ier Comnène (1143—1180). P., 1912.
161. Charanis P. A note on the relations between Urban II et Alexis I // *AHR*. 1948. 53.
162. Charanis P. Byzantium, West and the Origin of the First Crusade // *Byz.* 1949. 19.
163. Charanis P. The Armenians in the Byzantine Empire // Charanis P. *Studies on the Demography of the Byzantine Empire*. VR. L., 1972.
164. Charanis P. The Transfer of Population as a Policy in the Byzantine Empire // Charanis P. *Studies on the Demography of the Byzantine Empire*. VR. L., 1972.
165. Cheynet J. C. Mantzikert: une désastre militaire // *Byz.* 1980. 50.
166. Dédéyan G. L' immigration arménienne en Cappadoce au XIe siècle // *Byz.* 1975. 45. 1.
167. Dechamps P. Les Châteaux des Croisés en Terre Sainte. T. 3: La défense du Comté de Tripoli et la Principauté d' Antioche. P., 1973.
168. Dechamps P. Le château de Serventikar en Cilicie, de défile de Marris et la frontière du comte d' Edesse // *Syrie*. 1937. 18.
169. Dölger F. *Regesten der Kaisererkunden des Oströmischen Reiches*. 1025—1204. Berlin; München, 1925.
170. Dölger F. Der Bulgarenherrscher als geistlicher Sohn des byzantinischen Kaisers // Dölger F. *Byzanz und die Europäische Staatenwelt*. [München]; Ettal, 1953.

171. **Dölger F.** Die „Familie der Könige“ im Mittelalter // Dölger F. Byzanz und die Europäische Staatenwelt. [München]; Ettal, 1953.
172. **Dölger F.** Die mittelalterliche „Familie der Fürsten und Völker“ und der Bulgarenherrscher // Dölger F. Byzanz und Europäischen Staatenwelt. [München]; Ettal, 1953.
173. **Dulaurier E.** Histoire des croisades d'après les chroniques arméniennes. // RA. 1858. Avril—septembre.
174. **Dussaud R.** Topographie historique de la Syrie. P., 1927.
175. **Edwards R. W.** Bagras and Armenian Cilicia: a Reassessment // REArm, NS. 1983. 17.
176. **Elisseeff N.** Nur ad din, un grand prince musulman de Syrie au temps des Croisades. 511/1118—569/1174. Damas, 1967. T. 2.
177. Encyclopedie de l' Islam. P., 1913—1934. T. 1—4.
178. **Felix W.** Byzanz und die islamische Welt in Früherer 11. Jahrhundert. Wien, 1981.
179. **Ferluga J.** Le clisure byzantine in Asie Minore // 3PBH. 1975. 16.
180. **Fink H. S.** Mawdud I of Mosyl, precursor of Saladin // The Moslem World. 1953. 93.
181. **Marquis de la Forse.** Les conseillers latins d' Alexis Comnène // Byz. 1936. 11.
182. **Forey A. J.** The failure of siege of Damascus in 1148 // Journal of the medieval history. Amsterdam, 1984. 10. 1.
183. **France J.** The departure of Tatikios from the Crusader Army // Bulletin of the Institut of the Historical Research. L., 1971. XLIV. 110.
184. **France J.** The Election and the Title of Godfrey de Bouillon // Canadian journal of history. 1983. 18.
185. **Frances E.** Alexis Comnene et les Privileges ostroyes a Venise // BS. 1968. 29.
186. **Ganshof F. L.** Robert le Frison et Alexis Comnene // Byz. 1964. 31. 1.
187. **Gautier F.** Défection et soumission de la Crète sous Alexis Comnene // REB. 1977. 35.
188. **Gotein S. D.** A letter from Seleucia (Syria), dated 21 Juli 1137 // Speculum. 1964. 39. 2.
189. **Gottwald J.** Burgen und Kirchen in mittelalterlichen Kilikien // BZ. 1841. 41.
190. **Gottwald J.** Die Burg Til im südöstlichen Kilikien // BZ. 1940. 40.
191. **Grousset R.** Histoire des croisades et du royaume franc de Jerusalem. P., 1934—1936. T. 1—3.
192. **Grumel V.** Les patriarches d' Antioche du nom de Jean // EO. 1933. 32.
193. **Grumel V.** Au seuil de la 2e croisade. Deux lettres de Manuel Comnène au pape // REB. 1945. 3.
194. **Guilland G.** Etudes sur l' histoire administrative de l' empire byzantin: le césarisme // Orientalia Christiana Periodica. 1947. 13.
195. **Hagenmayer H.** Chronologie de la Première Croisade, 1094—1100 // ROL. 1898. 6; 1899. 7; 1900—1901. 8.
196. **Hamilton B.** Ralph of Domfront, patriarch of Antioch (1135—1140) // Nottingham Medieval Studies. 1984. 28.
197. **Hecht W.** Byzanz und die Armenien nach dem Tode der Kaiser Manuel I: 1180—1196 // Byz. 1967 (1968). 37.
198. **Herrin J.** The collapse of Byzantine Empire in the XIIth

- century. Study of Medieval Economy // University of Birmingham Historical Journal. 1970. 12.
199. Hill J. H., Hill L. L. The convention of Alexis Comnenus and Raymond of St.-Gilles // AHR. 1852—1953. 58. 2.
200. Hill J. H., Hill L. L. Raymond IV de Saint Gilles: 1041 (ou 1042) 1105. Toulouse, 1959.
201. Hill J. H. Raymond of St. Gilles in Urban's Plan of Greek and Latin Friendship // Speculum. 1951. 26. 2.
202. A history of the crusades. Vol. 1: The first hundred years / Ed. by K. M. Setton, M. W. Baldwin. Philadelphia, 1955.
203. Hiestand R. Chronologisches zur Geschichte des Königreiches Jerusalem um 1130 // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1970. 26.
204. Hiestand R. Zwei unbekannte Diplome des lateinischen Könige von Jerusalem aus Lucca // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1970. 50.
205. Holtzmann W. Die Unionsverhandlungen zwischen Kaiser Alexios I und Papst Urban II in Jahre 1089 // BZ. 1920. 26.
206. Honigmann E. Ostgrenze des Byzantinischen Reiches von 363 bis 1071. Bruxelles, 1935.
207. Janin R. Les Francs au service des Byzantins // EO. 1930. 39.
208. Jenkins R. J. The Byzantine Empire on the eve of the Crusades. L., 1953.
209. Joranson E. The problem of the spurious letter of emperor Alexis to the count of Flanders // AHR. 1950. 55.
210. Kaegi W. E. The contribution of Archery to the Turkish conquest of Anatolia // Speculum. 1964. 39. 1.
211. Knappen M. M. Robert II of Flanders in the First Crusade // The Crusades and other historical Essays / Presented to D. Munro. N.-Y., 1928.
212. Knoch P. Studien zu Albert von Aachen. Der erste Kreuzzug in der deutschen Chronistik. Stuttgart, 1966.
213. Krey A. C. William of Tyr — the Making Historian of the Middle Ages // Speculum. 1941. 16. 2.
214. Krey A. C. A Neglected Passage in the Gesta and its Bearing on the Literature of the First Crusade // The Crusades and other historical Essays / Presented to D. Munro. N.-Y., 1928.
215. Krey A. C. Urban's crusade, success or failure? // AHR. 1948. 53. 2.
216. Lamma P. Comneni e Stauferei. Ricerche sui rapporti fra Bizzanzio e l' Occidente nel secolo XII. Roma, 1955—1957. T. 1—2.
217. Lamma P. La spedizione di Giovanni Comneno in Cilicia ed in Siria en un panegirico inedito di Michele Italico // Lamma P. Oriente e Occidente nell' alto Medioevo. Padua, 1968.
218. La Monte J. L. Feudal Monarchy in the Latin Kingdom of Jerusalem: 1100—1291. Cambridge Mass., 1932.
219. La Monte J. L. To what extent was a Byzantine Empire the Suzerain the Latin Crusading States? // Byz. 1932. 7.
220. La Monte J. L. The Rise and Decline of a Frankish Seigneurie in the time of the Crusades // Revue historique de Sud-Est européen. 1938. 15.
221. La Monte J. L. The Lords of Le Puiset on the crusades // Speculum. 1942. 17. 1.
222. La Monte J. L. The Lords of Sidon in the XII and XIII centuries // Byz. 1944—1945. 17.

223. **La Monte J. L.** The Lords of Cesarea in the period the crusades // *Speculum*. 1947. 22. 2.
224. **Laurent J.** Byzance et les Turcs Seljoucides dans Asie Occidentale jusqu' a 1081. Paris; Nancy, 1919 (1918).
225. **Laurent J.** Des Grecs aux Croisés. Études sur l' histoire d' Edesse entre 1071—1098 // *Byz.* 1924. 1.
226. **Laurent J.** Arméniens de Cilicie: Aspiets, Oshin, Ursinus // *Melanges offert m. G. Schlumberger*. P., 1942. T. 1.
- 226 a. **Laurent J.** Byzance et d' origine du Sultanate de Roum // *Melanges Ch. Diehl*. Paris, 1930. T. 2.
227. **Laurent J.** Croises et l' Armenie // *Laurent J.* Etudes d' histoire armenienne. Louvain, 1971.
228. **Laurent J.** Sur les emirs Danischmendites Jusqu' en 1104 // *Laurent J.* Etudes d' histoire arménienne. Louvain, 1971.
229. **Lemerle P.** Byzance et la Croisade // *Relazioni del X Congresso internazionale di Scienze Storiche. Storia del Medioevo*. Roma / Ed. G. C. Sansoni. Firenze, s. a. Vol. 3.
230. **Lillie R.-J.** Byzanz und die Kreuzfahrerstaaten. Studien zur Politik des byzantinischen Reiches gegenüber des Staaten des Kreuzfahrer in Syria und Palestina bis zum vierten Kreuzzug (1196—1204). Berlin; München, 1981.
- 230 a. **Lillie R. J.** Schlacht von Myriokephalon (1176). Auswirkungen auf des byzantinische Reich im ausgehenden 12. Jahrhundert // *REB*. 1977. 35.
231. **Luders A.** Die Kreuzzüge in Urteil syrischer und armenischer Quellen. Berlin, 1964.
232. **Martin M. E.** The Chrisobull of Alexius I Comnenus to the Venetians and the Early Quarter in Constantinople // *BZ*. 1978. 39. 1.
233. **Mas Latrie de.** Les Seigneurs du Crac de Montreal // *'Archivo Veneto*. Venezia, 1883. 25.
234. **Mas Latrie de.** Les patriarches latins de Jerusalem // *ROL*. 1893. 1.
235. **Mas Latrie de.** Les patriarches latins d' Antioche // *ROL*. 1894. 2.
236. **Mayer H. E.** Zum Tode Willelms von Tyrus // *Archiv für Diplomatie*. 1959—1960. 5—6.
237. **Mayer H. E.** Jerusalem et Antioche au temps de Balduin II // *Mayer H. E.* Probleme des latinischen Königreiches Jerusalem. VR. L., 1983.
238. **Mayer H. E.** Studies in the History of Queen Melisenda // *Mayer H. E.* Probleme des latinischen Königreiches Jerusalem. VR. L., 1983.
239. **Mayer H. E.** The succession to Baldwin II of Jerusalem; English impact on the East // *DOP*. 1985. 39.
240. **Munro D. C.** Did the Emperor Alexis I ask for aid at the Council of Piacenza? // *AHR*. 1922. 27. 4.
241. **Nickerson M. E.** The seigneurie of Beirut in the XII century and the Brisebarre family of Beirut // *Byz.* 1949. 19.
242. **Nicholson R. L.** Tancred. A study of his career and work in their relations to the First Crusade and the establishment of Latin States in Syria and Palestina. Chicago, 1940.
243. **Nicholson R. L.** Joscelyn I, prince of Edessa. Urbana Press. University of Illinois, 1954.
244. **Nicholson R. L.** Joscelyn III and the Fall of Crusades States: 1134—1199. Leiden, 1973.
245. **Obolensky D.** The principles and methods of byzantine

- diplomasy // XII Congr ss intern. des  tudes byzantines. Ochrid, 1969. Rapports. 2.
246. Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500—1453. L., 1971.
247. Obolensky D. Tradition et innovation dans les institutions et programmes politiques de l' Empire Byzantin // Obolensky D. The Byzantine Inheritance of Eastern Europe. VR. L., 1982.
248. Ostrogorsky G. The Byzantine Emperor and the hierarhicat World Order // The Slavonic and East European Review. 1956. 35.
249. Ostrogorsky G. History of the Byzantine State. Oxford, 1968.
250. Papachrisanthou D. Date de la mort d' Isaac Comnene, frere d' Alexis I Comnene et des quelques evenements contemporaines // REB. 1963. 21.
251. Prawer J. Histoire du royaume Latin de Jerusalem. P., 1969. T. 1.
252. Radojcic B. Sur la chronologie des luttes entre Hongrois et Byzantins et sur la date du soulèvement des Serbes pendant le regne de Jean II Comnene // 3PBH. 1961. 7.
253. Radoicic B. Contribution a l'  tude des rapports de vasselage de Serbie envers Byzance du commencement de la seconde moiti  du XII si cle // 3PBH. 1964. 8. 2.
254. Ramsey W. M. The historical geography of Asie Minor. L., 1890.
255. Rey E. R sum  chronologique de l' histoire d s princes d' Antioche // ROL. 1896. 4.
256. Rey E. Les seigneurs de Mont Real et de la Terre d' Outre de Jourdan // ROL. 1896. 4.
257. Rey E. Les dignitaires de la principaute d' Antioche // ROL. 1900—1901. 8.
258. Richard J. Le comte de Tripoli sous la dynastie Toulousaine: 1102—1187. P., 1945.
259. Richard J. Note sur l' archidioc se d' Apamee et les conqu tes de Raymond de Saint Gilles en Syrie du Nord // Syrie. 1946. 25.
260. R dt de Collenberg W. H. The Rubenides, Hethumides and Lusignans. The structure of the Armeno-cilician dynasties. P., 1963.
261. R dt de Collenberg W. H. L' empereur Isaac de Chypre et sa fille (1155—1207) // R dt de Collenberg W. H. Familles de l' Orient Latin. XII—XIV siecles. VR. L., 1983.
262. Runciman S. The first crusader' s journey across the Balkan peninsula // Byz. 1949. 19.
263. Runciman S. The crusade of 1101 a // Jahrbuch des Osterreichischen byzantinischen Gesellschaft. 1951. 1.
264. Runciman S. A history of the crusades. Cambridge, 1951—1954. Vol. 1—3.
265. Runciman S. The Byzantine provincial peoples and the Crusades // Relazioni de X Congresso internazionale di Scienze Storiche. Roma. Storia del Medioevo / Ed. G. C. Sansoni. Firenze, s. a. Vol. 3 .
266. Runciman S. The Grecs en Antioch et the time of the Crusades // Acts of the IX international Congress of Byzantine Studies. Athenes, 1956. Vol. 2.
267. Schlumberger G. Deux chefs normands des armees byzantines au XI siecle // RH. 1881. Juillet.

268. Schlumberger G. Renaud de Chatillon. P., 1898 (2 ed. 1923).
269. Schlumberger G. Campagnes du roi Amauri I-er de Jérusalem en Égypte au XII-e siècle. P., 1906.
270. Schlumberger G. Byzance et croisades. P., 1927.
271. Stevenson W. The crusaders in the East. Cambridge, 1907.
272. Szekely Gy. L' Italie du Sud et Byzance aux X—XI ss. // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1967. 15.
273. Vasiliev A. A. A History of the Byzantine Empire. Madison Wisconsin, 1929. Vol. 1—2 (2 ed. Oxford; Madison, 1952).
274. Vasiliev A. A. Das genaue Datum der Schlacht bei Myriokephalon // BZ. 1927. 27.
275. Vasiliev A. A. Manuel Comnenus and Henry Plantagenet // BZ. 1929—1930. 29.
276. Vryonnis S. The Social Basis of Decline in the 11 Century // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1959. 2.
277. Vryonnis S. The decline of medieval Hellenism in Asia Minor and the process of islamization from the 11—th through the 15—th century. Berkeley; Los Angeles, 1971.
278. Wirth P. Kaiser Manuel I Komnenos und die Ostgrenzen: Rückeroberung und Aufbau der Festung Dorylaion // BZ. 1961. 55.
279. Wirth P. Chronologie der Schlacht um Klaudiopolis im Lichte bisher unbeachteter Quellen // BZ. 1957. 50.
280. Wittek P. Deux chapitres l' histoire des Turcs de Roum // Byz. 1936. 11.
281. Waha de M. Le lettre d' Alexis I Komnene à Robert le Frison // Byz. 1977. 47.

 СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ — Античная древность и средние века
ВВ — Византийский Временник
ВОН АН Арм. ССР — Вестник общественных наук АН Армянской ССР
ЗРВИ — Сборник Радова Византологического института
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ИФЖ — Историко-филологический журнал АН Армянской ССР
ПС — Палестинский сборник
СВ → Средние века
AHR — American Historical Review
BS — Byzantinoslavica
Byz. — Byzantion
BZ — Byzantinische Zeitschrift
DOP — Dumbarton Oaks Papers
EO → Echos d' Orient
HJ — Historical Journal
Hjb — Historisches Jahrbuch
JA — Journal Asiatique
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of the Great Britain and Ireland
MGH. SS — Monumenta Germaniae Historica. Scriptum Series
RA — Revue archéologique
REArm., NS — Revue des études arméniennes. Nouvelle série
REB — Revue des Études Byzantines
RHC — Recueil des historiens des croisades
RHCocc. — historiens occidentaux
RHCori. — historiens orientaux
DA — Documents arméniens
ROL — Revue de l' Orient Latin

П Р И Л О Ж Е Н И Я

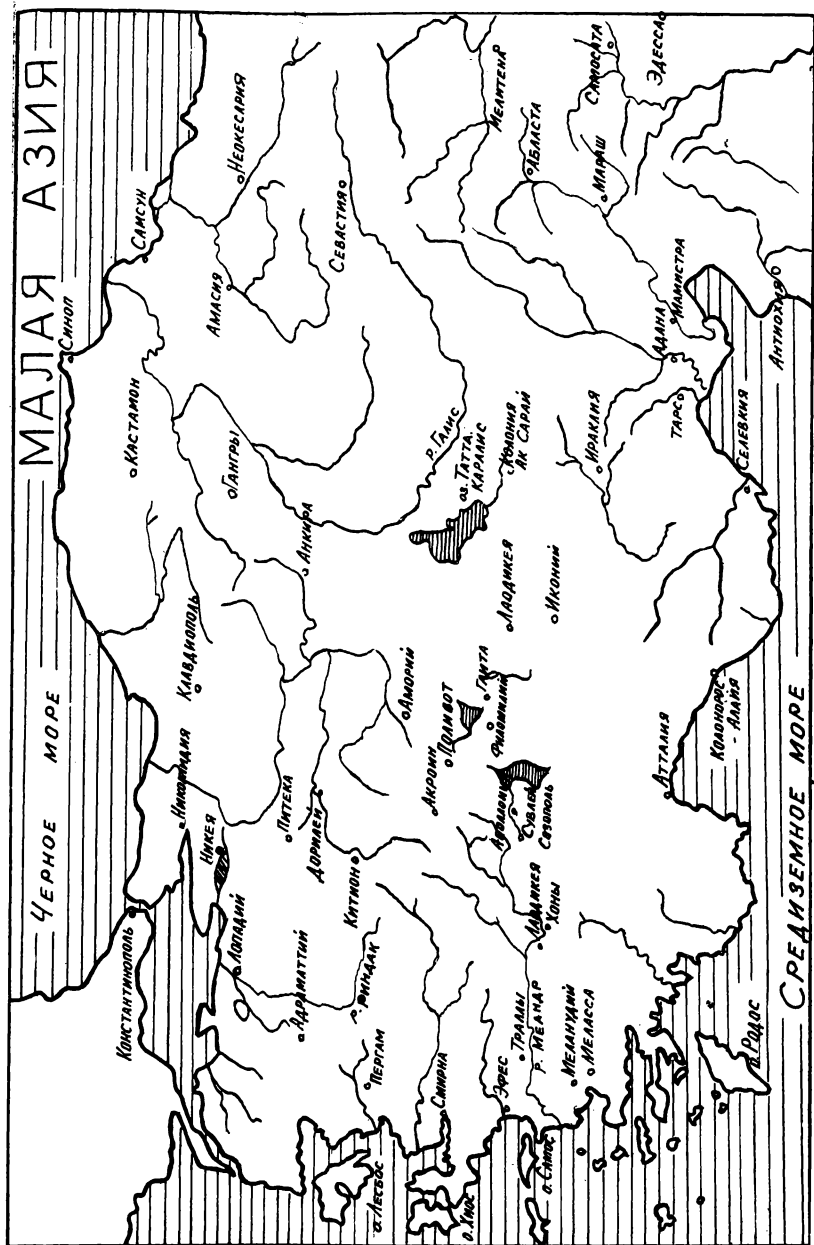
**Карты Киликии, Малой Азии,
Сирии и Ближнего Востока
в XI—XII вв.**

Генеалогические таблицы

[illegible]

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

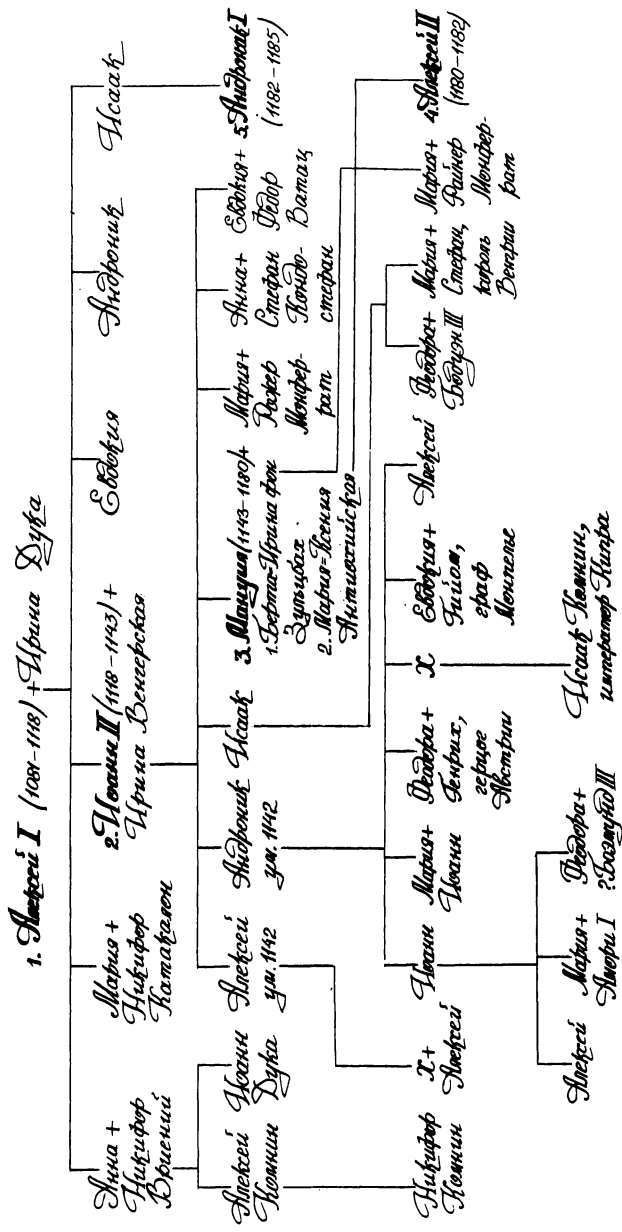

100

Женщины

Короли Иерусалима

Евстахий I, герцог Бургундский + Матильда Лувенская

Евстахий II + Ида Лотарингская Ида + **Бодуэн Бургундский**,
граф де Ретель

Евстахий III +
Мария
Шотландская

1. **Готфрид**
(1099-1100)

2. **Бодуэн I** (1100-1118) +
Ирда Рюгенка

Гуго де Ретель

3. **Бодуэн II** (1118-1131) +
Морфия, дочь Габриэля,
правителя Мелитены

Илизиус +
Роджер Салернский
кн. Антиохии

Мелисенда (1131-1162) +
4. **Гульельм I** (1131-1142)

Агиса +
Болдуин II,
кн. Антиохии

Тодерика +
Раймунд II,
гр. Триполи

Иветта,
аббатиса монастыря св. Лавара
в Бефании

5. **Бодуэн III** (1142/3-1163) +
Теодора Комнина

6. **Амори I** (1163-1174) +
1. Гонесса де Куртене; 2. Мария Комнина

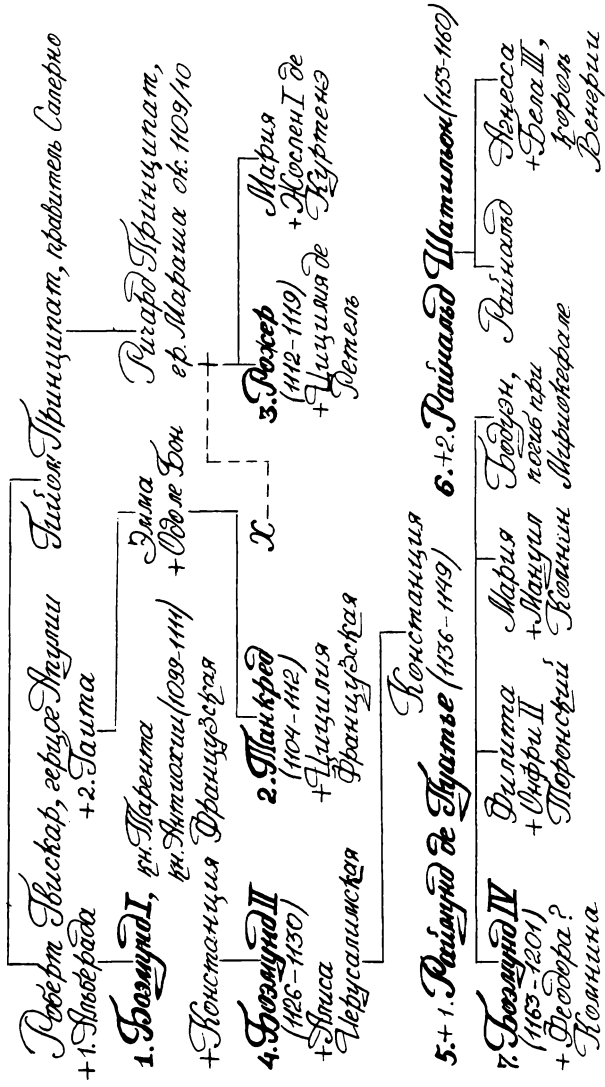
Сибилла +
1. Филипп Марфферрат
2. Гвидо Лузиньян

7. **Бодуэн IV** (1174-1185)

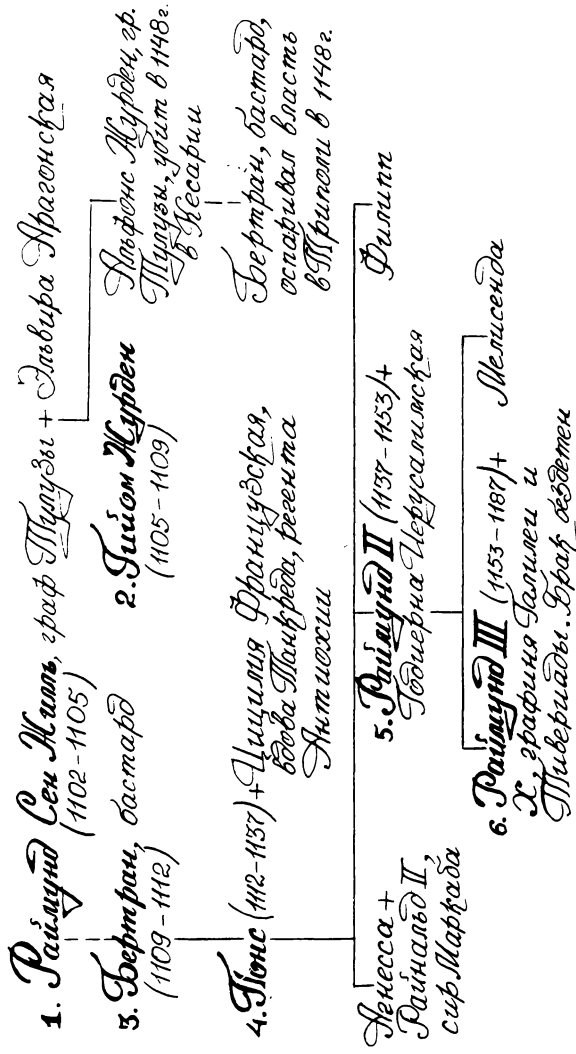
8. **Бодуэн V** ум. 1185

Изабелла +
1. Имфри Маронский
2. Конрад Монферрат
3. Рудвиг Швабский
4. Амор II Лузиньян,
король Кипра

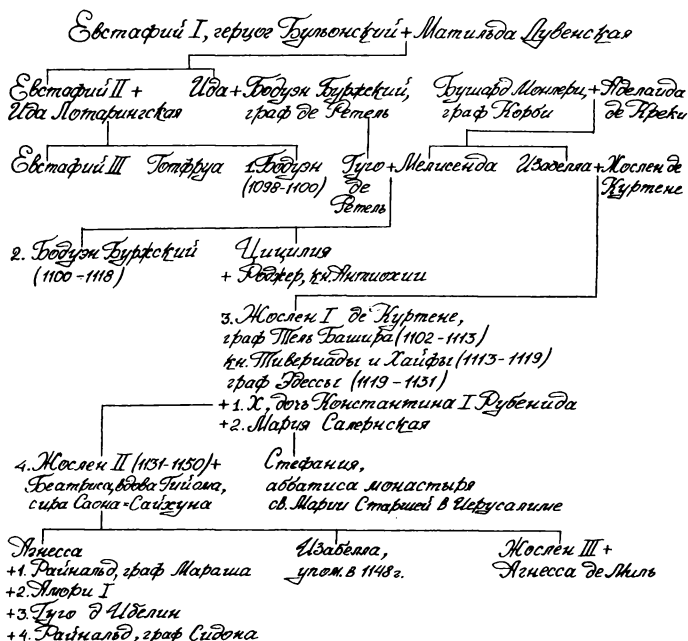
Князья Антиохии

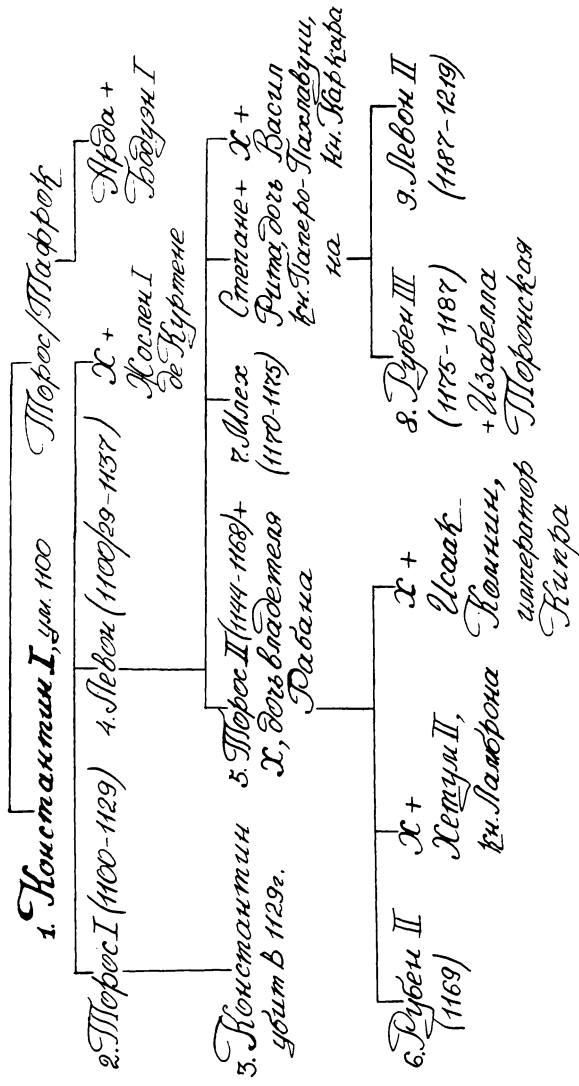
Графы Триполи

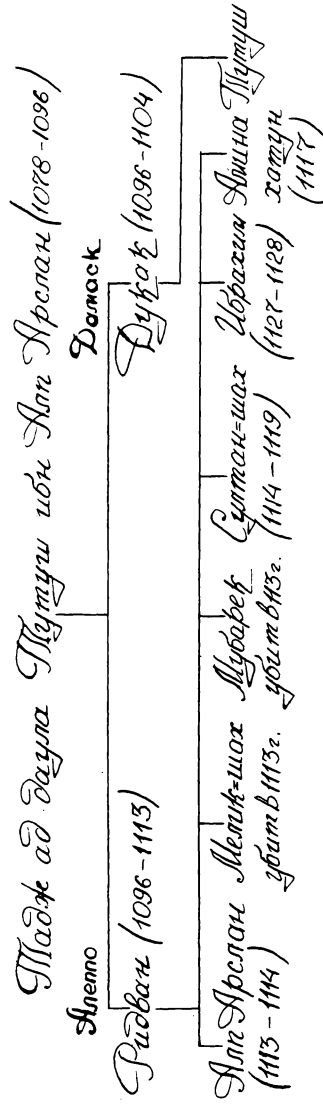
Графы Эдессы

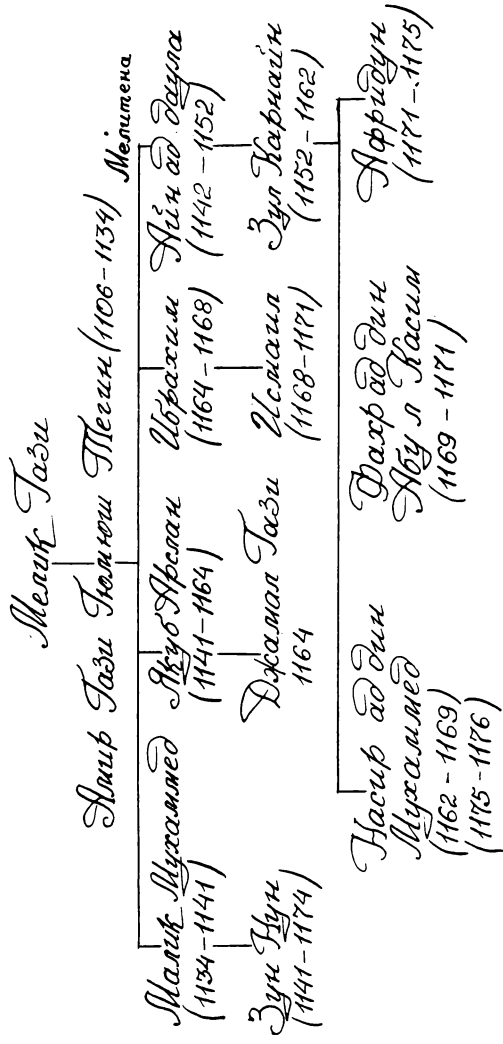
Рубениды Хилики

Сельджукиды Алепо и Дамаска

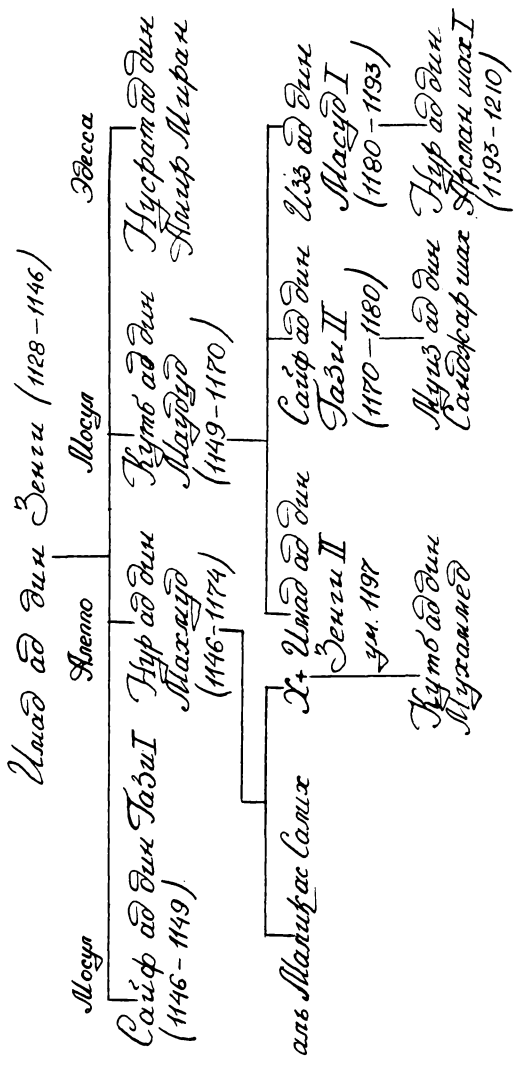

Дангилманды Севастии

Зун Нун правил в Несавини и Цаманде (1141-1168)
в Амасси (ок. 1172-1174)
в Севастии (ок. 1168-1169)

Зенгиды Мосула и Алеппо

Искендер Кан

Артук ибн Исес

Мадан

Мун ад дин Сулман I (1098-1105)

Наджм ад дин Иль Тази I (1104 - 1122)

Бахрам Абд аль Джабар

Убрахим (1105-1109)

Вуки ад дин Дауд (1109-1144)

Низам ад дин Шамс ад даула Сулейман (1122 - 1125)

Тугрултамш (1122-1152)

Хур ад дин Мурад даула Балас ут. 1124

Сайф ад дин Махмуд

Дар ад дин Кара Арслан (1144-1167)

Наджм ад дин Ягси (1152-1176)

Кутб ад дин Иль Тази II (1176-1184)

Хур ад дин Мухаммед (1167-1185)

Буриды Дамаска

1. Захир ад дин Ширегегин Бури (+1128)

2. Надж аль Мулюк (1128-1132)

3. Шаир аль Мулюк
Юсуф Фатх Исмаил
(1132-1135)

Муин ад дин Юсуф
регент (1140-1147)
атабек (1147-1149)

Х+Нур ад дин

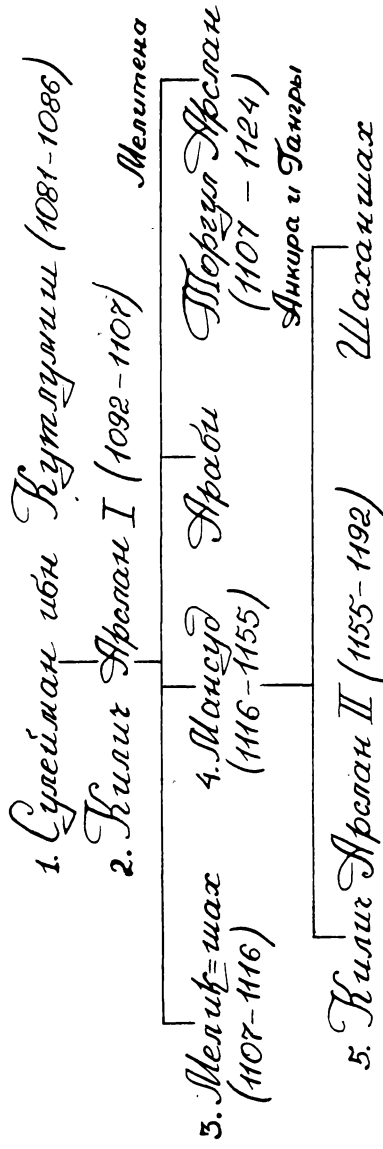
5. Джамал ад дин
Мухаммад
(1139-1140)

4. Шихоб ад дин
Махмуд
(1135-1139)

6. Абд ад даула Юсуф Саид Явак
(1140-1147)
(1149-1154)

выслан в Хамс

Сельджукиды Рума

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Византия и Ближний Восток в XI в.	24
Глава II. Василевс ромеев и первый крестовый поход. Константинопольское соглашение 1097 г.	34
Глава III. Византия и формирование государств крестоносцев. Борьба за Равнинную Киликию в 1-е десятилетие XII в.	56
Глава IV. Международные отношения на Ближнем Востоке в 1-й трети XII в.	73
Глава V. Византия, Рум и эмират Данышмендов в 30—50-е годы XII в. Борьба за гегемонию в Малой Азии	95
Глава VI. Империя ромеев, государства крестоносцев и княжество Рубенидов в 30—50-е годы XII в.	114
Глава VII. Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке в 50—70-е годы XII в.	140
Глава VIII. Империя ромеев и Румский султанат в 60—70-е годы XII в. От Константинопольского мира до Мириокефала	174
Заключение	190
Примечания	197
Источники и литература	208
Список сокращений	220
Приложения. Карты Киликии, Малой Азии, Сирии и Ближнего Востока в XI—XII вв.	221
Генеалогические таблицы	226

Валерий Павлович Степаненко

**ВИЗАНТИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
(1071—1176)**

ИБ № 123

**Редактор О. Л. Сафьянова
Младший редактор И. Б. Остаркова
Технический редактор, оформитель А. И. Долженко
Корректор Г. Г. Быкова**

Сдано в набор 21.03.88. Подписано к печати 24.10.88. НС 15186.
Уч.-изд. л. 12,46. Усл. печ. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 11,97.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 3. Печать офсетная.
Тираж 600 экз. Заказ 0039. Цена 1 р. 90 к.

Издательство Уральского университета.
620219, Свердловск, ГСП-830, пр. Ленина, 136.
Типография издательства Удмуртского обкома КПСС.
426000, Ижевск, Воткинское шоссе, 10 км.

В издательстве Уральского университета в 1988 году вышла из печати монография

Игнатенко А. В. Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре (Историко-правовое исследование). Объем 10 п. л. Цена 1 р. 50 к.

В монографии исследуется генезис и эволюция политического режима в Риме. Конкретизируются общие закономерности развития государства внутри рабовладельческой формации. Показано развитие политического режима от военной демократии через патрицианский, а затем нобилитарный аристократический режим к режиму военно-диктаторскому, авторитарному.

Для специалистов по истории и теории государства и права, студентов исторических и юридических факультетов.

Заявки направляются по адресу: 109202, Москва, Вторая Фрезерная, 14. ЦОКБ.